ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 2 ЯНВАРЬ 1989

ПОЭТИЧЕСКАЯ МУЗА ХУДОЖНИКА

ИЗ ЗАПАСНИКОВ РУССКОЙ ПРОЗЫ

НА ХОЛСТАХ — ДЫХАНИЕ ОСЕНИ

БЕЗ ЛЮБВИ ВИНОВАТАЯ

ТАМОЖНЯ: ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

УЧИТЕСЬ МАСТЕРСТВУ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (3207)

7—14 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Лучший баскетболист Европы Арвидас САБОНИС (см. в номере материал «Еще один бросок Сабониса...»).

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 19.12.88. Подписано к печати 03.01.89. А 10445. Формат 70×108⅛. Книжно-журнальная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,70. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 3512. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СПАСИБО, НО...

Перед самым Новым годом москвичи и гости столицы получили долгожданный подарок — новую линию метро.

Ее мы ждали давно: очень уж она нужна. Из всех столичных вокзалов только Савеловский был без своей станции метро. Вот теперь она есть, и вдобавок еще две станции — «Менделеевская» и «Цветной бульвар».

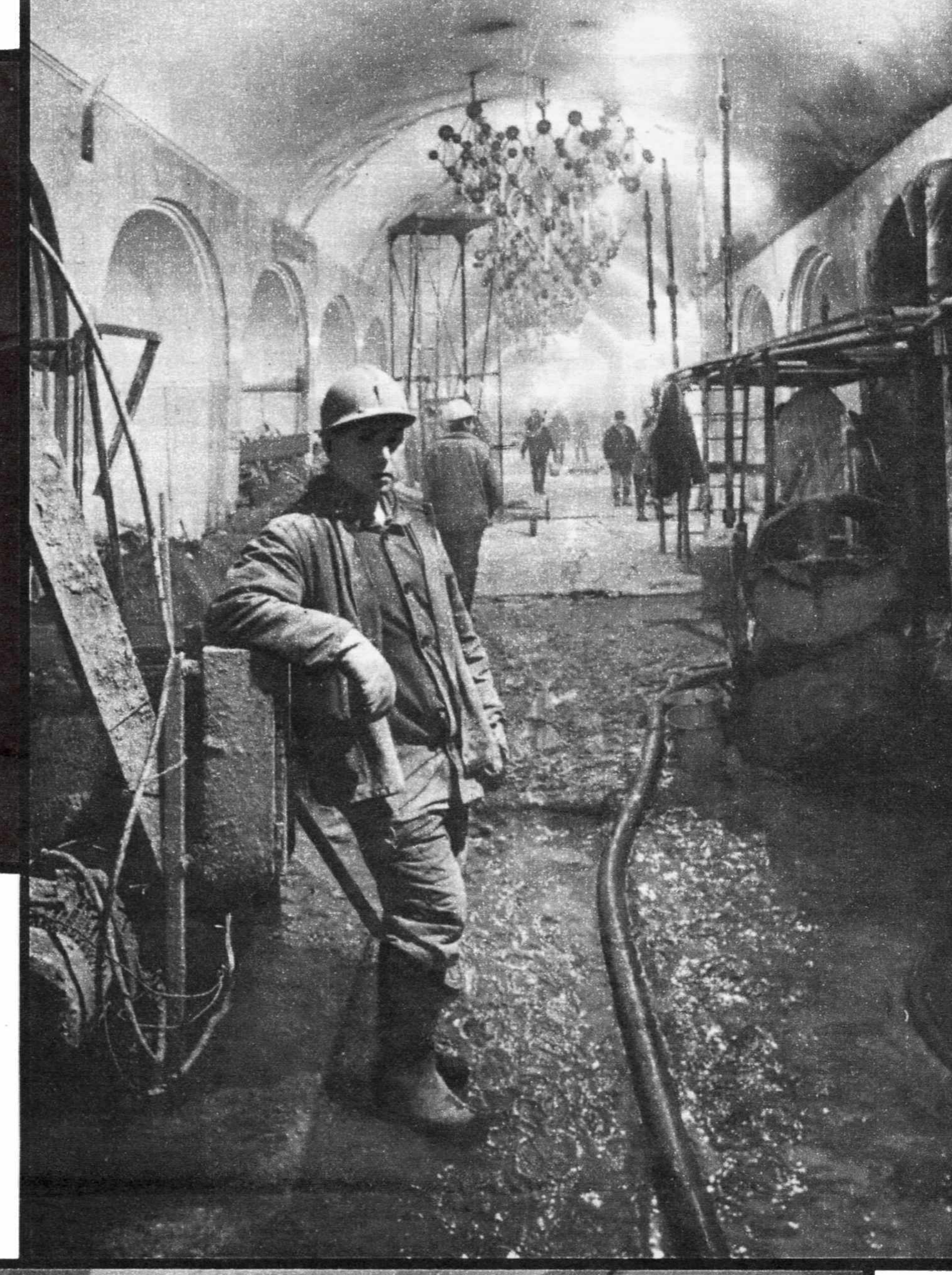
Метростроевцы сделали все от них зависящее, чтобы станции приняли пассажиров до Нового года. Как не помянуть добрым словом проходчиков! Трасса оказалась на редкость сложной. Один только августовский прорыв воды в тоннеле сколько сил и времени отнял! Но ничего, не стушевались, не отступили. Досталось и отделочникам. Возьмите станцию «Менделеевская» — арки, пилоны, лепнина, светильники... Давно таких красивых и весьма трудоемких станций не было. И не подкачали, справились. А какие трудные задачи пришлось решать архитекторам, проектировщикам! Одно слово — молодцы, но...

Штурмовщина... Строить линию четыре года, затратить больше ста миллионов рублей — и под конец устроить аврал. Впрочем, это, по-нашему с вами мнению, аврал. По-метростроевски же — нормальное дело.

Василий Анатольевич Власенко, проходчик:

— Когда прижмет, так и по тридцать

рублей за сверхурочные получаем. На проходке я за месяц зарабатывал двести сорок, а за два месяца на отделке — семьсот.

Анатолий Павлович Келембет, электромеханик восьмой дистанции метрополитена:

— Я проверяю подготовку к эксплуатации электрической части. Из рук вон плохо. Из-за штурмовщины к работам привлекают неподготовленных работников. И вот результат: сегодня кто-то взял и забил в кабель гвоздь. А кабель уже вмонтирован в стену, теперь нужно искать, где пробой. Много, очень много брака идет в ходе штурмовщины.

Так нужна ли нам, пассажирам, такая «сдача»?

— Сдавать станции к Новому году — это хорошая наша традиция,— сказала мне заместитель секретаря парткома Мосметростроя Елена Максимовна Всеславская.— Москвичи ждут эту линию. Они нам не простят, если не получат этого долгожданного подарка.

Борис КОПТЕВ.
Фото Марка ШТЕЙНБОКА.

ТРЕТИЙ ЗАКОН НЬЮТОНА,

ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПОЛУЧЕННЫМ УРОКОМ

«Ну когда я все это прочитаю? — подумал я, вынув после новогодней ночи из почтового ящика груду газет и журналов.— И сколько нервов все это стоило!»

Да уж, давно, наверное, миллионам наших людей не приходилось столь активно расходовать нервную энергию во время подписной кампании, как в течение нескольких осенних месяцев прошедшего года. Есть что вспомнить! Утренние гонки на пути к почтовому отделению — не опоздать бы к открытию! Увещевания и мольбы, обращенные к уже вконец измотанным почтовым работникам,— найти возможность подписать хоть на один экземпляр журнала и унизительные отказы. Подборки писем возмущенных читателей в газетах. И проникнутые сознанием собственного достоинства и правоты лица руководителей Министерства связи СССР на телеэкране, спокойно повторявших, что без лимитов на подписку не обойтись,— нет бумаги, слабы полиграфические мощности, не хватает почтальонов, нет... ну, абсолютно ничего нет и вообще никак невозможно...

Вспомнил и один из телефонных звонков домой. Сестра взволнованно спросила: «Нет ли у тебя случайно бланков для подписки? Понимаешь, на нашей почте исчезли бланки. Говорят: ищите где хотите, нам не прислали...» И, четко выразив свое мнение о ходе подписки, устало заключила: «Что же они делают? Кому все это нужно?»

«И в самом деле, кому это было нужно?» — повторял я, размышляя о перипетиях, связанных с завершившейся подпиской. Как все это знакомо и как надоело... И вдруг насторожился. Память неожиданно подсказала ассоциацию. Не может быть!.. Немедленно проверить!.. Перебрав несколько томов на книжной полке, раскрыл один их них. Вот оно!

«...В экспедицию стали поступать письма с жалобами на плохую доставку газеты, пропажу отдельных номеров и т. п. С каждым днем поток жалоб увеличивался: система репрессий почтовых чиновников начала давать результаты».

Ну, конечно же, это именно то. Интересно, однако, как тогда в редакции отнеслись к этой попытке лишить ее читателей?

«Редакция возбудила дело против отдельных почтовых учреждений. Она обратилась за помощью к общественности, публиковала подборки писем читателей, раскрывавшие методы, к которым прибегали реакционеры в борьбе с газетой... В своих ответах подписчикам экспедиция подчеркивала организованный характер проводившейся против нее подлой кампании: «По-видимому, согласно приказам сверху, почта осуществляет род... цензуры над нашей газетой, или же носятся с планами разорить ее посредством систематической плохой доставки. Мы приложим наши силы, чтобы в ближайшее время выяснить эти намерения».

Что за проказница эта Клио — муза истории! Нет-нет и напомнит о том, что, кажется, напрочь забыто. Преподнесет такие сюжеты, после знакомства с которыми многое из того, что происходит на наших глазах, предстает в совсем ином свете. Ну хотя бы эту историю, которая разыгралась ровно сто сорок лет назад, в октябре — декабре 1848 года в Кёльне — одном из крупнейших городов тогдашнего Прусского королевства. Историю о том, как в бурное время германской буржуазно-демократической революции прусские реакционеры пытались удушить «Новую Рейнскую газету» — ту самую газету, которую Ленин позже назвал лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата. И о том, как ее главный редактор Карл Маркс отстаивал ее существование. До чего же поучительная история! И сколь актуальная! Правда, кое-что из нее уже устарело. Некоторые средства, с помощью которых прусские чиновники травили «Новую Рейнскую газету» и ее редактора, с течением времени были «утеряны». Любопытно, однако, что же они использовали?

Почтовые чиновники не доставляли газету подписчикам, уничтожали ее экземпляры, перлюстрировали письма в редакцию, а потом просто перестали доставлять их.

Редакцию мучили судебными процессами. Ее руководителей и сотрудников непрерывно обвиняли в государственной измене, оскорблении достоинства короля и клевете на правительственных чиновников, судебные органы, полицию, депутатов парламента... Вызывали на допросы, проводили обыски.

В редакцию газеты направляли анонимные письма, заполненные площадной руганью и угрозами физической расправы с ее сотрудниками. Непрерывно собирали и копили компромат против главного редактора,— уже тогда понимали, что простейший способ избавиться от неугодного издания — скомпрометировать и затем удалить его редактора...

Надо ли продолжать этот перечень, чтобы дать представление об «арсенале», находившемся в распоряжении врагов газеты? Отдадим им должное: они пользовались им с редкой целеустремленностью, холодным расчетом, истинно прусской методичностью, коварством и жестокостью. И, заметим, добились своего...

Слышу раздраженные голоса: причем тут эта история полуторавековой давности? Как можно проводить столь рискованные аналогии с современностью, с ситуацией, сложившейся в нашем обществе?

Да, аналогия неожиданная, но, замечу, закономерная. Не нужно иметь ученую степень для того, чтобы понять: если в однотипной ситуации, пусть и в разные периоды, возникает одно и то же явление, то следует говорить о закономерности этого процесса, имеющего самое непосредственное отношение к существованию гласности и прессы.

В самые кризисные периоды истории, когда остро сталкиваются интересы различных общественных групп, повторяется одно и то же. Резко возрастает роль прессы как орудия гласности и важнейшего ее защитника. И в то же время усиливается борьба с ней. Как только реакционеры оправляются от шока, который они испытывают после первого успешного натиска демократических масс, они стремятся ограничить гласность. Для этого нужно прежде всего нанести удар прогрессивной прессе — заткнуть ей рот или хотя бы на первых порах любыми средствами ограничить ее влияние...

Признаться, после введения лимитов на подписку и всего, что за этим последовало, у меня, как и у многих, крепло убеждение: мы имеем дело с покушением на гласность. Все вроде бы выстраивалось в логическую цепочку. Сначала публикация «манифеста» Н. Андреевой. Затем сопротивление экономической реформе, организация дефицита и т. п.

Логика размышлений была прервана. Мне, как и другим, авторитетно разъяснили, что все происшедшее с подпиской не чей-то злой умысел, не хорошо продуманная операция. Просто ведомственный просчет. И что, когда пришло время, вмешались сверху и поправили кого следует.

Так хочется этому верить. Тем более что действительно, как мы помним, когда накал страстей у подписчиков достиг пика, вопрос перенесли на самый верх. Трезво оценив ситуацию и ее возможные последствия, там приняли решение. Совет Министров СССР отменил лимиты на ряд центральных изданий. Ошибку поправили.

Но ошибка ошибке рознь. Одно дело — случайный просмотр, чья-то небрежность, которую легко заметить и нетрудно исправить. И совсем иное дело — такая ошибка, которая ударила по интересам миллионов людей и результаты которой могут сказываться неопределенно долгое время. Что за просчет, когда речь идет о тысячах тонн бумаги, потребной для обеспечения газетных и журнальных тиражей? Разве ответственные за подписку не имели исходных данных, достаточных для оценки ее характера и перспектив? Итоги предыдущей подписной кампании дали им вполне достаточную для этого информацию. Смешно говорить о недальновидности или неразумии какого-то чиновника, который, руководствуясь интересами своего ведомства, принял опрометчивое решение. Никогда не поверю, что чиновник, пусть и самый высокопоставленный, решится на такой шаг. Не столь он глуп, чтобы хоть в малейшей степени подвергнуть свое положение какому-либо риску. Он прекрасно понимает, что вторгается в сферу идеологии, в область политики. И лишь получив санкцию, даст указание... Интересно, однако, кто же дал санкцию на проведение **подобной** подписки?

Право же, такая ошибка ничем не лучше злого умысла. И чтобы оценить ее последствия, надо серьезно в них разобраться.

Вроде бы все закончилось хорошо. Все осталось позади: отмена лимитов, относительно спокойное завершение подписной кампании. И уже становятся известны ее первые итоги. Иные цифры впечатляют, но не удивляют. Не удивляют даже почти 20 миллионов подписчиков еженедельника «Аргументы и факты» — людям нужна фактологическая информация. Как не удивляют без малого полтора миллиона подписчиков «Нового мира», бурно выросшие тиражи «Дружбы народов» и «Знамени». Однако, признаться, эти и другие цифры при всей их значимости меня сейчас не очень интересуют. По нескольким причинам. Главная из них: важнейшее значение имеют не сами цифры, а путь к ним. Те выводы, которые следует сделать из анализа ошибки. Тот очередной урок, который получили все, имевшие отношение к подписной кампании,— и ее организаторы, и миллионы подписчиков.

Qui bono? Кому от этого польза? — спрашивали римляне, желая понять значение какого-либо события. Кому же все это на пользу? — повторим мы этот вопрос, размышляя над ходом и итогами прошедшей подписной кампании.

Ее организаторы, несомненно, преследовали цели не только экономии дефицитной бумаги и обеспечения продажи периодических изданий в розницу. И не нужно недооценивать того, чего они добились, несмотря на отмену введенных ими лимитов.

Оборвав на значительное время свободную подписку, они посеяли в душах людей чувство неуверенности и недоверия. Кто после этого скажет, что подобное не повторится?

Они попытались — и не без успеха — лишить читателей возможности выписать **свою** газету, **свой** журнал, представлявшие их интересы, являвшиеся их голосом и защищавшие их гражданские права. Невидимая, но выдержавшая многие испытания, создававшаяся годами, а то и десятилетиями, связь подписчиков с редакциями оказалась серьезно нарушенной. И пусть не говорят, что не было ничего легче, чем ее восстановить, выписав нужное издание после отмены лимитов. Для многих, не самых состоятельных читателей — студентов, пенсионеров и других — это уже оказалось финансовой проблемой. Как сказал один из моих знакомых, выразительно похлопав по своему карману: «Деньги-то уже ушли...»

Отказав читателям на значительное время в свободной подписке, их лишили и возможности выбора и тем самым оценки того или иного издания, того, к чему мы пришли так недавно, лишь в конце 1987 года, когда, наконец, были сняты казавшиеся вечными ограничения. Какое уж тут голосование рублем за ту или иную газету или журнал, какая состязательность между ними, если тебе предлагают столь ограниченный ассортимент! И как теперь судить об истинной популярности газеты по результатам подписки на нее? Цифры неизбежно оказываются смазанными. Не могу не радоваться, узнав, что количество подписчиков «Огонька» возросло более чем вдвое. Но думаю при этом, сколько читателей журнала, особенно в глубинке, не сумели своевременно оформить подписку на него из-за введения лимитов...

А какой нездоровый ажиотаж вызвали организаторы подписки! Какие шекспировские страсти кипели вокруг единственного экземпляра «Нового мира» или другого «толстого» журнала, «выделенного» коллективу в тридцать — сорок человек! Рефлекс «запретного плода» срабатывал на двести процентов. Поэтому, когда были отменены лимиты, многие снова кинулись в почтовые отделения, как бы наверху не

опомнились и не восстановили исчезнувшие ограничения... В результате немало подписчиков теперь соображают, где найти время, чтобы «освоить» все, что им доставляют изнемогающие под тяжестью сумок почтальоны.

Нет, что ни говорите, а организаторы подобной подписки немало преуспели.

Но не нужно и переоценивать того, чего они добились. Главного, к чему стремились, они все же не достигли. Более того, хотя немало выиграли, проиграли в конечном счете несравненно больше.

Они не учли... третьего закона Ньютона. Помните, школьное, полузабытое: всякое действие вызывает равное и противоположно направленное противодействие... Формулируя один из законов классической механики, великий английский ученый и не подозревал, что он проявляет себя не только в физике. С не меньшей силой он действует, очевидно, и в человеческой психологии. Но с одной весьма существенной поправкой: сила противодействия здесь нередко намного превышает силу первичного действия. И тот, кто с этим не считается, терпит неудачу. Лучшим подтверждением тому явилась общественная реакция на введение лимитов на газеты и журналы.

Эта реакция — свидетельство того, что три минувших года не прошли бесследно, что процесс изменения общественного сознания убыстряется, что многие уже осознали силу гласности и что у них просыпаются гражданские чувства. Самое положительное из того, что показали события, связанные с прошедшей подпиской, наверное, то, что в ее ходе люди увидели свои возможности. Они поняли силу общественного мнения и необходимость его организованного выражения.

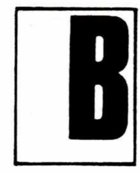
То, с чем мы столкнулись в эти месяцы, неожиданно подтвердило всю справедливость того тезиса, который выдвинул М. С. Горбачев в своем выступлении 7 декабря 1988 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тезиса о свободе выбора как всеобщем принципе, который не должен знать никаких исключений. Думается, этот принцип должен действовать на всех уровнях. И на самых высоких — в мировой политике, в отношениях между народами. И на несравненно более низких — при решении конкретных частных вопросов. В том числе, например, связанных с подпиской. Любой человек должен иметь право в любое время свободно выписать любую газету или журнал, издаваемые в нашей стране, свободно выбрав их в соответствии со своими интересами и симпатиями. И пусть это право будет зафиксировано в Законе о печати, проект которого никак не решается опубликовать в нашей прессе.

Да, введение лимитов на гласность оказалось бумерангом, больно ударившим по организаторам подписки. Нельзя не испытывать чувства удовлетворения от этого. Но это никому не дает основания для ликования. Потому что ошибка, которую совершили во время подписной кампании, не последняя. Потому что в будущем нас ожидают новые ошибки. И они неизбежны. Ведь путь перестройки — тяжелый и во многом неизведанный путь. У гласности еще много противников, которые не желают примириться с процессом демократизации, с усиливающимся стремлением к подлинному народовластию. Сократить количество и масштабы этих ошибок можно, лишь извлекая уроки из каждой, осмысляя, кто и что стоит за ней, столкновение чьих интересов привело к ней. И советуясь с историей — как полуторавековой, так и совсем недавней, прошедшей на наших глазах. Ведь то, что так волновало нас только вчера,— это уже история — «текущая история», как говорил Маркс. Она всегда связана с настоящим и с завтрашним днем — нашим будущим.

Семен ГУРЕВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор
факультета журналистики МГУ

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Взяться за перо меня заставила, как принято ныне говорить, не совсем «штатная» ситуация: журнал «Огонек» (№ 50 за минувший год) в разделе «Слово читателя» опубликовал письмо Ольги Кучкиной, Эдуарда Успенского, Ярослава Голованова и Геннадия Гладкова, в котором шла речь о лечебной деятельности В. Столбуна, но не прошло и двух дней, как отдел науки и техники газеты «Известия» ответил жесткой репликой.

Пафос «письма четырех» заключается в защите Столбуна и его метода от «чиновных амбиций», торжествующих над «здравым смыслом», в жертву которым приносятся «сотни и тысячи людей», желающих вылечиться от «тяжких недугов». Заканчивается письмо сакраментальным вопросом: «Доколе?»

Реплика в «Известиях» еще раз напоминает читателю, что против Столбуна возбуждено уголовное дело, что ведется следствие, а письмо в «Огоньке» есть не что иное, как попытка «под видом дискуссии» воспользоваться недозволенным приемом, хорошо известным «любому журналисту» и тем более каждой редакции, а именно: «оказать давление на следствие».

Скандал!

А мне-то, собственно говоря, какое до него дело? Ну, предположим, и я знал Столбуна, даже писал о его методе некоторое время назад в документальной повести «Визит к экстрасенсу» (альманах «Пути в незнаемое» № 19 за 1985 год), что из того? Одни нынче «за» Столбуна, другие — «против», кто-то негодует при упоминании его имени, кто-то пылает от восторга, я лично отношусь к нему иронически: плюрализм мнений! Зачем ломать копья, к чему пылить, тем более что и следователь рано или поздно выявит свое отношение к Столбуну, и специалисты в отличие от болельщиков-дилетантов, разобравшись в его методике, поставят наконец какие-то знаки препинания: то ли многоточие, то ли «восклик», то ли большую и окончательную точку. Я хочу сказать: кому мешает плюрализм, который в наше демократическое время не только его знамение, но его суть и некоторым образом его гарант?

Понимаю: мне возразят в том смысле, что, мол, бог с вашим плюрализмом, валяйте, высказывайтесь, но только не давите на следователя, а в перспективе на судью, которые заняты своим профессиональным делом, не препятствуйте им выработать непредвзятое отношение к врачевателю, его группе и его методу лечения. На что я отвечу: а почему вы считаете, что «давить» на этих людей — плохо? Это ж не тайное «поддавливание», не через родственников или соседей шепчут им на ухо, суля блага или неприятности, не «телефонным правом» пользуются, а гласно выражают свое мнение! И еще одно: разве на облаке живут судьи и следователи, разве, кроме своих кодексов, они книг не читают, в кино не ходят, телевизор не смотрят и в очередях не стоят, в которых тоже слышат разные мнения о том или ином факте и событии, иными словами, разве они ходят по обочине жизни, боясь «вляпаться» в общественное мнение?

А зачем оно тогда нужно? Зачем создан у нас недавно Всесоюзный центр изучения общественного мнения во главе с академиком Т. Заславской? Для нас с вами, минус судьи и следователи, министры и генералы, партийные лидеры и руководители Советов и ведомств? Мы институту — наше общественное мнение, а институт, его обработав, нам же его обратно? Да нет, дорогой читатель, для того и ворочается вся система средств массовой информации, чтобы сформировать и выявить общественное мнение, которое должно «работать», «давить», «воздействовать», чтобы не получился сплошной круговорот воды в природе, а вертелась, образно говоря, турбина нашего общего дела, вырабатывая «ток».

Конечно, правоохранительные органы имеют свою специфику,— кому это не понятно? На физика, к примеру, как ни «дави», он поставит эксперимент, и что получится, то и получится. На судей же и следователей традиционно «жали» мнениями, причем так же традиционно воздействовали на них не столько сами мнения по их сути, а то, кем они высказывались. Рецидивы, к сожалению, до сих пор не исчерпаны. Вот свежий пример. Пока «Известия» отвлеклись репликой «Огоньку», их угораздило напечатать в разделе «Перекресток» небольшую заметку Ю. Щекочихина под названием «Как генерал спешил на совещание» (№ 350) — о дорожном конфликте между простым водителем «Жигулей» А. Шейко и начальником ГУВД Мосгорисполкома генералом П. Богдановым. Заметка спокойно печаталась, а в это время А. Шейко возьми и подай на генерала в суд! Тогда генерал пишет письмо в газету, опровергая автора. Поймите меня правильно, я без намеков на компромат из прошлого конфликтующих сторон, я о пикантности всей ситуации: дело уже лежит на столе у судьи, а в «Известиях» — два мнения, и оба наотмашь!

Добавлю к сказанному еще одну деталь: в опубликованном письме П. Богданова сказано, что печатать заметку Ю. Щекочихина до решения суда было «вряд ли этично», и газета, лукаво «не замечая» этих строк, их же и печатает, так и не дождавшись решения суда...

В свете этого неожиданного примера весьма странно выглядит реплика «Известий» в адрес «Огонька»,— разве не так? Здесь тоже: на столе у следователя Московской областной прокуратуры лежит «дело» В. Столбуна, слева от него «Огонек» с рядовым письмом четырех читателей, а справа — «Известия» с отповедью, подписанной отделом науки, надо полагать, в полном составе! Что делать бедному следователю? Куда податься несчастному судье?

Я бы так сказал: а ничего не надо делать, никуда не следует подаваться. Мы с помощью гласности уже так «надавили» нашим общественным мнением на правоохранительные органы, что, кажется, научили их работать без оглядки на различные мнения, как публикуемые в печати, так и звучащие из телефонных трубок, а если еще не научили, то непременно научим: парадоксально, но так! Именно общественное мнение настаивало и настояло в конце концов на праве следователей и судей иметь собственное мнение, продиктованное объективными обстоятельствами по каждому делу, подчиняясь при этом только закону, сохраняя свою независимость и достоинство. Это право, касаемое судей, уже нашло подтверждение в Законе «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР», статья 152-я которого провозгласила новый порядок выборов судей, что дает надежду на большую независимость в сравнении с той, которая есть у них сегодня.

Какие уроки мы можем извлечь из всей этой истории? Прежде всего такой: если мы действительно намерены строить правовое государство, наступать на горло средствам массовой информации и бессмысленно, и опасно. Будет неусеченная гласность — будет и независимость следователей и судей, будет у них независимость — нечего бояться гласности: тут все переплетено в тугой узел, развяжешь один конец, другой развяжется сам. Ограничения в гласности принесут неизмеримо больше вреда, чем тот, который можно ждать от правоохранительных органов, оказавшихся под «давлением» средств массовой информации. «Нельзя» в журналистике — это шаг по пути к «можно» в юриспруденции в смысле беззакония, что неминуемо приводит к разрушению правового государства, которое с таким трудом мы пытаемся создавать. Неужели это еще надо кому-нибудь доказывать? Неужели кто-то еще не понимает, что боятся гласности только зависимые, несамостоятельные судьи и следователи?

Хватит. Наелись.

Старый спор среди газетчиков: когда следует публиковать материалы — до суда или после вступления приговора в законную силу, сегодня, как мне кажется, утрачивает актуальность. В любом демократическом государстве, где царствует закон, где торжествует гласность, журналисты пишут и говорят во всех тех случаях, когда имеют информацию, на основе которой вырабатывают свое мнение: это может быть и во время следствия, и до суда, и в момент судопроизводства, и после вынесения приговора.

Для наших реальных условий я сделал бы только одно дополнение: защищать человека — нравственно всегда! Прокуроров и без нас, журналистов, хватает, а вот защитников даже вместе с нами извечно мало...

Вот такие уроки можно вынести из истории, которую я вам рассказал. Во имя их, право же, стоило браться за перо. В конце концов нам пора привыкать к тому, что плюрализм ведет свое начало не от слова «плювать», а означает множественность, разнообразие, широкий и прекрасный спектр позиций, мнений, цветов и оттенков.

ДА НЕ ОСКУДЕЕТ РУКА ДАЮЩЕГО • ОБЯЗАННОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ • КОМПЕТЕНТНОСТЬ — НЕ ВЕДОМСТВЕННОЕ ПРАВО •

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Заканчиваясь, прошедший год одарил нас прямо-таки приливом внимания сразу нескольких уважаемых изданий. Читатели спрашивают о нашем отношении к этим выступлениям, что вынуждает меня хоть коротко, но ответить.

№ 18 журнала «Политическое образование», № 12 журнала «Журналист» сочли возможным возвратиться к вопросу о том, имело ли право первое из названных изданий печатать в 1982 году статью, подписанную моим именем, но искаженную верноподданными редакционными дописками. Категорически утверждаю, что не имело, тем более, что ими была получена телеграмма об этом:

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
ТЕЛЕГРАММА

Бл. № 70

КИЕВ 1/501 30 9 1025=

МОСКВА Г-19 МАРКСА ЭНГЕЛЬСА 5 ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООБРАЗОВАНИЕ СМОРОДКИНУ СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ=

ТАКОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕДАКЦИОННЫХ ДОПИСОК И ПЕРЕПИСОК ДЕЛАЮТ СТАТЬЮ НЕ МОЕЙ ОДНИ ОБЩИЕ МЕСТА МНЕ ПОДПИСЫВАТЬ НЕЗАЧЕМ=ИЗВИНИТЕ ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ-

Кроме того, редакции «Журналиста» интересно творческое и общественное лицо прежнего редактора «Огонька» А. Софронова. Не считая приличным для себя и журнала углубляться в этот вопрос, я просил бы тех, кто помнит о роли А. Софронова в отечественной культуре, а также о деятельности В. Жидкова, нынешнего редактора «Журналиста», в пору «новомировских погромов», поделиться своими соображениями с редакцией ежемесячника «Журналист» (Москва, Бумажный проезд, 14).

Сочинение критика А. Байгушева в № 12 журнала «Москва» — явление более капитальное, чем только что упомянутые, и столь же логичное. Ясно, что несколько наших критических выступлений, в частности касающихся М. Алексеева, привычно руководящего ежемесячником, будут отомщены. Именно отомщены, а не оспорены, потому что «Москва» уже не раз доказывала, что в литературные споры ее сотрудники не вступают. Недавно в «Огоньке» С. Рассадин с прискорбием отмечал, что жанр политического доноса, как одно из проявлений, вежливо говоря, стиля «ретро», утвердился на страницах критических отделов некоторых журналов. В этом стиле выдержана и упомянутая статья А. Байгушева, пересказывающая старые наветы и сплетни, излагающая множество сюжетов, каждый из которых полвека назад вполне мог бы обосновать роковой приговор. Время уже не то, но тем не менее желание оговорить, скомпрометировать, опозорить привычно реализуется. Для литературного спора публикация «Москвы» в очередной раз оснований не предоставила.

До чего же дружный залп был только что дан по «Огоньку», до чего координированно сделано это и раздраженно!

Виталий КОРОТИЧ

■

Движимые искренним состраданием к братскому народу, обращаемся через ваш журнал к армянской семье, лишившейся жилища.

Мы, семья из четырех человек (нам с женой около сорока, сыновья учатся в 5 и 7 классах), живем в двухкомнатной квартире в Одессе. Кроме того, в личной собственности имеем деревенский дом из трех комнат, расположенный в восьмидесяти километрах от города. Дом в хорошем состоянии, обставлен скромной мебелью, т. е. уже сегодня готов принять нуждающихся. Имеются большой огород, сад, приусадебные постройки. Автобусное и железнодорожное сообщение с Одессой и райцентром налажено.

Благодарности, каких-либо материальных льгот, как принято в таких случаях, не ищем, хотим лишь, чтобы люди, которым попадет это письмо, поскорее забыли о постигшем их несчастье, нашли на нашей земле свою вторую родину и дело по душе.

Что касается нас с женой, то мы рассчитываем переехать жить в деревню не скоро, лет через восемь — десять, когда вырастут сыновья. Убеждены, что к тому времени наши новые друзья смогут решить (возможно, не без нашей помощи или помощи колхоза, односельчан) все сегодняшние проблемы.

Семья ЧЕРКАСОВЫХ
Одесса

■

Вопрос о службе в армии не может никого оставить равнодушным. Каждый человек так или иначе связан с ним. На встрече с молодежью Москвы и Подмосковья М. С. Горбачев сказал, что партия сейчас вплотную подошла к решению вопросов, связанных со службой в армии. Очень хотелось бы, чтобы данный вопрос не решался келейно и при его решении было учтено все многообразие мнений.

Сейчас много говорят и пишут по данному вопросу. Мнения различны. От предложений контролировать армию до советов присмотреться к опыту строительства армий наемных, профессиональных. Наиболее распространенное мнение — о необходимости сократить срок службы для одних и вообще исключить ее для других, «наиболее одаренных».

Уметь с оружием в руках защищать Родину — для каждого члена нашего общества в данное время необходимость, которую должны осознать все. Следовательно, о ликвидации армии, превращении ее в наемную и о выборности призыва речи быть не должно, но между тем и необходимость превращать в обязанность не стоит. Необходимость — категория, стоящая намного выше обязанности. Поэтому при решении вопроса о прохождении службы необходимо подумать о системе, которая по своей сути будет основываться на необходимости. Для этого нам нет надобности перенимать чей-то опыт военного строительства. Просто нужно изучить свой, предопределенный всем ходом и логикой революционной борьбы и имевший место до 1 сентября 1939 года, до принятия Закона о всеобщей воинской обязанности, то есть к опыту обучения личного состава внеказарменным путем. Внеказарменное обучение обеспечивалось тем, что комплектование армии осуществлялось по территориально-милиционному принципу, выработанному по предложению В. И. Ленина VIII и IX съездами РКП(б). Большой вклад в практическое осуществление ленинских идей в территориально-милиционную систему внесли М. В. Фрунзе и В. К. Блюхер. Я думаю, что на опыт милиционного комплектования и обучения армии следует обратить самое серьезное внимание, а для этого необходимо сделать так, чтобы он стал достоянием гласности.

В. А. СИДОРОВ,
военнослужащий
Амурская обл.

■

До сих пор в системе заработной платы преподавателей в вузе во главу угла поставлены тарифные ставки, оклады. Тарифная ставка, твердый оклад по своей сути отрицают принцип справедливого распределения по конечным результатам труда, поощряют иждивенчество, безделье, халтуру. Работаешь хорошо, обеспечиваешь практически 100-процентную посещаемость студентов, прочные знания или работаешь плохо при полупустых аудиториях — получаешь одно и то же. С такой уравниловкой в оплате труда, говорилось на XIX партконференции, надо расстаться.

Следует ввести свободную запись студентов к лекторам, а непопулярных начетчиков переводить на семестр в ассистенты. Это отобьет охоту рассматривать вуз как выгодную кормушку, из которой легко можно черпать три или пять сотен каждый месяц, вещая прописные истины при полупустых залах, не пополняя и не обновляя десятками лет свои знания. Такие свободная запись и свободный выбор студентами своего лектора отсеют из вуза тех, кто в недавний застойный период двигался весьма энергично к утверждению своих дутых авторитетов, воздвигнутых на зыбкой почве конъюнктуры, на обслуживании постулатов, не протянувших и десятка лет. Думается, что без такого «отсева» перестройка в вузе будет долго буксовать.

Заработную плату преподавателей надо поставить также в зависимость от их научной работы, чтобы не было такого положения, когда доцент, который десятилетиями не дает никакой научной продукции, и доцент, у которого 5—6 статей ежегодно, получают одинаково.

Следует преодолеть также формализм и «валовой» подход в социалистическом соревновании в вузе. Сейчас кафедра, имеющая в целом больше других научных публикаций, получает первое место в соревновании, о чем торжественно объявляется на очередном собрании. Но такой «валовой» подход к соревнованию в вузе скрывает откровенных бездельников, не стимулирует творческий поиск одаренных, по существу, уравнивая тех и других. Особенно это губительно в общественных науках, где крайне необходимы глубокая перестройка, приближение к

жизни, преодоление до конца догматизма.

Сейчас, в период перевода перестройки в область конкретных практических дел, никак нельзя мириться с любыми, явными или скрытыми формами иждивенчества в вузе, возможностями безбедно существовать, плохо работая. Уравниловка в этом отношении уж очень крепко въелась в вузовские будни. Если ее гонят в дверь, она лезет в окно. Ведь за ней корыстные интересы тех, кто неплохо себя чувствовал в период застоя. Почву из-под ног у них выбьет хозрасчет. Но радикальная экономическая реформа в вузе не заработает, если глубоко не затронет личные интересы буквально каждого профессора, доцента, ассистента, лаборанта, сотрудника, не станет его кровным делом.

Р. АЙЗЕНШТАТ,
кандидат философских наук,
доцент
Калуга

■

Наверное, я не найду в вас единомышленников, но, зная, что вы признаете и чужие мнения, все-таки решил высказать свои мысли.

Мне кажется, что сегодняшним шараханьем из одной крайности в другую является то, что у нас стали делать из Н. С. Хрущева просто-таки идеального героя, в то время как вина его в доведении нашего сельского хозяйства до того состояния, в котором оно сейчас находится, огромная, я бы даже сказал — решающая! Ведь это удивительно — даже Сталин, со своими зверскими, чудовищными методами не сумел убить русскую деревню, хотя сделал для этого все, что мог, вплоть до физического уничтожения сотен тысяч крестьян. А вот Никита Сергеевич, играючи, за каких-нибудь 5—7 лет окончательно похоронил русскую, да и не только русскую деревню. Я не утверждаю, что он это сделал умышленно, но все его волюнтаристские акции, особенно в том, с какой последовательностью он их произвел, буквально уничтожили деревню, отбили у крестьян какое-либо желание работать на земле, кормить страну.

Вспомните (по периодам): урезание личного подсобного участка земли «под крыльцо», запрещение крестьянам косить сено для личного скота и, наконец, целина, вернее, оголение всех остальных регионов, особенно Нечерноземья. Да еще и насильственное внедрение кукурузы до самого Архангельска, распашка лугов до уреза рек, запрет на черные пары, на травопольную систему, введение гарантированной оплаты труда колхозникам, независимо от его результата — все это и привело к тому, что мы имеем: из деревни народ разбежался, там, где были деревни, стоят пустые избы, земля зарастает кустарником, из оборота выведены огромные площади земли — новая целина, только там, где люди жили извечно, а земледелие всегда было гарантированным, а не рискованным.

Я понимаю, что и деньги крестьянам нужно было платить, но за результат их труда, и кукурузу нужно сеять, но не в Архангельской области, и целину, наверное, нужно было поднимать, но не ценой гибели Нечерноземья. Но вот клеверные луга распахивать было нельзя, черные пары отменять нельзя. Да и вообще все нужно было делать наоборот, в обратном порядке: сначала ввести денежное вознаграждение, вложить деньги в Нечерноземье, а не в целину, построить дороги, укрепить хозяйства колхозов. Терпели люди 40 лет, потерпели бы еще 5—10. Зато теперь не побирались бы. Нет, я отдаю Хрущеву должное в развенчании культа личности Сталина, к сожалению, не доведенном до конца, но разорение сельского хозяйства, гонения на интеллигенцию (вспомните Пастернака, поэтов, кинорежиссеров, художников шестидесятых годов) я ему простить не могу! Никак!

В. ВИЛИН,
инженер-строитель
Сочи

■

Напрасно Н. Любомиров («Советский спорт» от 3.12.88) обрушился на «Огонек» и автора очерка «На Олимп» В. Юмашева, обвиняя их в некомпетентности, неосведомленности и т. п. Не сомневаюсь, что Н. Любомирову давно известны положения Олимпийской хартии, выражающие позицию Международного олимпийского комитета в отношении публикации в печати таблиц с распределением медалей и очков по странам. Цитирую по хартии (английское издание 1984 года):

«Игры представляют собой соревнования между отдельными спортсменами, а не между странами» (раздел I «Основные принципы», статья 9);

«Олимпийские игры не являются соревнованиями между странами, и зачет по странам не признается» (раздел IV «Олимпийские игры», статья 67).

Поэтому не стоит подозревать «Огонек» в какой-то нелояльности к олимпийским успехам наших спортсменов только потому, что его спецкор высказался в поддержку этого олимпийского принципа. Кстати, и председатель Госкомспорта и НОК СССР М. В. Грамов недвусмысленно солидаризировался с позицией МОК, когда он еще в Сеуле выразил, как сообщала наша печать, «резко отрицательное отношение к подсчету очков вообще».

И уж совсем неловко было читать разъяснение такого опытного журналиста, как Н. Любомиров, о различии между «священной горой Олимп» и «местечком Олимпия», что «в долине Алфея». В. Юмашев озаглавил свой очерк «На Олимп», и, думаю, всем было ясно, что речь идет об Играх в Сеуле, а не об археологических раскопках в «местечке Олимпия» или, не дай Бог, на «священной горе». Точно так, как всем понятно, о чем пишет в своей книге «Трудные дороги к Олимпу» Н. Н. Романов, бывший председатель Спорткомитета СССР.

И последнее. Компетентность, как сегодня показывает вся наша журналистика, это отнюдь не ведомственное право и тем более не монополия.

Р. М. КИСЕЛЕВ,
кандидат педагогических наук
Москва

■

Прочитав листок отрывного календаря от 15 октября 1988 года, я сделала «приятное открытие»! Оказывается, как напечатано в статье «Два мира: цифры и факты» в СССР решен вопрос обеспечения всего населения нормальным по калорийности питанием. «По общей калорийности питания мы находимся на уровне самых развитых стран».

Далее раскладка потребления на душу населения: мяса и мясопродуктов — 61,4 килограмма. Это значит, что на человека любого возраста от новорожденных до стариков и больных, сидящих на диете, приходится 5 килограммов 100 граммов в месяц! А я и не предполагала, что моя семья из 5 человек — трех взрослых и двух малолеток — так объедается мясом! Да и другие тоже.

В молоке и молокопродуктах нас прямо утопили, залили, замаслили. Ведь 323 килограмма этих продуктов на душу в год — это 26 килограммов в месяц.

Рыбы и рыбопродуктов — 17,7 килограмма в год. Это значит, в месяц на душу 1,4 килограмма. Может, по весу так и получается, но рыбка в основном сидит в консервных банках, не пользующихся особым спросом.

Яиц — 260 штук в год, соответственно в месяц по 21 яйцу на человека. Даже медики против такого объедания яйцами.

О сахаре — 42 килограмма в год, соответственно — 3,5 килограмма в месяц, ничего не имею сказать, так как тогда еще его можно было купить сколько хочешь — ведь календарь опубликовал сведения за 1985 год.

Овощей и бахчевых — 102 килограмма в год, соответственно в месяц — 8,5 килограмма. Этот счет велся, вероятно, когда урожай только что собрали, а не когда он наполовину сгнил и не дошел до покупателя. А нам его посчитали к столу.

Если всего так много и все так прекрасно, то зачем же мы боремся за выполнение продовольственной программы, перестраиваемся? Стыдно читать все это! За кого нас принимают?

В газетах, журналах теперь такой номер не пройдет, а вот в календаре, маленьком, незаметном листочке вышло. Ведь вышло воспевание дифирамбов Сталину — опять же в календаре на 1989 год! Об этом уже писали.

Если подумать, а для чего все это делается? Ведь кто-то дал эти дутые цифры? Кто-то думал о нас: пускай повозмущаются. Ведь усталого человека, после работы рыскающего в поисках пищи, ездящего на электричках в Москву за продуктами, легко возмутить, вселить в него неверие в перестройку. Гласность! Значит, можно и врать? Врать взахлеб, громогласно? А расчет с далеким прицелом — тираж календаря 10 500 000 экземпляров — почти в каждом доме календарь. Напечатано хитро — сведения за 1985 год, авось мы запамятовали!

Н. Н. РЫБИНСКАЯ,
пенсионерка
Кореиз Крымской обл.

■

21 декабря 1988 года в газете «Советская Россия» появилась статья, подписанная кандидатом филологических наук С. Рожновским и озаглавленная (не без претензий на некоторый литературный изыск) «Раздумья у книжного развала. Размолвки и выстрелы». Речь в ней идет о писателе Льве Зиновьевиче Копелеве, которого автор, впрочем, именует Львом Зальмоновичем. Вероятно, прежде чем приступить к делу, кандидат наук добросовестно изучил анкетные данные своего героя.

«...Можно ли считать сопричастными к Отечеству людей, которые покинули это самое Отечество?» — восклицает автор, ясно давая нам понять, что Лев Копелев принадлежит именно к этой категории эмигрантов. В действительности, однако, Л. З. Копелев в 1980 году получил разрешение временно уехать в ФРГ в гости к Генриху Бёллю, но вскоре, вместе с женой Р. Орловой, был лишен советского гражданства. Иначе говоря, эмигрантом он стал не по своей воле.

Поскольку С. Рожновский претендует на то, что он написал литературное произведение, следует прежде всего обратить внимание на его стиль, ибо стиль, как известно,— это человек: «Он... никогда не принадлежал к числу чистоплотных людей».

«Профессиональную импотентность он с лихвой компенсировал окололитературной и иной активностью».

«...Платных недругов, которые когда-то были соотечественниками, можно лишь презирать...»

Казалось, время таких статей прошло. Но вот выясняется, что стиль этот живуч и, пожалуй, не скоро еще станет анахронизмом.

Надо ли объяснять, что речь тут должна идти не только о литературном стиле, но об определенном стиле политического мышления.

Мы — близкие друзья Льва Копелева — хорошо знаем его как чистого и благородного человека, не раз доказавшего свою принципиальность и гражданскую смелость. Но дело не только в том, чтобы защитить его доброе имя.

Смысл статьи «Советской России» выходит далеко за пределы оценки личности и деятельности писателя Льва Копелева. Не зря автор с лицемерной печалью вспоминает «тот шквал пропагандистского и дипломатического обстрела, который обрушился на нашу страну в конце 70-х годов в связи с деятельностью так называемых диссидентов».

Давно уже — и не раз! — в нашей печати подчеркивалось, что многие из тех, кого называли диссидентами, это люди, имевшие смелость еще тогда, в 70-е, заговорить о том, о чем сегодня говорят у нас со всех высоких трибун.

Как тут не вспомнить статью Нины Андреевой, опубликованную, кстати, той же «Советской Россией»!

Конечно, у С. Рожновского нет той масштабности, той широты. Это не манифест. Но и отнюдь не локальное выступление по частному поводу. Это новая акция.

И вовсе не случайно в качестве мишени для своих нападок автор выбрал Льва Копелева. Не кого-нибудь из тех, кто не верит в перемены, происходящие в нашей стране, и не сочувствует им, а именно Льва Копелева, который одним из первых заявил о своей солидарности с перестройкой. Он один из тех, кто помогал и помогает налаживать оборванные или ослабленные связи нашей культуры с зарубежным миром.

Злобная и клеветническая атака в «Советской России» преследует цель поссорить нашу страну с теми, кто и за рубежом верит в перестройку, искренне хочет помочь нам. Подобные статьи лишь укрепляют позицию всех, кто считает, что в СССР ничего не изменилось и не изменится.

Ф. ИСКАНДЕР, Ю. КАРЯКИН,
В. КОРНИЛОВ, Б. ОКУДЖАВА,
Л. ОСПОВАТ, А. ПРИСТАВКИН,
Д. САМОЙЛОВ, Б. САРНОВ,
академик А. САХАРОВ,
Лидия ЧУКОВСКАЯ,
Н. ЭЙДЕЛЬМАН и др.
(всего пятьдесят две подписи)

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ

ГОДЫ, ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЛЕПИЛИ ЕЕ.
ОНА БЫЛА ВСЕГДА И ТЕПЕРЬ СНОВА
ВОЗНИКАЕТ ПЕРЕД НАМИ,
СТАТНАЯ ДЕВУШКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ
С НЕЖНЫМ И ЯСНЫМ ЛИЦОМ,
ГАРМОНИЧНАЯ
ФИЗКУЛЬТУРНИЦА ПРИ ВХОДЕ В ПАРК,
УКРАШЕНИЕ ПАРАДА.
МЫ ЖДАЛИ, МЫ ЗВАЛИ, МЫ ПЕЛИ
ГЕРОЯ...

Нина ЧУГУНОВА

Ее зовут Ника, в ней «шарм определенный», как выразился комсомольский работник.

Смятение по меньшей мере вызывает она во всех, кто знает ее историю. Вернее, знают «афганскую» часть.

Приезжает журналист, говорит с Никой и ее мамой, потом публикует в газете заметку, после чего из ЦК ВЛКСМ к участникам смятенного разбирательства приходит пакет с вырезкой из газеты и сопроводительной бумагой, где поступки Ники, согласно со статьей в газете, трактуются как «глумление над памятью погибшего воина».

Случайно узнав об этой официальной формулировке, Ника на моих глазах приходит в состояние, близкое к истерике. Всем известно, что телеграфный вызов газетчику отправила она. «Клубок какой-то!» — записаны у меня чьи-то слова.

Преступление Ники — самозванство: до последнего времени в ней видели невесту погибшего Героя Советского Союза.

Но ведь, правду сказать, это уж факт не поразительный: возникают здесь и там по госпиталям и редакциям «афганские герои». Она же присвоила себе не славу, а лишь свет ее. Конечно, судьбу — невеста. Но ведь ничью! Заступила на пост, до нее пустовавший!

Но это отдельная тема, а Ника не тема. Она — тип, вот почему я считаю себя вправе публиковать эти заметки вслед газете: это не вариант обличения преступницы, а своего рода документ, лишенный акцентов и сокращений, то есть всего того, что делает текст удобным для чтения, а сюжет более привлекательным. Однако что произошло после публикации в газете?

Поскольку журналист метко описал внешность девушки, а настоящее имя заменил похожим, Нику стали все живо узнавать на улицах и в общественном транспорте маленького города, где она прожила двенадцать лет в мирной безвестности.

До травли дело не доходит, я думаю, пока. Но на работу в должности школьного вахтера не приняли, такие проницательные:

— Анжелика — это Ника?

Подруга злобно рыдает в телефонную трубку, считая лично себя «опозоренной», и т. п.

Городок этот скромно раскинулся там, где живы и крепки исконно русские традиции, нравы и добродетели, нисколько не потерпевшие от нашествий, где наш характер наследуется и расцветает... примерно так поведали об этом уголке иностранцу, при котором я однажды состояла поводырем. (Иностранец рвался севернее, к бывшим лагерям.) Все это, разумеется, сущая правда, вот почему население, прочитавшее заметку, не может простить самозванку.

«В школе мне всегда удавались сочинения о войне, о Корчагине, и даже стали говорить, что литературный труд — это мое призвание, но у нас есть знакомая журналистка, она рассказала маме, что это будет ужасная жизнь, постоянные разлуки и начнутся неполадки в семье, так что мы с мамой перестали об этом думать. Я была обыкновенная, но лет с тринадцати мне каждый человек казался загадкой, а потом пришла и первая любовь. В пионерском

лагере у нас был воспитатель из Ленинграда. Когда меня схватил приступ печени, он был как сиделка целый день рядом со мной, и я влюбилась в него, а потом мы стали переписываться. Я знала точно, что жизнь этого человека кончена, в том смысле, что ему нечего ждать от жизни, а я была в его жизни большим утешением. Он писал мне из Ленинграда большие нраво... учительские письма.

Однажды он написал, что в его жизни не все светло, что у него умерла мама, и все в мире для него померкло. Как же вы живете? — спросила я его. Он написал то, что я запомнила на всю жизнь: «Я живу жизнью бедного и одинокого учителя физики и ленинградца». Я тотчас ответила ему, что буду в Ленинграде и увижу его.

Это удалось потому, что мама собралась ехать к родственникам.

Мама сказала, что эта переписка как в «Бедных людях», а потом я буду смеяться над собой во всей этой истории.

А войска в Афганистан уже ввели, но я еще не знала, кто это приказал. То есть, я никого об этом не спрашивала, мне было неинтересно. Что было написано в газетах, что говорили по радио, то я читала и слушала. А теперь-то многие умерли, значит, кому ведома правда?

В школе я мало с кем дружила. А вне школы дружила со старшими, которые относились ко мне, как к ровеснице, и я старалась быть значительной в их глазах.

Мы прилетели в Ленинград, и наши родственники, узнав со слов мамы о моей любви, стали посмеиваться надо мной, тоже утверждая, что вскоре я присоединюсь к их смеху. Я позвонила ему, и мне ответил женский голос. Я бросила трубку: ни разу он не упомянул в своих письмах о женщине! Я снова позвонила и спросила: кто вы? — и голос ответил: я Маша, дочь Владимира Борисовича... А вечером к телефону подошел он... я забыла, ведь он мне ответил, когда я написала, что приеду, так, я запомнила: «Ника, ты меня придумала. Мы все себя обманываем своими ожиданиями, я вот этого и боюсь, потому что это неприятно, как тесная обувь». Я все думала, почему он выбрал именно такое сравнение?

Он сказал, чтобы я пришла в парк, где он гуляет с собакой по имени Альдор. Я пошла и пришла на главную аллею. Был холодный вечер, я надела светлый плащ, который носила уже два года, а мы не виделись именно два года. Волосы я убрала в косичку, а челку выпустила на лоб. Я увидела, что идет человек с собакой... Так мы стали встречаться каждый вечер, пока он не сказал, видимо решившись: «Больше писать мне не надо». Я была поражена, узнав, что в курсе нашей переписки были Маша, жена, сослуживцы, друзья.

На следующий вечер с Альдошкой вышла одна Маша, и я увидела, какая некрасивая у него дочь. Маша сказала мне: как ты могла полюбить моего отца, он такой некрасивый? «Как и ты»,— хотела я ответить. Маша рассказала мне, что учится отлично, поет в хоре Кировского театра, и тут же пожелала петь, и я шла рядом с ней, сгорая от стыда перед людьми, пока Маша заливалась соловьем в парке. Он велел мне писать теперь Маше! Маша была толстая, с простым русским лицом и уверенная в себе девочка младше меня двумя годами.

Что он говорил мне напоследок? Я запомнила: «Твои письма, поразительные по искренности, будут для меня лучшим воспоминанием. Но боюсь поломать тебе жизнь, боюсь стать твоей первой и последней любовью». Не надо было ему так сильно бояться! Меня увезли на дачу под Ленинград, и время залечило мои раны, я уже меньше вспоминала его, так похожего на Будулая из фильма «Цыган». Недоумение, в которое привели меня эти два человека, отец и дочь, оказалось сильнее любви, и я их простила. Мне стали нравиться другие герои. Мне стали нравиться те, кого нет: Дворжецкий, Шукшин, Олег Даль, Высоцкий, и я думала о них, как о живых и знакомых. Но все-таки иногда мне представлялось, что то, что со мной произошло в Ленинграде, напоминает расправу, ведь это была любовь.

После Ленинграда меня отправили в Геленджик в подростковый санаторий, шло лето восемьдесят четвертого года. Там я попала в плохую компанию. Две девочки, с которыми я стала дружить, курили, пили вино с местными. Мне они говорили, что надо расставаться с наивными взглядами на жизнь. Они однажды позвали меня на день рождения, сами вымыли мне волосы, накрутили, сделали начес и сильно накрасили французской косметикой, которая у них была в изобилии. Мы пошли в парк, где нас ждали молодые ребята, немного погуляли и выпили пива на летней пивной площадке, а потом отправились в бар, где было много парней, все они друг друга знали, а с девушками, и, следовательно, со мной тоже, они обращались почти с как проститутками; мне сначала было все радужно, но потом стало противно, и я увидела дым, и меня затошнило от сигареты, которую я закурила потому, что дамам, как сказали мне, неприлично отказываться.

Я вышла и была пьяная, а со мной рядом пошел Рубен, который мне очень нравился. Я шла по парку пьяная и слушала, что он мне говорит, и думала, как бы скорее попасть в санаторий. Я изо всех сил постаралась внушить Рубену, что это были мои первые сигареты, и что я впервые пила спирт, в смысле вина и пива. Я не очень боялась темноты и того, что мы по парку шли одни, но мне приходилось превозмогать свое состояние. Я вернулась в палату и пообещала, что буду жить, как все, то есть порядочной жизнью, и никогда больше не увижу Рубена, и я это выполнила, хотя уже наутро начались преследования со стороны Рубена. Он мне действительно понравился, и он обещал на мне жениться и озолотить меня, и чтобы я не училась.

Почти год прошел никак. Я окончила школу и поступила в медучилище, испытывая неприязнь к запаху медикаментов, крови, виду старости и немощности. Старушки на больничных койках словно предупреждали меня, что я тоже закончу свою жизнь немощной, дряхлой!

Я не помню, чтобы я что-то важное прочла или увидела. Это был тягостный, долгий сон. «Копыт не щадя, равнодушие ходит за мной, прислушайся к сердцу: оно одряхлело»,— прочла я в стихотворении одного врача, и я подумала: мне нельзя останавливать свой взгляд «на убогих и хворых», все в стихах правда!

Тот день я хорошо помню, как будто у меня было предчувствие. «Комсомолка» пришла не утром, а, сверх обыкновения, со второй почтой. Обычно я открываю и читаю газету с первой страницы — я открыла с четвертой. Я увидела название: «Остался верен присяге» и внизу фотографию. Подпись под статьей была: О. Московский.

Я стала читать сразу, в слезах. Закончив чтение, я заплакала. Я проплакала весь день и всю ночь. Мама испугалась, вернувшись с работы. Я указала ей на газету. Она прочла, я посмотрела на нее — у нее тоже глаза были в слезах, но она сказала: война есть война.

— Наших мальчиков убивают! — крикнула я.

Она сказала, что Сашу не вернешь.

Саша, каким он был представлен в очерке, понравился мне. Также там было написано, что его мама, еще будучи беременной, ушла от мужа.

Наутро я написала письмо в адресное бюро той области, где в маленьком городке с церквами проживала Сашина мама. Через неделю пришел ответ, и я отправила письмо, где на восьми страницах выражала свое преклонение перед Сашей и перед его мамой. Обычно почту берет Андрей, мой брат, но с тех дней я стала жить ожиданием почты.

Моя жизнь стала осмысленной, и я почувствовала ее движение.

Я стала думать только о Саше. Я думала: смогла бы я пережить смерть сына? Мысль поехать в Афганистан родилась сразу. Я стала мечтать об этом. Я представляла себя солдатом, я хотела быть девушкой-солдатом. Мне казалось... Душманы для меня не люди, а звери! Я говорила себе: они дикие звери, которых надо всех убить за одного только Сашу.

А на человека я бы не подняла руку. Я всегда была слишком добрая ко всем в доме. У нас жили птицы, кошки, черепашки и даже два утенка, но они у нас погибли от тоски, как нам сказали, и я помню, как мы с Андреем пошли хоронить этих двух утят, пришли к речке, я помню, как я плакала и думала, что никого так сильно не полюблю и буду всю жизнь казниться из-за них, этих бедных утят.

Я задумалась, смогу ли я убить в действительности.

Сейчас мне кажется, что убивать страшно, страшно переступить какой-то предел, когда все в тебе говорит тебе: не убивай. Но если думать о Саше, убивать было бы легче. Я поняла, что если бы меня взяли в бой, я бы стреляла в них, как на охоте.

Я завела синюю папку с веревочками, стала складывать туда статьи по Афганистану.

Я сказала себе: ну вот, у каждого человека рано или поздно появляется цель в жизни, а у иных она не появляется никогда, а у меня уже в ранние годы есть — это Афганистан! Попасть в Афганистан!

Саша мне снился. Его мама написала мне: судя по всему ты серьезная девочка, но в Афганистан тебе не надо, не надо! Это долг ребят, а твой долг — выйти замуж.

Так начались три года, которые перевернули мою жизнь, испортили мне ее, перечеркнули все.

Теперь я понимаю, что моя жизнь кончилась. Но ничего нельзя вернуть, нельзя вернуться в восемьдесят пятый год!

Значит, статья вышла осенью, выходит, в училище я поступила до статьи? А мне казалось, что в училище я поступила, чтобы попасть в Афганистан... Да-да, статья вышла 30 октября, а 25 октября Саше присвоили звание Героя Советского Союза, об этом было сказано в газете.

Я написала Сашиной маме, что не изменю своего решения. Но в училище я училась с неохотой, мои подруги моими мечтами не интересовались, а мама боялась обсуждать со мной эту тему. Саша превращался для меня в идеал, я знала о нем столько, сколько никто не знал, кроме его мамы.

В декабре я ушла из училища, но мама стала говорить мне, что надо выучиться, работать медсестрой и все забыть, так что в августе следующего года я опять поступила, и опять бросила в декабре медицину, не могла себя заставить... этот запах! Тогда я поступила в салон ученицей парикмахера, там мне сказали, что через полгода я начну стричь, но обманули, и я каждый день убирала волосы, это было невыносимо, эти волосы, клоки волос, они везде валяются, а ты за ними целый день гоняешься с щеткой... именно это-то и вынудило меня потом уйти.

В военкомат я написала как Сашина невеста, думая, что так меня скорее отправят, сделают исключение. Но мне ответили, что родственникам погибших всем отказывают, а после отвечали, что надо иметь два года стажа, а уж после стали писать, что ввиду принятого решения о выводе войск...

В это время я встречалась с человеком по имени Николай, мы познакомились на танцах, я была в красивом белом платье и с черным широким поясом, в черных клипсах, и еще на мне были белые ажурные перчатки. Очки я спрятала в сумочку, но, танцуя, увидала вблизи Николая и стала следить за ним, и пригласила его на белый танец. После танцев мы пошли гулять, и Николай сказал мне, что был женат, и это было мне неприятно, так как он мне понравился. Потом мы стали гулять с его сыном, что мне не нравилось, потому что я видела в эти дни его бывшую жену, очень красивую печальную блондинку с красивыми глазами, она смотрела на нас в окно, брови у нее были вразлет. В ту пору у меня был конфликт с мамой и отчимом, и я оставалась у Николая восемь суток подряд, так как все больше и больше боялась родителей, а Николаю я объяснила, что это у меня будет только с первым мужем, и меня поразило, что он меня не тронул, хотя у него, как говорил мне его друг, было много женщин и даже одна художница с трехкомнатной квартирой. Почему этот Сергей, его друг, все старался оклеветать Николая, не знаю, возможно, я ему понравилась, но он был непривлекательный внешне и вообще.

В одну субботу, когда мы должны были встретиться, Николай не пришел. А я сделала себе завивку и прождала его звонка весь день. И тут я поверила всему, что о нем говорили, написала оскорбительное письмо, где посмеялась над его верой в меня, сказав, что играла с ним, оттачивая свое остроумие, я писала ему: «Ты ищешь во мне идеал, но не следует доверять тем, кто не заслуживает доверия! Ты закончишь свою жизнь старым донжуаном,— писала я ему.— Ты будешь дряхлым, немощным, и в больнице будешь всем в тягость».

Я сама поехала к его дому и просунула письмо под дверь.

Потом я позвонила его начальству и вдруг узнала, что на его службе, в милиции, произошло, видимо, ЧП, так что он был занят и не мог никак позвонить. Я побежала за письмом, но было уже поздно. Неделю я ждала его звонка, а потом приехала и два часа ждала под окном. Когда он пришел, я пыталась ему объяснить, но он был спокоен. Он объяснил мне, что вынести мой удар ему было нелегко, но в последние дни он встретился с девушкой, которая была его первой любовью, что произошло это случайно, когда он шел под дождем с зонтом, а впереди шла женщина, мокрая от дождя, и он накрыл ее зонтом и вдруг узнал. «Это переступить нельзя»,— сказал Николай.

— Так вот как ты легко перечеркиваешь все, что у нас было,— сказала я.— Как ты мог, как ты мог!

Я заплакала, ушла и бродила по темным улицам, потом вернулась, осталась у Николая, легла и уснула, а проснувшись, увидела, что он сидит около меня и горько смотрит... Который час? — спросила я его.— Двенадцать, и мне пора на службу,— по его голосу я поняла, что его не сломило мое страдание. Потом я часто звонила его сестре, потом узнала, что он женился на той девушке, потом у них родился ребенок. Я перестала звонить.

Эту объяснительную ночь и мои блуждания до рассвета я запомнила на всю жизнь.

— Николай, я живу на земле ради тебя,— говорила я, а он не поверил. Он поверил моему письму!

Подруга сказала мне: давай я познакомлю тебя с парнем, ты развеселишься. Он литовец, моряк, его

зовут Римантас. Я хотела развеяться, но действительно любовь к Римасу была любовью на всю жизнь. Мы познакомились в ноябре. С каждым днем Римантас притягивал меня все больше. Я видела, что он с детства приучен к труду, он умел готовить, даже вязать, он хорошо играл на гитаре и пел литовские песни на литовском красивом языке. Он признался мне, что в школе у него были и тройки, и пятерки. Он был руководителем дискотеки, ловко танцевал брейк, был спортсменом... Ах, еще он увлекался резьбой по дереву.

Мама, брат и жена брата восприняли Римантаса как своего, но отчим, Алексей Павлович, очень невзлюбил Римаса, и так получилось, что однажды я дала Алексею Павловичу пощечину за Римаса, а все литовцы отличаются культурой поведения. Римас был потрясен и ушел, а отчим сказал маме: я ненавижу твою дочь. Я сказала Римантасу, что моя жизнь в семье сломана из-за него. Римантас ездил домой, привез моей племяннице голубую шубку, комбинезончик, просто как подарок, но новости были плохие, потому что его родители были против его женитьбы на мне. Они хотели, чтобы их род, их кровь Йонайтисов остались чисты, и Римас просил меня понять его семью.

Я, как и Николаю, рассказывала ему об Афганистане, но Николаю я не говорила, что была невестой Саши, а Римантасу сказала. И вот как сильно этот человек любил меня! Он сказал: никогда больше никому не рассказывай этого, потому что этого не было никогда! Почему он понял? А еще потом, когда уж мы расстались, я решила поехать в Ташкент, как он уговаривал меня, а когда я решила поехать в другой город, он порвал билет, сказав: подумай о матери!

Он был очень хороший. Несмотря на обещание его родителей проклясть его, Римас размышлял, что мы могли бы жить в Паневежисе...

Но я не выдержала ожидания и отправила его родителям телеграмму: «Дорогие, простите, мы с вами больше не увидимся, я женат на Нике, ваш Римантас». Эти люди сделали мне больно, я должна была их наказать.

Я пришла к нему и поняла, что телеграмма дошла до родителей. У них ведь очень почтительное отношение в семье друг к другу. Как он мне рассказывал о своих сестрах!

— Я сейчас как умирающее дерево,— пояснил мне Римас.

Странно как он выразился. Как это можно понять? Я пыталась объясниться с ним. Но он молчал.

— Господи, Римас, неужели все так плохо получилось из-за того, что я русская? — спросила я его.

— Да! — закричал вдруг он.

Он стал кричать, что русские всех только позорят, что и в Литве стали хуже жить, что русских в Литве не интересуют ни архитектура, ни музыка, а только тряпки.

— Я весьма сожалею,— кричал он,— что живу в России!

А когда мы думали, что поженимся, он еще, помню, говорил мне, что у нас все, от носков до польт, будет импортное.

Еще что он кричал? Что-то о русских дурачках. О русской бесхозяйственности, о деспотичности, о пьянстве, о неумении устроить народный праздник, о неумении вести себя за границей.

— Мой народ литовский — труженик,— говорил он.

Он говорил о развалюхах-деревнях еще что-то...

Я поняла, что мы расстаемся. Дома я набрала «02» и попросила объяснить, как пройти в КГБ. Я пошла в комитет. Там в коридоре никого не было, а в кабинете сидел человек в форме. Я осознавала, что Римас мне близкий человек, и поэтому волновалась. Я попросила человека принять мое заявление, что Римантас Йонайтис высказывал антисоветские взгляды и звал меня уехать с ним в Америку.

— Вы, наверное, разных шпионских книг начитались? — спросил меня этот человек.

Вообще мне было неприятно, что он все время улыбается. Он обязан был принять мое заявление о враге. Я попросила его записывать, и он записывал. Я считала, что Римантаса проверят и отправят в какой-нибудь дисбат, но сильно не накажут, так как нужен еще один свидетель, а в дисбат отправят. Этот человек сказал мне, что мне позвонят, я ждала, а они не позвонили!

Я написала заявление секретарю горкома комсомола. Потом я хотела забрать заявление, но мне сказали, что ему уже «дан ход». Я там писала, что Йонайтис оскверняет нашу великую Родину, порочит русский народ и восхищается американским образом жизни. Разве он не говорил мне антисоветских слов? Но правда то, что когда я была в Лиепае, все действительно побежали в универмаг вместо костела, где играл уникальный орган, и я осталась одна, шофер автобуса и экскурсовод, они смотрели вслед им разинув рот, а мне было стыдно, что правда то правда.

Спустя время я ехала в вагоне-ресторане со знакомой, и к нам подсели двое мужчин, когда подруга вдруг сказала: там на тебя странно смотрит морячок. Я обернулась и увидела Римаса. Он не улыбнулся, увидев меня, он смотрел как бы насквозь. Он ушел, а я побежала за ним и бежала несколько вагонов, нашла его, и мы проговорили два часа. Раньше он любил меня и берёг, и наши отношения никогда не переходили известных границ, а теперь в поезде мы расстались. Но он меня простил, значит, он понимал, за что он наказан? Или нет? Он ведь всю меня понимал как никто. Он называл меня вулканчиком, это он не поверил, что я Сашина невеста, а все верили.

Я сказала ему, что поеду медсестрой в Ташкент. «Зачем тратить деньги, если ты вернешься через два месяца»,— сказал он, и ведь он не ошибся. Он говорил мне, что иногда в нем возникает какая-то прорицательность, когда человек ему дорог. Это была настоящая любовь.

— Что ты будешь делать без меня? — спросила я его.

— Вернусь в Литву, построю дом в лесу,— сказал он.

Потом я звонила сестре, и она сказала, что он женился.

А мне стало обидно, что мой дедушка прошел всю войну, он участвовал в параде сорок первого года, был под Курском и дошел до Берлина, он после служил в Потсдаме и там обморозил ноги, вернулся и последние двадцать лет он волочил ноги, а теперь передвигается на костылях, а Римас цинично облил грязью все, что для нас свято, он называл наши деревни грязными.

Я свой донос писала как патриотка.

Я улетела в Ташкент и стала работать медсестрой и жить на квартире у одной сотрудницы госпиталя, но я не высыпалась из-за того, что у нее постоянно были гости и они пили, я так и сказала старшей сестре, почему-то это передали Нине, и Нина буквально выставила меня за дверь, но это было потом, а пока я у нее жила.

Меня приняли в седьмое травматологическое отделение, где лежали минновзрывные раненые, очень тяжелые. 5 ноября привезли новеньких, тогда и поступил Сережа...

Скажу сразу, что Сережа мне понравился чисто внешне. Он подорвался на мине и ранен был тяжело: у него не было по колено правой или левой ноги, но сустав был сохранен, была контузия обоих глаз, обожжено лицо, рука, и был ушиб руки. Ему было девятнадцать лет. Я видела, что он не только инвалид, но и инвалид в душе. Я купила ему зеркальце, расческу, зубную пасту на свои деньги, приносила ему яблоки, груши, дыни. Он сказал: мне не нужны подарки. «Это не подарки»,— сказала я. Мы понравились друг другу.

Наконец Сереже должны были зашивать ногу. В эту ночь я осталась в госпитале с девчонкой Галей. Мы сидели на нашем пульте, как вдруг подходят ребята и говорят: да что вы скучаете, пойдемте к нам чай пить. Мы пошли в Сережину палату; так получилось, ребят было двенадцать человек, они стали курить, и Галя стала курить, а я отказалась, перед ребятами. Мы пили чай и кофе с кухни. Потом Галя принесла в банке спирт из процедурной и все выпили за Сережу и его операцию, потом принесли две гитары и стали петь песни. Меня поразило, как хорошо пел Сережа. Потом Сережа уехал из палаты, а Галя вышла, возвращается и говорит на ушко: там в палате тебя один человек ждет. Я знала, что это та палата, где свет не включался и она была пуста. Я пошла. Там был Сережа. Я сидела около него на кровати, и мы рассказывали друг другу все о себе. Я рассказала ему, что была невестой Героя Советского Союза.

— Ника, я ведь плохой! — с тоской сказал Сережа.

Он рассказал мне, что был хулиганом раньше и особенно любил бить женщин. «Почему?» — спросила я. Потому что я встречал только шлюх и проституток, сказал он, и ко мне ходили даже те, у кого было по два ребенка, а в Афганистан я поехал не из-за патриотизма, а чтобы Афган списал все мои грехи, так сказал он мне прямо.

— Я удивился, встретив такую тебя, непохожую,— сказал он.

Хоть он был и одноногий, но очень сильный, и мне стоило большого труда вырваться. Когда он увидел, что надеваю очки, колпак и босоножки, он вдруг ужасно закричал на меня матом, утверждая, что ему никто не отказывал, что он орденоносец, «афганец». Меня рассмешила его фраза: я тебя больше не люблю.

Но происшедшее сказалось на мне, и утром меня уложили в том же отделении под капельницы, я пролежала четыре дня, не зная, что Сергею сделана операция и что он четыре дня ждал моего появления хоть на миг. Так рассказали ребята.

Мы плохо встретились. Я не могла ничего ему объяснить. Не знаю, почему, но я решила, что ему станет легче, если я порву фотокарточку Саши, которую всегда носила в кармане халата, так как меня знали и приняли на работу как невесту Саши. Я потом всем говорила, будто он попросил меня об этом. Неправда. Я сама порвала, но он неожиданно для меня был потрясен, так потрясен...

Я поняла, что порванная фотография ничего не спасла, но будет мучить меня всю жизнь.

— Ты подонок,— сказала я и бросила клочки фотографии ему в лицо, а он сидел на каталке и смотрел на меня изумленно.

Ничто больше не удерживало меня в госпитале, а Афганистан был все так же далек, хотя мне и обещали, что из Ташкента до Афганистана один шаг. Все рушилось вокруг меня, а оскорбления, которые кричал в мой адрес тогда Сережа, звучали в моем мозгу. Я пошла на почту, и узбечка легко приняла от меня телеграмму: «Уважаемая Екатерина Дмитриевна, просим вас выехать в окружной военный госпиталь для получения тела вашего сына...» Я назвала Минский госпиталь, потому что знала, что Сережу туда должны направить для окончательного лечения, так чтобы они с матерью там хорошо встретились. Только потом я поняла, что телеграммой убиваю мать. Но ведь Сергей мог подать на меня в суд, он не подал, значит, он понял, за что ему наказание?

Я вернулась домой.

Одна девушка, афганский инвалид, она обманула медкомиссию насчет своего холецистита и, пробыв в Афганистане два года, вернулась совершенно больная,— она, Лиля, меня понимает.

— Пусть я инвалид,— говорила она мне,— но я полжизни отдала бы, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на тот краешек земли.

Лиля, Лиля меня поняла.

Зная, что войска выводят, я продолжала писать всюду, даже на «Ленфильм», думая, что они могут мне как невесте Героя помочь. Я знала, что Сашин полк будут выводить последним, значит, душманы будут особенно бить по этим ребятам, которых некому прикрыть. Только бы быть рядом с ними, хоть чем-то помочь, только бы увидеть краешком глаза тот краешек земли...

С киностудии мне написали, что вот бы снять фильм «Невеста». Я все надеялась, что кто-то мне поможет. Только Афганистан был бы моим спасением в жизни.

Когда меня разоблачили как «авантюристку, выдававшую себя за невесту Героя Советского Союза», все стали особенно старательно искать мою корысть. Меня даже назвали ничтожеством! Я понимаю, что было обманом рассказывать про Сашу и наше будто бы знакомство с ним в гостинице «Измайлово» в Москве писательнице Алексиевич, и я ей написать, конечно, должна. Я сама позвонила на «Ленфильм», и там эта новость произвела сильное впечатление. Они даже попросили разрешения прекратить разговор на время, чтобы осознать.

Только перед Сашиной мамой мне страшно и стыдно. Я к ней приезжала не как невеста, но просто... ну, покопать огород. Она меня простила! Я думаю, что она меня простила.

Я некоторое время работала в детской больнице, но ушла.

Прежде я могла хорошо писать и писала о Саше, все прятала, а теперь эта способность кончилась, прекратилась. Исчезла легкость.

Ребята-«афганцы» из клуба «Долг», они меня ведь и разоблачили, они все-таки оставили меня в клубе с испытательным сроком, но я вскоре попала в больницу. Пришла подруга и говорит: успокойся, они там к тебе относятся, как к сумасшедшей. Я вышла из больницы. Я поехала к ним. У меня подкашивались ноги, я не могла открыть дверь. Тогда я зашла в соседний подъезд, достала сигареты, которые заранее взяла у брата, и выкурила три штуки. Мне стало плохо, и я села на подоконник, повернулась к окну, чтобы подышать свежим воздухом. Так сидела пятнадцать минут. Страх перед ними прошел. Я вошла, положила им на стол бумаги, которые числились за мной, фотографии и вырезки из газет и пошла прочь. Кто-то из них выбежал, крича: Ника, Ника,— но я не оборачиваясь бежала к трамвайной остановке».

Мы ждали, мы звали, мы пели героя,— вот,— а мы шарахаемся от нее, как от чумы.

Потому что она чудовище.

ПАЛИТРА

А. А. ШТЕЙНБЕРГ. 1907—1984.
ГОРОД БОЛЬШОГО ПЕТУХА.
1983.

«СТРАДАНИЕМ ДУША ПОЭТА ЗРЕЕТ...»

ти слова Жуковского любил повторять Аркадий Штейнберг, чья душа созрела страданием одиннадцати лет лагерной каторги и четырех лет войны, этих пятнадцати лет, память о которых, сгустившись, проступила в четырех строках:

Скитания без цели, без конца,
Страдания без смысла, без вины,
И душный запах крови и свинца,
Саднивший горло на полях войны...

Он родился в 1907 году в Одессе. В начале двадцатых семья перебралась в Москву. Здесь пятнадцатилетний Штейнберг начал серьезно заниматься живописью — сначала в студии К. Юона, затем поступил во ВХУТЕМАС, где занимался у Д. Штеренберга и В. Таубера. До диплома не доучился, ушел после четвертого курса, считая, что все необходимое от учения взял, а документальное подтверждение «принадлежности к искусству» художнику ни к чему, достаточно рисунков и картин. Он свободно владел любой изобразительной техникой — от карандаша до темперы, до тонкостей знал технологию живописи и особенности творческой манеры чуть ли не любого художника — от живописцев Треченто до Гончаровой и Кандинского. И не раз говорил, что старые мастера знали и умели все то, о чем лишь догадываются современнейшие «говорители нового слова» в искусстве...

Однако к концу двадцатых годов живописи в его творчестве пришлось потесниться, отступить под натиском поэзии. И здесь он дебютировал не менее ярко, чем его друзья Арсений Тарковский, Мария Петровых, Семен Липкин, поэты, силою обстоятельств, волею «антипоэтического» времени вынужденные на многие годы уйти в художественный перевод, оригинальные же их стихи лишь в последние десятилетия постепенно доходят до читателей.

Штейнберг стал одним из крупнейших мастеров поэтического перевода. Явлением русской поэзии стали вышедшие из-под его пера переводы (или, как он предпочитал называть, «переложения») из Тувима и Галчинского, Топырчану и Ван Вэя, Брехта и Георге, Киплинга и Саути, наконец, «дело жизни» — «Потерянный рай» Джона Мильтона, одна из вершин мировой поэзии. Все это издавалось, издается, будет издаваться — и читаться. Судьба стихов самого Штейнберга сложилась иначе. Были публикации двадцатых — тридцатых годов в «Литературной газете», «Новом мире», «Молодой гвардии». После почти тридцатилетнего перерыва — без малого тысяча строк стихов в «Тарусских страницах», альманахе, вышедшем в 1961 году в Калуге, на исходе «оттепели», не сделавшем «весны», но по праву почитающемся «предтечей» нынешних «сенсационных» изданий. Были эпизодические публикации в «Днях поэзии». Книги не было — ее Штейнбергу издать так

ПРАЗДНИК. 1975.

ДРЕВО-І. 1960.

и не удалось. Хотя рукопись была принята издательством «Советский писатель» еще в 1969 году.

Он не принял навязываемой ему изнурительной борьбы за издание книги. Предпочел сберечь силы для творчества. Прав был в этом или не прав?— кто возьмется судить о чужом выборе, сделанном трезво и осознанно?

Уже после смерти Штейнберга в 1984 году его друзья составили куда более полную книгу — «Вечный возраст», которая тоже принята «Советским писателем», и тоже до сих пор не издана, и даже не числится в планах на ближайшие два года.

«Его нельзя было не любить»,— сказал о Штейнберге полвека друживший с ним Липкин. Это могли бы повторить все, хоть ненадолго соприкоснувшиеся с жизнью Штейнберга. В его доме бывали поэты, музыканты, художники — молодые и не очень молодые, признанные — и едва ступившие на этот путь.

Когда рушатся стены города — очагами сопротивления становятся дома. Культура, последовательно изгонявшаяся с журнальных и книжных страниц, из выставочных и концертных залов, «окапывалась» в домах, чьи хозяева знали ей цену. Одним из таких «очагов сопротивления» был дом Аркадия Штейнберга, где чуть не ежевечерне звучали стихи и музыка, до глубокой ночи длились беседы и споры. И казалось: развешанные по стенам картины хозяина дома участвуют во всем этом. Да так оно и было — отчетливый мир этих картин, их тревожная атмосфера были живее и реальнее той «реальности», что заглядывала в окна. Были и остались...

Уступив некогда первенство поэзии, живопись тем не менее никогда не была для Штейнберга занятием второстепенным. Существовала, двигалась параллельно поэзии, временами выходя на первый план и снова отступая. Несколько десятков холстов, сотни рисунков — художественное наследие Штейнберга. Судьба этого наследия пока счастливей, чем поэтического: в прошлом году состоялись первые выставки — в Гослитмузее и Доме литераторов, вышли первые публикации в журналах. И это — лишь начало.

Аркадий ШТЕЙНБЕРГ

ВОЛЧЬЯ ОБЛАВА

Невысокие свищут кустарники. Иней
Притворяется прочным. Томпаковый бор
Над шестнадцатиградусной, мерзлой пустыней
Лапы вытянул, словно камчатский бобер.

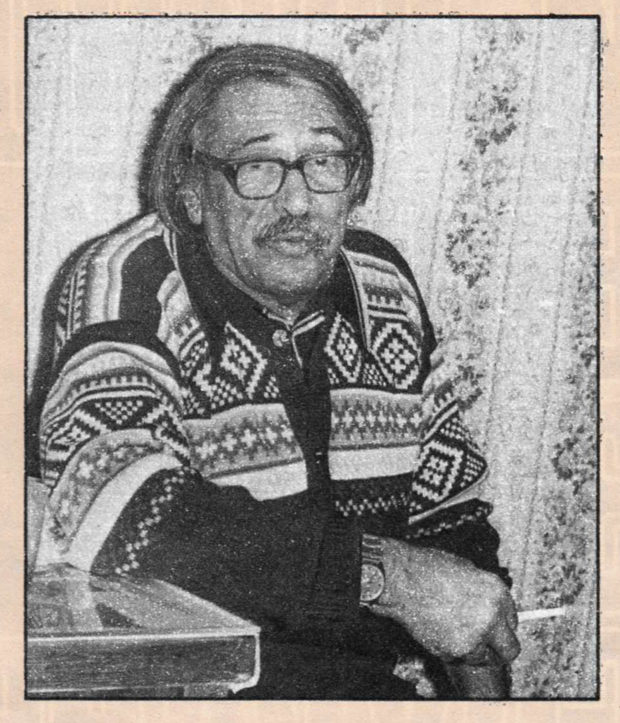
Это бледное небо до скуки знакомо
Председателю Клинского волисполкома.
Он не смотрит на небо. Он ищет врага,
Он обшаривает голубые снега,
Ветровейные, где на полотнище сивом
Отпечатаны когти опрятным курсивом.

Я пытаюсь начать разговор. Воронье
Виноградинами костенеет на ветках,
И слова примерзают (пустое вранье!)...
Сколько слов у меня неуместных и ветхих!..
Председатель не слышит. Он смотрит вперед,
Он привычно рукою двустволку берет —
Геометрию дамаскированной стали...
И курки осторожно на цыпочки встали.

Папироса затоптана в снег. Тишина
Подымается вверх и становится ржавой.
Тишина тяжелеет. Внезапно она
Разрешается выстрелами и облавой.

Безымянного бора гудит материк;
В вороненых стволах задыхается порох,
И нацеленной мушкой я вижу троих
Исполинских волков. Настоящих. Матерых.
Но последняя ставка в веселой игре
Ожидала бродяг на покатом бугре,
Где сугроб на сугробе и льдина на льдине.
Вот они повернули, ломая кусты,
Шевельнули ушами, поджали хвосты,
Добежали и замерли посередине.

Посылая зрачками глухие огни,
Меж барханами снега стояли они
На чугунных своих, полусогнутых лапах;
И, смакуя глазами отъявленный запах,
Словно идолы на безнадежном снегу

Наблюдали за мной. Я забыть не могу
Их мерцающий взгляд, равнодушный и хмурый,
Их насыщенные электричеством шкуры.

Мы расстреливали неподвижную стаю.
Тлела хвоя, и щелкали пули, пока
Мне почудилось — я на дыбы вырастаю,
И турецкие ребра разъяли бока.
Я услышал глазами такой небывалый,
Неестественный вкус тишины, кислоту
Асептических льдин, логовины, увалы
И дыханье, густеющее на лету.

И сквозь это дыханье, бегущее навкось,
Я почти осязал чистоту бытия,
Первозданное солнце, тяжелую плавкость
Горизонта, нервический профиль ружья
И сугробы, где на снеговой полусфере
Словно шубы лежали убитые звери.

Прислонившись к сосне, я промолвил себе:
— Погляди же в лицо неподкупной судьбе.
Эта жизнь высока и честна, как машина.
Подойди ж к ней вплотную, как волк и мужчина,
И скажи ей: — Руками людей и стропил
Истреби меня так же, как я истребил!

Если ж это не так, и, ветрами влекома,
Обернется налево дорога твоя,
Ты ладонь протяни, ничего не тая,
Председателю Клинского волисполкома.
Он торжественно, как подобает врачу,
Засмеется и хлопнет тебя по плечу.

Смех его из ребенка становится взрослым.
Этим смехом своим и горячей рукой
Он научит тебя драгоценным ремеслам,
Обиходу работающей мастерской,
Убивать и творить непокорные вещи,
Слушать времени голос спокойный и вещий.

Я не волк, а работник,— и мной не забыт
Одинокой работы полуночный быт.
Ты меня победил, председатель! Возьми же
Добровольное сердце мое и пойдем
За санями. Ложбинкою, кажется, ближе!

Вот мы шествуем запорошенным путем,
Снова кланяются косогоры, поляны...
Я кричу от восторга, шатаюсь, как пьяный,
Наконец, за отсутствием песен и слов,
Я палю в небеса из обоих стволов.

И в чащобах, ощерившись, слушают волки
Аккуратное щелканье тульской двустволки.

1930

---

* * *

Снежный саван сходит лоскутами,
За неделю побурев едва.
На пригорках и буграх местами
Показалась прелая трава.

И земля, покорствуя сурово,
И страшна, как Лазарь, и смешна,
В рубище истлевшего покрова
Восстает от гробового сна.

Будто выходцы из преисподней,
Отчужденно жмутся по углам
Перестарки жизни прошлогодней,
Разноперый,
безымянный хлам.

Ржавые железки да жестянки,
Шорный мусор и стекольный бой,
Цветников зловещие останки
За щербатой,
дряхлой городьбой.

В грозном блеске правды
беспощадной,
Льющейся с лазурной вышины,
Некуда им спрятаться от жадной,
Молодой весны!

Им деваться некуда от света,
Не уйти от властного тепла,
Горе тем, которых сила эта
Из могилы насмех подняла!

Горе тем, кто маяте весенней
Предал сердце,
сжатое в комок,
Муку неминучих воскресений
Одиноко выплакать не мог.

И рывком одолевая стужу,
Раскатясь, как снеговой ручей,
Призрак страсти изблевал наружу
Горстку опозоренных мощей.

Апрель 1948,
лагерь Ветлосян

* * *

Он построен трудом человечьим,
Укреплен человечьим трудом,
А теперь отплатить ему нечем,—
Опустел, обезлюдел мой дом!

Подкосились дубовые балки,
Хоть исправно топор их тесал.
Стекла выбиты;
темный и жалкий,
Полон стужи покинутый зал.

Не житье средь такого содома!
Дай, Господь, обойти стороной
Нищий остов, развалину дома,
Что построен был некогда мной!

Злая сырость давно его гложет:
Разобрать его впору да сжечь!
Третий год иль четвертый,
быть может,
Как нетоплена русская печь.

Словно щуря окно слуховое,
Он под снегом поник и дождем...
Не один ты на свете, нас двое,
Злополучный, оставленный дом!

Накопили мы силу воловью,
Да, некстати, растратили враз,—
Черным горем, неверной любовью,
Пошатнуло, обрушило нас.

Ты на жребий не жалуйся лживый,
А хозяйские слушай слова:
Мы еще повоюем, мы живы,
И любовь невозбранно жива!

Не кручинься, товарищ сосновый,—
Станешь краше дворцов и хором!
Я приду к тебе с доброй обновой,
С навостренным моим топором.

Все устрою, не хуже, чем было,
Печь налажу, поправлю трубу,
Вереи подыму и стропила,
Грязь и плесень со стен отскребу.

Я вернусь молодым чудодеем,
Не сегодня, так завтрашним днем;
Пусть однажды мы дело затеем,—
Десять раз, если надо, начнем!

Десять раз, если надо, разрушим,
Чтоб воздвигнуть как следует,
вновь,
Дом невиданный, с гребнем
петушьим,
И людскую, простую любовь.

1948, лагерь Ветлосян

КОРОЕДЫ

В непролазной, буреломной чаще
Обитает испокон веков
Грамотный народец работящий,
Гильдия типографов-жуков.

Не успела плод запретный Ева
Надкусить, как тотчас же в раю
Жук-типограф на волокнах Древа
Выгрыз надпись первую свою.

По примеру пращура, доныне,
Подвиг жизни каждого жука —
Выедать изгибы сложных линий
Литер нелюдского языка.

И строчить на заболони бренной,
С помощью природного резца,
Подлинную хронику Вселенной
От ее верховья до конца.

Шестиногий Нестор неизвестный,
Скромный жесткокрылый Геродот,
Продвигаясь под корой древесной,
Летопись подробную ведет.

Так, из года в год, порой
весенней,
Сокровенный кодекс мировой
С каждой новой сменой поколений
Новой пополняется главой.

Цепь событий, в связи их
причинной,
Вплоть до наименьшего звена,
На скрижалях Библии жучиной
Всеохватно запечатлена.

В этих рунах ключ к последним
тайнам,
Истолковано добро и зло;
То, что людям кажется случайным,
В них закономерность обрело.

Сущность бытия, непостоянство
Мирозданья, круг явлений весь,
Вещество и время и пространство —
Формулами выражено здесь.

Наше суесловье, всякий промах
Утлой мысли, тщетность наших дел,
В хартии дотошных насекомых
Внесены в особенный раздел.

Наши нерешенные задачи,
Вера, не воскреснувшая впредь,
Истины, которые незрячий
Разум наш пытается прозреть,

Перечень грядущих судеб наших,
Приговоры Страшного суда,
Судьбы звезд — горящих и
погасших —
Внесены заранее сюда.

В книге, созидаемой во мраке,
Скрыта не одна благая весть,
Но ее загадочные знаки,
К сожаленью, некому прочесть.

Нет у нас охоты и сноровки,—
За семью печатями она,
И не поддаются расшифровке
Эти нелюдские письмена.

10 сентября 1969,
Грязино

Годы застоя на самом деле были годами передышки, которую, сместив Н. С. Хрущева, обеспечили себе те, кто был так или иначе замешан в делах сталинской эпохи. Не все понимали, что передышка рано или поздно кончится. Но умные люди есть в любом лагере. Встречаются они и среди сталинистов.

Как эта передышка была ими использована в самых различных областях нашей жизни, об этом разговор должен быть особый. Но о той области, которая в наше время выдвинулась чуть ли не на первый план общественной жизни, области архивного дела и «тайн», которыми оно окутано, я имею некоторое представление.

Для незнающих сообщу, что существовала и продолжает существовать широкая сеть «спецхранов», которые создавались в конце 20-х годов не только в библиотеках, но и в каждом крупном архиве и куда на протяжении десятилетий отправлялась и продолжает отправляться огромная масса документов только потому, что «столоначальник» или мелкий канцелярист ставил на, казалось бы, совершенно невинных документах соответствующий гриф, обрекающий их на вечное забвение. И делалось это отнюдь не только потому, что так было приказано. В инструкциях, издаваемых на этот счет, говорилось об охране «государственных тайн». Но стоило только в пухлом деле, в котором могло быть несколько сот самых обычных документов, обозначить один как секретный — все оно целиком исчезало за стальными дверями архивохранилищ.

Этот механизм создавал и, к сожалению, продолжает создавать особую атмосферу таинственности, причастности избранных к неким высшим тайнам управления и политики. Но самое главное, конечно, позволял убирать с глаз долой, и не только широкой общественности, но и историков, любую информацию, которая могла стать материалом для критики хотя бы будущими поколениями. Различные «отцы отечества» еще при жизни очень заботились о формировании своего собственного «светлого» образа строителя коммунизма. Не случайно поэтому в открытых для исследователя документах должно было содержаться только то, что этот образ подкрепляет.

Говорят, что Восток любит все таинственное и иррациональное. Не думаю, что любовь Сталина к тайнам определялась его восточным происхождением. Атмосфера таинственности вполне продуманно и рационально нагнеталась Сталиным и его аппаратом для формирования в умах общественности другого, но уже «темного» образа «врага народа». Именно они, эти враги, с помощью многочисленных иностранных разведок должны были покушаться на жизнь «светлых» вождей, покушаться на завоевания Октября и т. д. И именно от них, шпионов и вредителей, необходимо было охранять государственные тайны, содержащиеся в документах. Так рациональное и иррациональное смыкалось в почти библейской истории о «темных» и «светлых» ангелах.

Обессмертить себя в глазах потомков можно различными способами, в том числе и путем открытой проповеди человеконенавистнических взглядов, а затем и действий, как это, например, сделали Гитлер и его клика. Но Сталин и его окружение действовали намного дальновиднее и тоньше. Задумывался ли кто-нибудь над тем, зачем нужна была огромная бумаготворческая машина, которая создавала, а главное, документально оформляла и складывала в спецхранах сфальсифицированные судебные дела в конце 20—50-х годов? Ведь никто не смел требовать правды об этих делах при жизни Сталина, никто не мог быть допущен из «посторонних» к этим документам и после осуждения и гибели людей. Все эти бесконечные «признания» вины, протоколы, постановления, списки — это не просто учет действий репрессивного аппарата, это в первую очередь база для оправдания себя в глазах потомков.

Перед нами план, который предвосхитил события на десятилетия вперед. Этот план в каких-то своих частях почти удался, как показывает недавняя история с Н. Андреевой и Шеховцовым. Он удался бы вполне, если бы не Хрущев, который слишком рано, фактически сразу же после смерти Сталина сказал о нем страшную правду. Слишком рано потому, что еще живы были свидетели: лагерники, очевидцы расправ в Куропатах и других местах, жены, сыновья и дочери репрессированных. Еще процветали те, кто доносил, сажал, пытал, расстреливал. Продержись сталинская система до конца нашего столетия, когда живых свидетелей уже не осталось бы, а кости в братских могилах распались бы в прах, секретные документы ОГПУ — НКВД — МВД — МГБ и судебных учреждений той поры могли бы стать пьедесталом под ногами самого последовательного борца с «врагами отечества». Но Н. С. Хрущев спутал карты, и они стали ложиться черной надгробной плитой не только на образ Сталина, но и на созданную им систему.

После снятия Хрущева был фактически окончательно свернут процесс реабилитации жертв незаконных репрессий, в основе которого лежал пересмотр судебных архивных дел, находившихся в спецхранах. Со сталинских времен у каждого ведомства есть право ставить на любой свой документ гриф «ДСП» (для служебного пользования), что сразу закрывало доступ к документу, даже тогда, когда он попадал в архив. Так вот, в дополнение ко всему этому в 1965 году документы, отражавшие решения Совета Министров СССР, были приравнены к секретным материалам. Таким образом, первое, что сделала взявшая реванш административно-бюрократическая система,— дополнительно обезопасила себя от любого вмешательства в «свои» дела и обеспечила полную секретность своей деятельности. Но и этого показалось мало.

Год спустя огромный массив документов, уже давно хранящихся в государственных архивах (около 20 млн. единиц хранения или примерно одна десятая часть от всего того, что было на тот момент в государственных архивах), переводится на так называемый «ограниченный доступ». Это означало, что с документов, к которым в принципе могут допускаться исследователи, нельзя снимать никаких копий и делать выписки. Но какой бы феноменальной памятью ни обладал человек, он не может запомнить и тысячной доли необходимой для написания исторического труда информации. А еще нужно знать и помнить всевозможные архивные шифры для ссылок, что только и делает доказательными и проверяемыми утверждения того или иного автора.

Мотивировалось решение об ограниченном доступе тем, что невозможно в дальнейшем «проследить путь» (?) этой информации. Не вздрагивай, дорогой читатель,— речь идет, конечно, не о ЦРУ, которое, как прекрасно известно инициаторам данной инструкции, вряд ли будет охотиться за советскими историками, имеющими сведения о работе в 20—40-х годах Госплана, Центрального управления народнохозяйственного учета, Наркомпроса, Центрального

статистического управления и т. д. Ясно, что ограничили доступ именно для советского исследователя. Но здесь же напомним, что все это не помешало написать Рою Медведеву и А. Антонову-Овсеенко их книги о крупнейших политических деятелях советской эпохи. Охота за личными рабочими архивами этих и других деятелей в ту пору была одним из любимых занятий соответствующих органов.

Но, как показала жизнь, историческая практика, а она, как известно, высший критерий истины, ни закрытие огромных пластов архивных документов, ни изъятие личных фондов к желаемому результату не привели. Система-то и здесь оказалась малоэффективной.

Сам по себе факт появления инструкции о документах ограниченного доступа был актом противозаконным. Она прямо нарушала правительственное постановление об архивах. Незадолго до этих событий, в конце 50-х годов, было утверждено новое «Положение о Государственном архивном фонде СССР». В нем говорилось, что документы, входящие в состав ГАФ, представляются учреждениям, организациям и гражданам СССР для использования в интересах развития народного хозяйства, науки и культуры. Ни о каких ограничениях речь вообще не шла.

Любая бюрократия обожает охранять тайну своей деятельности, но втройне ее любит та часть бюрократии, которая действительно причастна к некоторым государственным секретам. В мире, где существует политическая напряженность, на каких-то этапах не обойтись без соблюдения дипломатических тайн. В мире, где противостоят друг другу две сверхдержавы и время от времени вспыхивают региональные войны, не обойтись без военных и экономических тайн. В этом мире не обойтись без разведки и контрразведки. Но, спрашивается, сколько времени тайна будет оставаться тайной — 100, 200, 1000 лет? Недавно в газете «Советская культура» была опубликована статья, в которой говорилось, что некоторые люди, ответственные за выезд советских граждан за границу, стали наконец осознавать, что доступ к военным тайнам двадцатилетней давности и более потерял всякое значение. Если эти граждане что-то и помнят, то в лучшем случае об уровне военной техники времен электролампового радиоприемника. Сейчас же даже бытовые приборы работают на полупроводниках.

Но шутки в сторону. И ко всему тому, что было сказано выше, следует добавить — наиболее могущественные ведомства: МИД, Министерство обороны, МВД, КГБ и другие имеют собственные, или, как говорят, отраслевые архивы, к тайнам которых допущен очень узкий круг своих людей. Из них выращиваются жрецы-апологеты, которые восхваляют и оправдывают любые действия «своего» ведомства. Но все это не идет ни в какое сравнение с той таинственностью, которой окутаны партийные архивы. Известный советский драматург, член КПСС Михаил Шатров, чьи произведения о революции и В. И. Ленине столь широко известны, сейчас с горечью констатирует: «Я никогда не был допущен ни в один архив». А вот травим жрецами от историко-партийной науки он был, и причем совсем недавно.

Накануне XIX партийной конференции я опубликовал в «Литературной газете» заметку, в которой сообщил о том, что около 50% всех архивных документов скрыто от народа, общественности, ученых за всеми этими многочисленными завесами. Это утверждение тогда основывалось скорее на интуиции и некоторых косвенных данных. Сейчас эти соображения получили дополнительные основания. Так, например, выяснилось, что в крупнейшем государственном архиве — ЦГАОР СССР — до снятия «ограниченного доступа» было закрыто более 50% всех фондов. В другом крупнейшем архиве — ЦГАНХ СССР — одна треть. А это далеко не самые «секретные» из всех «секретных» наших архивов.

Изменилось ли что-нибудь к лучшему во всей этой области на четвертом году перестройки? Кое-что, конечно, изменилось. Со скрипом, но все так же в тайне и на ведомственном уровне снимаются документы с «ограниченного доступа». Открыты некоторые фонды (но, к сожалению, в очень незначительном количестве) НКВД 30-х годов. Открыт так называемый «Пражский архив», созданный белой эмиграцией перед второй мировой войной и переданный в 1948 году в дар нашему правительству от правительства Чехословакии. Этот архив никогда не содержал никаких политических и государственных тайн, во всяком случае, для зарубежных исследователей. Идут разговоры о частичном раскрытии актов Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Уму непостижимо, почему они засекречены? Может быть, по тем соображениям, что обнародование сведений об уничтожении еврейского, русского, украинского, белорусского населения может сыграть на руку международному сионизму? Открыт ряд других фондов. Но общего движения в сторону большей демократизации деятельности архивов пока не чувствуется.

Есть у нас хранилища, которые окутаны такой страшной тайной, что о ней и сказать-то нельзя. Есть касты жрецов, допущенных в святая святых и призванных дозировать правду, переписывать и улучшать историю.

Гитлер был жалким подражателем. Политический пигмей, он заимствовал идеи государственного устройства и институтов культуры у своего более талантливого предшественника — у Наполеона. А тот, создавая мировую империю, решил сосредоточить в Париже архивы всех покоренных государств. То же самое пытались сделать и фашисты, грабившие на оккупированных территориях не только музеи, но и библиотеки и архивы. Так в их руки попал Смоленский партийный архив. Когда война перекинулась на территорию Германии, в руки союзников стали попадать как документы из канцелярий рейха, так и документы, вывезенные с оккупированных территорий. Американцы, в частности, вывезли к себе часть германских архивов. К ним же попал и Смоленский партийный архив. Он до сих пор хранится у них, хотя это и нарушает международное законодательство о ценностях культуры.

Возвращаясь к проблеме советских архивов, отметим, что, несмотря на то, что в большинстве советских библиотек к настоящему времени почти упразднены спецхраны, в архивах эта работа еще даже толком и не начиналась. Все так же огромное количество документов обозначается грифом «ДСП». Все так же сохраняют все свои «права» на архивные документы наиболее могущественные ведомства. События показывают, что вся архивная система во главе с Главархивом СССР по каким-то странным причинам почти никак не реагирует на запросы меняющегося исторического самосознания советского народа. По его инициативе не появилось ни одной существенной публикации документов, проливающей свет на темные пятна истории. Все, что в этом отношении сейчас делается, делается помимо, а иногда и вопреки Главархиву СССР.

Почему же все это происходит? С моей точки зрения, по трем главным причинам: нет законодательства, регулирующего деятельность государственных архивов во всей ее полноте, в том числе и в области пользования архивными документами; все в больших масштабах расширяется ведомственное право на архивные документы; система архивов и управления ими сейчас построена так, что они, по существу, являются придатками административно-бюрократической системы, предназначенной обслуживать ее интересы и нужды.

Сделаем небольшое отступление в историю архивного строительства в СССР.

1 июня 1918 года В. И. Ленин подписал Декрет «О реорганизации и централизации архивного дела». Этим декретом была подведена черта под той борьбой, которую вели отечественные архивисты и историки до революции, пытавшиеся создать сеть широкодоступных научному миру архивов, свободных от ведомственного и правительственного произвола. Отныне все архивы в Советском государстве входили в единый государственный архивный фонд, а ведомственное право на них ликвидировалось. Тем же декретом был образован особый орган — Главное управление архивным делом, первоначально входившее в Наркомпрос, а с 1922 года существовавшее в качестве самостоятельного управления при ВЦИК. Во главе его был поставлен известный историк, большевик ленинской когорты М. Н. Покровский. В 20-х годах были созданы все предпосылки для того, чтобы превратить систему архивов, библиотек и музеев в базу для широкого исторического просвещения народов нашей страны. Именно в эти годы шла интенсивная публикационная работа.

Но по мере того как административная система набирала силу, менялись положение и характер деятельности архивов. 1929 год был переломным и для архивов. Состав коллегии архивного управления был изменен, и в него вошли вместо ученых представители народных комиссариатов: по военным и морским делам, иностранным делам, путей сообщения, финансов и ОГПУ. Очень не случайный и знакомый набор, не правда ли? В этом же году была введена своеобразная трактовка понятия «секретные документы», согласно которой таковыми объявлялись не только секретные документы данного ведомства, но и любые другие, которые сочтет признать таковыми обновленное руководство архивами. Наконец все в том же, 1929 году был установлен порядок допуска к работе над архивными документами, согласно которому требовалась особая рекомендация государственных или общественных органов.

На протяжении последующего десятилетия могущественные ведомства, чьи представители были не только в коллегии Центрархива, но и в ЦК и Политбюро ВКП(б), нарушая нормы декрета, подписанного В. И. Лениным, постепенно отчуждали от единого государственного архивного фонда документы своих ведомств. Ведь им было разрешено в том же, 1929 году организовывать в своих недрах «особо секретные архивы». Вокруг них-то и «накручивалась» своя система. А к 1939 году все было доведено до логического конца. Все государственные архивы, включая научно-исторические, были переданы в НКВД СССР. Главным шефом стал Берия. О последствиях такого шага мы можем судить хотя бы по тому уровню исторической науки, который сегодня наблюдаем. Из этого ведомства архивы были выведены только в 1961 году и переданы на правах самостоятельного управления в Совет Министров СССР.

Ничто не проходит бесследно. Отложили свой отпечаток традиции прошлого и на архивную систему. Может быть, поэтому не могут современные архивы включаться на должном уровне в перестройку общественного сознания и вырваться из привычных стереотипов.

Так, желая отметить 70-летний юбилей декрета, руководство Главархива в привычной тишине и тайне разработало новый закон о государственном архивном фонде СССР. Первоначальный проект закона давал право архивам самим решать, кого допустить, а кого не допускать к архивным материалам. В законе ничего не говорилось и о сроках давности, после истечения которых все секретные материалы должны становиться доступными. А между тем во всех развитых странах законодательство на этот счет существует. С критикой данного проекта выступил ряд исследователей в печати. А в резолюции XIX партийной конференции «О гласности» было специально записано: «Законодательно упорядочить пользование архивными материалами».

И опять все так же в тайне не только от широкой общественности, но и людей науки Главархив разрабатывает новый проект, который недавно был представлен на обсуждение Научного совета Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию. С моей точки зрения, новый проект много хуже предыдущего, так как уже не только де-факто, но и де-юре отменяет положение ленинского декрета, особенно в той его части, которая касается ведомственного права на архивные документы. В проекте указывается, что 12 ведомств хранят документы вне системы Главархива постоянно, что в наших условиях означает их полное отчуждение. Но в процессе обсуждения выяснилось, что список таких ведомств оказался неполным, о чем недвусмысленно заявил представитель Министерства обороны. Он потребовал не только включения своего ведомства в данный список, но и передачу существующих ныне исторических архивов, таких, как ЦГАСА и Военно-исторический, в свое ведение. Все это мотивировалось тем, что любые документы по данному ведомству на все времена являются строго секретными. Слушая этого представителя, я с грустью думал о том, что не очень скоро советский читатель узнает всю правду не только о войне в Афганистане, но и о Великой Отечественной войне, финской войне, да и гражданской тоже. Государство, которое претендует на то, чтобы стать правовым, вряд ли может себе позволить подобный «ход» принятия законов.

В новом проекте сделан вроде бы прогрессивный шаг — введена статья о 50-летнем сроке давности по отношению к документам, содержащим государственную, военную и служебную (?) тайну. Но, поскольку в проекте ничего не говорится о том, кто, как и когда имеет право засекречивать и снимать ограничения на использование документов, этот пункт практически теряет свое значение. Непонятно также, что понимается под «служебной» тайной? Уж не то ли самое «ДСП»? А почему устанавливается 50-летний срок давности, а не 20-, 30- или, может быть, даже 100-летний?

Пора общественности вмешаться в это дело. Архивы — это общая память, это достояние всего советского народа, а не отдельных ведомств. Архивы в правовом государстве могут и должны стать дополнительными гарантами законности и открытости деятельности государственного аппарата во всех сферах. С моей точки зрения, все архивы, в том числе и партийные, должны быть подчинены единому центру, как это было в начале 20-х годов. Этот центр должен находиться при высшем законодательном органе страны, при советском парламенте — Верховном Совете СССР. Последнее, на мой взгляд, тем более оправданно, что глава партии и глава государства является одним и тем же лицом. Конкретно же руководство архивами должны осуществлять не бывшие партийные и государственные чиновники, не сумевшие сделать карьеры, и поэтому отправленные на «кормление», а историки, писатели, люди науки, культуры и искусства, входящие в руководящий Совет. Необходимо вернуться к основным идеям, заложенным в Декрете 1918 года, к идее Единого архивного фонда СССР и полностью отменить ведомственное право на архивы. Иначе говоря, необходим столь же революционный по своему духу Закон об организации архивного дела в СССР, который передал бы народам нашей страны все права по формированию и использованию документальной памяти нашего общества.

ЕЩЕ ОДИН БРОСОК САБОНИСА

Не знаю, приходилось ли Арвидасу Сабонису решать дилемму сложнее той, что встала перед ним накануне Олимпиады-88...

Лишь год назад, после двух сложнейших операций на разорванном сухожилии, он только-только начал приходить в себя, вновь становился тем Сабонисом, которого знал, пожалуй, весь мир: лидер баскетбольной сборной СССР, лучший из игроков Европы, надежда будущей Олимпиады... Правда, во всех своих бесконечных больничных мытарствах он внешне оставался прежним — веселым, неунывающим, даже слегка бесшабашным парнем, но кто знает, что он передумал, когда медицинские светила один за другим с сомнением качали головами в ответ на его вопросы о будущем. Обвинял во всем случившемся себя, свою молодость, талант, легкомыслие? За неуемное желание играть, пренебрегая осторож-

ностью,— только бы помогать команде, несмотря на травмы...

Об одном знаю твердо — Арвидас мечтал вернуться в большой баскетбол. Хотя, что там греха таить, верили в это очень немногие. Потом в Америке, в Портленде, где продолжалось его лечение, мечта о возвращении с каждым днем приобретала все более реальные черты. Только вот вердикт врачей, теперь уже американских, был предельно категоричным: к Олимпиаде не успеть. Рисковать, мол, нельзя. Вдруг еще одна травма? Тогда на баскетболе можно поставить крест...

Ну что ж, Арвидас, тебе решать. Откажешься — никто не осудит. Но ты же прекрасно знаешь себя, понимаешь свою исключительность. Одно лишь твое присутствие на площадке заставит соперников волноваться! А если еще и сможешь сыграть...

Мне кажется, я знаю, когда Сабонис решил ехать в Сеул. Для себя решил, хотя всем сообщил об этом позже. Это было на первой его тренировке в составе сборной СССР после возвращения из Портленда. Тогда, в Новогорске, я увидел как бы трех разных Сабонисов. Сначала — немного настороженного (как-то примут меня после многих месяцев отсутствия?). Затем — счастливого от общения с ребятами, оттого, что снова появились связывающие ниточки, которые так нужны для понимания друг друга в баскетболе. И, наконец, умиротворенного от сознания того, что вернулась сила, упругость мышц, кошачья мягкость и стремительность в рывках, иначе говоря, он и сам поверил, что на площадку вернулся прежний Сабонис. Только здесь, рядом с другими мастерами баскетбола, поверил он в это окончательно.

Я хотел тогда поговорить с Арвидасом обо всем поподробнее, но его друзья — Хомичус и Куртинайтис — просили особенно к нему не приставать: журналисты мучают почище врачей! И я спросил Сабониса только об одном: что он сейчас чувствует? Думал, скажет о травме, о своей долгой реабилитации, но Сабонис сказал совсем не то: «Очень соскучился по команде...» А глаза у него при этом были совершенно счастливые. И я понял: он все уже решил!

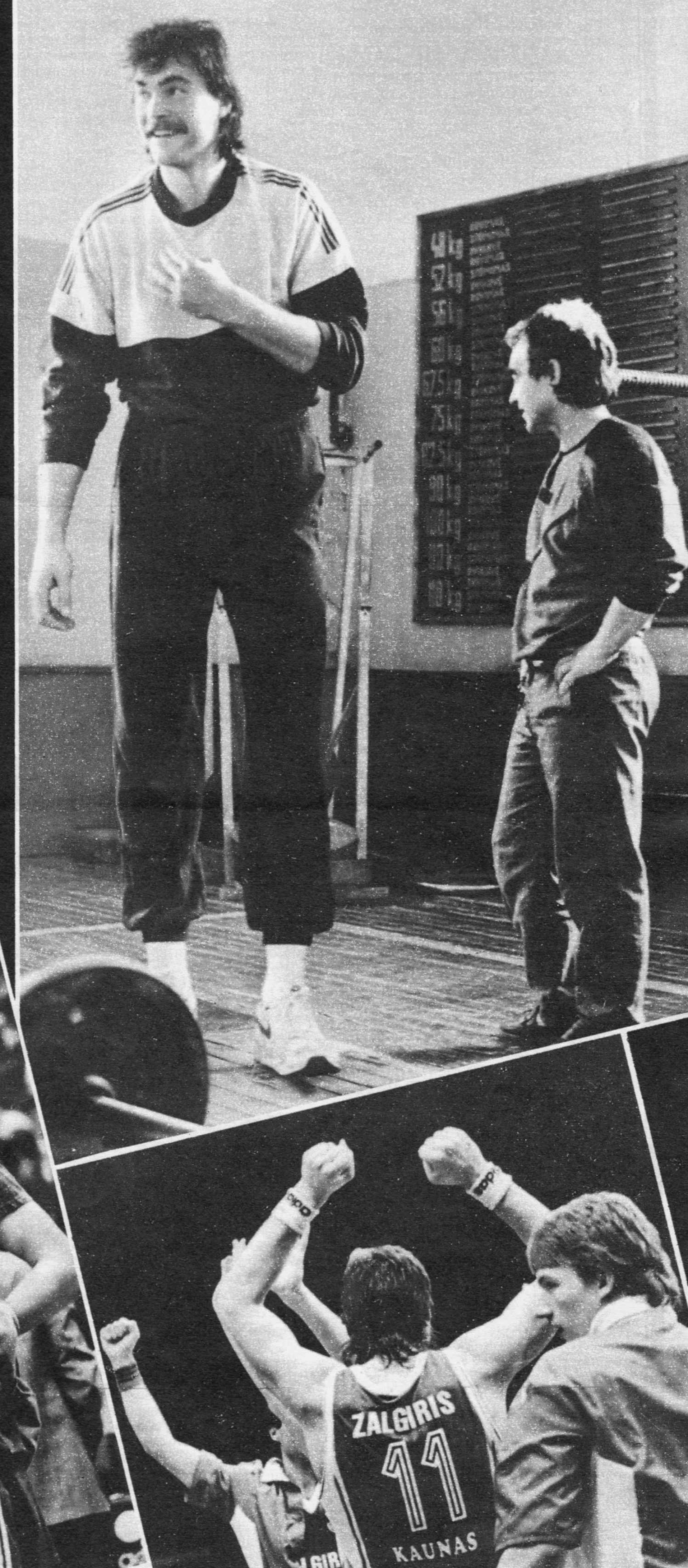
Его игру в Сеуле мы хорошо помним. Только к чувству восхищения его расчетливыми, выверенными перемещениями по площадке примешивалась тревога — не дай бог оступится! Все обошлось. Сабонис вернулся с Олимпиады одним из главных ее героев, с золотой медалью...

Теперь кажется, что по-другому и быть не могло. К чему все эти волнения накануне Игр? Хотя, думаю, для Арвидаса они не прошли бесследно. Он изменился. Возмужал. Повзрослел. Сейчас это хорошо заметно по его игре. Как будто на площадке тот же Сабонис, и в то же время другой. Мастерство осталось. Но, похоже, исчезли несдержанность, вспыльчивость, бурная реакция на ошибки партнеров и судей. Слезы, наконец. Пример тому — недавний матч в Загребе с «Цибоной». С этим соперником у Арвидаса старые счеты. Ведь два года назад в финальном матче Кубка чемпионов именно из-за своей горячности Сабонис вынужден был покинуть площадку — после столкновения с югославом Накичем. Нет, теперь он был другим. Ни вопли трибун, ни горячность хозяев не могли вывести его из равновесия. Им руководил холодный разум, но игра Сабониса от этого не поблекла, а — как бы сказать — стала рельефнее, выпуклее.

А, может быть, к нему пришла мудрость? Та, которая отличает ветерана от новичка? Сабонису уже 24 года. Семь лет он играет в сборной СССР и по праву может считать себя ее ветераном. Все самые высокие титулы, которые есть в мировом любительском баскетболе, Арвидас уже имеет. Но ведь существуют еще и заокеанские профессионалы, они называют чемпионами мира лишь себя и только совсем недавно стали допускать в свою игру европейцев...

Ставлю здесь многоточие. Ведь Сабонису всего двадцать четыре.

Владимир ТИТОРЕНКО
Фото Анатолия БОЧИНИНА

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ПОЛЕ ЧУДЕС

ПОЧТОВЫЙ РОМАН, НАПИСАННЫЙ ДОБРЫМ СКАЗОЧНИКОМ ЭДУАРДОМ УСПЕНСКИМ В СОАВТОРСТВЕ С ДРУГИМИ ОФИЦИАЛЬНЫМИ ЛИЦАМИ

Причина, заставившая автора «Крокодила Гены» и др. изменить любимому жанру и любимому читателю, станет понятной чуть ниже. Тем не менее в предлагаемом вашему вниманию произведении есть и ложь, и намек, и урок — все, что положено иметь сказке. И главное — здесь все как в жизни. Хотя и непонятно, надо ли радоваться этому обстоятельству.

Итак, в один прекрасный день председатель Правления Всесоюзного агентства по авторским правам Н. Н. Четвериков получил письмо...

«Уважаемый Николай Николаевич! Уже много лет я сотрудничаю с зарубежным отделом возглавляемого Вами ВААПа. И никакой особой радости от этого сотрудничества не испытываю, и никакой пользы не имею. Например, в 1976 году в Швеции выходил журнал «Ена и Друттен», что означает «Гена и Чебурашка», в котором публиковались комиксы по советским мультфильмам. Долгое время группа авторов пыталась получить положенную часть гонорара. Однако сотрудник ВААПа, заведующий Скандинавским отделом А. И. Пархоменко заявил нам, что фирма (издательство «Медиофорум») разорилась. Это оказалось неправдой. И только после того, как мы пригрозили, что обратимся в шведское посольство, нам был выплачен довольно большой гонорар. Но это было еще не самым интересным.

Самым интересным было то, что «разоренный» издатель господин Онман вскоре приехал в Москву с предложением издавать журнал "Ена и Друттен" на всю Скандинавию огромным тиражом, причем готовить макет, подбирать материалы, делать рисунки следовало в Москве. Это сулило огромные доходы и могло дать большую популярность нашей детской литературе за рубежом. Однако сотрудники ВААПа отказались от этого. В частности, тов. Ситников В. Р. сказал, что такая работа фактически означает создание нового печатного органа, что для этого надо получать специальное разрешение, а ВААПу лучше «торговать воздухом». Тогда я лишний раз убедился в том, что ВААП не хочет работать, а хочет только получать валюту.

Начиная с 1973 года мои книги были напечатаны в Англии, Швеции, Финляндии, Австрии, Франции, Японии, Турции, Голландии, всех соцстранах и т. д. И практически каждый раз я сам передавал книгу зарубежному издателю, излагал краткое содержание, рассказывал, где она уже была опубликована. После этого книга печаталась за рубежом, а ВААП по непонятной мне причине отбирал положенные проценты.

Однажды финское издательство «Отава» попросило ВААП прислать рукописи моих новых повестей «Меховой интернат» и «Пластмассовый дедушка». Их прочитал сотрудник ВААПа тов. Спирин и сказал, что, по его мнению, они не заслуживают издания за рубежом. Сейчас обе повести выходят у нас в стране. И уже запрошены тем же издательством и выйдут в конце концов в Финляндии, но вопреки мнению и желаниям товарища Спирина. И опять возникает вопрос: тов. Спирин помогает публикациям за рубежом или препятствует им? А если препятствует, за что ВААП берет свои проценты?

Сколько ни было в нашей стране книжных выставок, симпозиумов и встреч с иностранцами, столько раз меня на них не приглашали. И западные переводчики приезжают ко мне частным порядком вопреки воле ВААПа. Так за что ВААП отбирает у меня часть гонорара?

В последние годы я категорически настаиваю на том, чтобы все иллюстрации моих книг были со мной согласованы. Я каждый раз вписывал это пожелание в «особые условия» договоров. И в результате я имею чудовищно иллюстрированную книгу «Вниз по волшебной реке», изданную в Праге в 1983 году. Была бы моя воля, я никогда бы не пропустил столь страшных рисунков. Они просто позорят нашу страну и наш фольклор.

Короче говоря, существующие отношения между автором и зарубежными отделами ВААПа меня совершенно не устраивают. Они кажутся мне нелепыми, несправедливыми, грабительскими и приносящими вред делу — популяризации советской детской литературы за рубежом. Поэтому я отказываюсь от услуг ВААПа в отношениях с зарубежными издательствами, телевизионными компаниями, кинофирмами и другими организациями. В дальнейшем я все переговоры буду вести сам, сам буду заключать договора и сам буду платить нашему государству положенные налоги. Если же ВААП изменит свои отношения с авторами, я немедленно вернусь в его лоно.

С уважением, Э. Успенский.
24.05.88».

Даже если кому не показались убедительными представленные Успенским аргументы, надо признать, что никакой крамолы в его желании отказаться от услуг ВААПа нет. Ведь организация эта, согласно ее же уставу, общественная, вроде общества охраны природы. Охранять природу имеет право каждый — даже злостный неплательщик членских взносов, хотя принадлежит она всем. Так кто же может запретить автору охранять свои собственные права?

«Председателю правления Внешэкономбанка СССР т. Московскому Ю. С.

Уважаемый Юрий Сергеевич! В настоящее время сложилась такая ситуация, что мне приходится напрямую заключать договора с зарубежными издательствами или кинофирмами о написании для них сценариев или об издании моих книг за рубежом. Прошу Вас сообщить мне, как и на какие счета я могу переводить полученную за это валюту, чтобы она шла официальным путем, чтобы были выплачены налоги. И прошу Вас принять во внимание тот факт, что ВААП практически отключен от участия в моих делах ввиду чрезвычайно плохой работы этой организации.

С уважением, Э. Успенский.
10.08.88».

Тоже логично. Думаю, многих авторов не устраивает, что ВААП проводит финансовые операции (с чужими деньгами) вроде как под глубоким наркозом — «пациент» почти ничего не ощущает. Хотя и хотел бы лично проследить, как бы не «отрезали» чего лишнего. И опять, казалось бы, что в этом предосудительного?

«Внешэкономбанк СССР. 26 авг. 88 г. № у-146/1104-907. Успенскому Э. Н.

В связи с Вашим письмом относительно зачисления на счет сумм авторских гонораров, поступающих из-за границы, разъясняем следующее. Действующим порядком предусмотрено, что средства, выплаченные за границей как авторское вознаграждение и переведенные в СССР, должны быть перечислены в ВААП. Агентство устанавливает происхождение этих средств и, если они являются гонораром, дает поручение банку о зачислении их на счет автора. При этом ВААП берет комиссию за данную услугу. Это единственный официальный порядок получения иностранной валюты, выплаченной как гонорар. При отсутствии подтверждения ВААП перевод из-за границы рассматривается как подарочная сумма и выплачивается только в рублях с удержанием 30 процентов госпошлины.

Начальник отдела организации расчетов и инструктирования по неторговым операциям Т. Н. Смирнова».

«Уважаемая товарищ Смирнова! (К сожалению, не знаю вашего имени-отчества).

Мне кажется, вместо делового письма Вы отделались бюрократической отпиской. Я сообщил Вам, что на мое имя должны поступить крупные суммы денег из-за рубежа в результате заключения договоров с иностранными фирмами Японии, Голландии, Франции, ФРГ. Также я сообщил Вам, что прекратил пользоваться услугами ВААПа, потому что эта посредническая организация совершенно не выполняет возложенные на нее функции. Тем не менее Вы пишете: «Агентство устанавливает происхождение этих средств и, если они являются гонораром, дает поручение банку о зачислении их на счет автора. При этом ВААП берет комиссию за данную услугу».

Происхождение этих средств устанавливать не надо: я сам Вам покажу договора. Именно из-за комиссии ВААП я от него и отказался. Она доходит до 37—40 процентов, а делать ВААП ничего не делает. О чем я написал им в письме, в котором отказывался от их услуг. Более того, ВААП облагает авторов какими-то безумными налогами, доходящими до 90 процентов, установленными на основании инструкций, произведенных на свет в самые застойные годы застойного периода. Эти инструкции настолько «засекречены», что бывший главный юрист Минфина тов. Брайнин так и не рискнул мне показать их, несмотря на мой более чем полуторачасовой разговор с ним. Как же я могу следовать им, если я их даже не читал? Так что давайте без ВААПа.

Но вернемся к моей проблеме. Ваш банк — единственный в мире, который не выплачивает процентов по вкладам, а, наоборот, вычитает проценты в случае получения сумм. Ваш банк — единственный в мире, который запрещает пользоваться деньгами в случае невыезда за рубеж. То есть нельзя купить лекарства или недостающие запчасти к импортной технике путем пересылки валюты, путем перевода и т. д. Опять же я не понимаю, почему вещь, купленная за рубежом на эти, уже неоднократно обложенные налогом деньги, снова облагается налогом на таможне.

И тем не менее я хочу открыть счет в вашем банке.

Вы прекрасно понимаете, что для ведения переговоров, для поездки на конференции, симпозиумы и ярмарки, где идет основное распространение книг, нужна валюта и что никто ее не дает. Недавно для поездки в Австралию на фестиваль «Интерплей» мне понадобилось 1200 долларов — гостевой взнос и другие расходы. Ни СП СССР, ни ВААП, ни Внешторгбанк не смогли мне дать этих денег даже в качестве ссуды — пришлось занимать у иностранных коллег. В Австралии я договорился с издательством «Хатчинсон» о публикации двух моих книг. Что же, мне теперь опять отдавать 25 процентов гонорара ВААПу и из оставшихся денег 80 процентов вам? А за что? И чем же вернуть долг — матрешками?

Исходя из вышеизложенного, я спрашиваю Вас: откроете ли Вы мне счет во Внешэкономбанке, чтобы я мог хранить эту валюту в советском учреждении, или Вы заставите меня открыть счет в иностранном, скорее всего капиталистическом банке?

С нетерпением жду ответа.
Э. Успенский. 10.09.88».

«Внешэкономбанк СССР. № 1104 от 7.10.88. Успенскому Э. Н.

В соответствии с действующим порядком, установленным на основании решения Правительства СССР, Внешэкономбанк СССР открывает текущие счета гражданам за счет сумм гонораров и авторских вознаграждений, поступивших из-за границы, только по поручению Всесоюзного агентства по авторским правам. Этот порядок был Вам сообщен в нашем предыдущем письме.

Начальник отдела организации расчетов и инструктирования по неторговым операциям Т. Н. Смирнова».

Отчитала, как нерадивого школьника. Так сказать, двойка за невнимательность на прошлом уроке. После этого Успенский выбрал жанр телеграммы.

ВНЕШЭКОНОМБАНК НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ОРГАНИЗАЦИЙ РАСЧЕТОВ ПО НЕТОРГОВЫМ ОПЕРАЦИЯМ СМИРНОВОЙ

СРОЧНО УКАЖИТЕ НОМЕРА ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР В КОТОРЫХ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ОТКРЫВАТЬ ИНВАЛЮТНЫЕ СЧЕТА СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНАМ ТЧК НОМЕРА ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ОБЛОЖЕНИЮ НА-

ЛОГОМ ГОНОРАРОВ АВТОРОВ ТЧК УКАЖИТЕ ГДЕ МОЖНО ОЗНАКОМИТЬСЯ С ПРАВИЛАМИ ЗАПРЕЩАЮЩИМИ РАБОТУ С ИНОСТРАННЫМИ ФИРМАМИ ПОМИМО ВААП УСПЕНСКИЙ

«Внешэкономбанк СССР. № у-177/3-1104 от 16.10.88. Тов. Успенскому Э. Н.

В соответствии с Уставом Внешэкономбанк СССР может открывать текущие счета в иностранной валюте советским гражданам, руководствуясь при этом действующими законами, постановлениями и решениями Совета Министров СССР и другими документами. Текущий счет открывается при поступлении в банк первоначального взноса в иностранной валюте. Сумма взноса должна быть не менее эквивалента 25 рублей.

Порядок открытия счетов авторам за счет средств гонораров и авторских вознаграждений, поступивших из-за границы, регулируется постановлением Совета Министров СССР 1973 года «О Всесоюзном агентстве по авторским правам».

Исходя из этого постановления Вам было рекомендовано обратиться в ВААП. Другого порядка открытия счета авторам не имеется, и Внешэкономбанк СССР не вправе отступить от требований закона. По вопросу взимания налогов с авторских гонораров в СССР вы можете обратиться в Министерство финансов СССР.

Заместитель председателя Правления В. В. Люльчев».

Кое-что возразить при желании можно. Например, что Устав ВААПа тоже не противоречит упомянутому В. В. Люльчевым постановлению. А в Уставе этом, между прочим (глава «Правовое положение и средства», пункт 15), однозначно сказано: «Советское государство, его органы и организации не несут ответственности за деятельность ВААП и по его обязательствам». А Внешэкономбанк, выходит, несет. Врываясь со своим Уставом в чужой. Что же поделать, если сила на его стороне? Вопрос, оказывается, не риторический...

«Председателю Правления Внешэкономбанка СССР тов. Московскому Ю. С.

Уважаемый Юрий Сергеевич! Я много раз обращался к Вам и работникам Вашего банка с просьбой открыть мне счет для зарубежной валюты, поступающей на мое имя в виде гонораров по прямым контрактам с фирмами. Однако начальник отдела организации расчетов по неторговым операциям т. Смирнова Т. Н. категорически отказалась сделать это. В результате я вынужден был открыть счет в иностранном банке, о чем я т. Смирнову заранее предупредил.

Я думаю, что моему примеру последуют многие другие писатели. И таким образом так нужная Вам валюта будет храниться в капиталистических банках, а не у нас в стране. Это, конечно, неудобно для державы, но очень удобно для т. Смирновой Т. Н.

Когда т. Смирнова, наконец, разрешит мне открыть счет в нашем банке на нормальных условиях, я, безусловно, переведу все свои деньги в СССР.

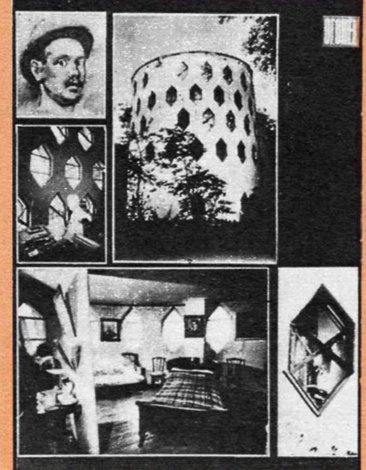
С уважением, Э. Успенский. 31.10.88».

Комментировать тут нечего. Разве только в качестве постскриптума припомню один давний разговор с Успенским.

— Почему все ваши сказочные повести имеют счастливый конец,— спросил я его,— и это никогда не выглядит враньем?

Знаете, что он ответил? Что насчет счастливого конца мне показалось. Он чаще всего грустный, но это неважно. Важно, что справедливый.

Перепиской заведовал Андрей ВАСИЛЬЕВ.

КРЕДО ГЕНИЯ

БОЛЬЬ ОТЕЧЕСТВА

Татьяна НОВИКОВА

Творческая судьба русского зодчего Константина Степановича Мельникова (1890—1974) трагична, его наследия — загадочна долгие годы. В 1925 году выстроенное по проекту Мельникова здание советского павильона на Международной выставке в Париже принесло 35-летнему зодчему фантастическую славу. В сороковые же он обвинен в формализме. Больше по его проектам не будут строить. А он до конца своих дней работал вот в этом доме в Кривоарбатском переулке, выстроенном для собственной семьи ровно 60 лет назад. Теперь здесь хранится огромный архив: чертежи, записи,— множество наработанных впрок оригинальных проектов.

Сын архитектора художник Виктор Константинович Мельников давно устроил в уникальном здании некое подобие музея: каким бы он мог быть. Тех, кого интересует творчество отца, он водит по дому, рассказывает. Есть книга отзывов. Со всего света приезжают взглянуть на Дом Мельникова. Только мы, для кого он творил, еще знаем мало. Даже настоящего мемориального музея К. С. Мельникова пока нет, хотя больше десяти лет предлагают наследники передать его дом в дар Москве с этой целью. А ведь дело не только в музее. Все еще не доходят руки разобраться в главном — творческом наследии Мельникова. А давно бы пора.

...На глянцевых полосах журналов, изданных в последние годы во Франции, США, Швеции, Японии (нужно ли перечислять другие страны?), Дом Мельникова в разных ракурсах. Сегодня его опять признают эталоном современного городского жилища. Недавно сыну зодчего пришло известие из Парижа: там собираются восстановить как памятник советский павильон на выставке двадцать пятого года. Каталоги архитектурных экспозиций на многих языках непременно включают имя Мельникова. Вот, скажем, шведский каталог «Величайшие гении русской культуры». Пушкин, Гоголь, Булгаков, Мельников...

В подтверждение таланта зодчих прошлого называют дворцы, храмы. Мельников не строил дворцов. По его проектам созданы пять рабочих клубов в Москве: имени Русакова, «Каучук», имени Фрунзе, «Буревестник», «Свобода» (ныне имени Горького), сохранилось несколько других сооружений. Но все они впоследствии так сильно видоизменены, что уже почти ничего не говорят о стиле мастера. Избежал вмешательства лишь один дом в Кривоарбатском. Всего один небольшой жилой дом. Много это или мало, чтобы свидетельствовать перед потомками гениальность творца? Вглядимся повнимательнее: творческое кредо мастера запечатлено здесь очень точно.

Как поэт, сразу смазав «карту будня», Мельников вводит в архитектуру прочно забытые ею цилиндр, конус. И, точно ребенок в кубики, увлеченно играет вдруг открывшимися возможностями. Новая архитектура должна вывести человека из круга привычных объемов, представлений, раскрепостить воображение, побудить мысль к поискам. Таково творческое кредо Мельникова. Этой задаче подчинен и собственный дом. Решения его, как всегда у Мельникова, чрезвычайно просты. Фундамент в виде двух пересекающихся окружностей позволил расположить на трех этажах максимум жилой площади, заняв минимум городской. Все помещения как бы нанизаны на винтовую лестницу, и среди них нет одинаковых. «Ковровая» кладка внешних стен со множеством ритмично чередующихся шестигранников-окон стала средством удешевить строительство, сэкономив кирпич. Часть проемов потом замуровали строительными отходами. Их всегда можно «раскрыть», а значит, варьировать назначение внутренних помещений...

Мельников родился в семье рабочего, выходца из крестьян Нижегородской губернии. После приходской школы работал «мальчиком» в торговой фирме. Незаурядные художественные способности проявились рано, позволили окончить Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

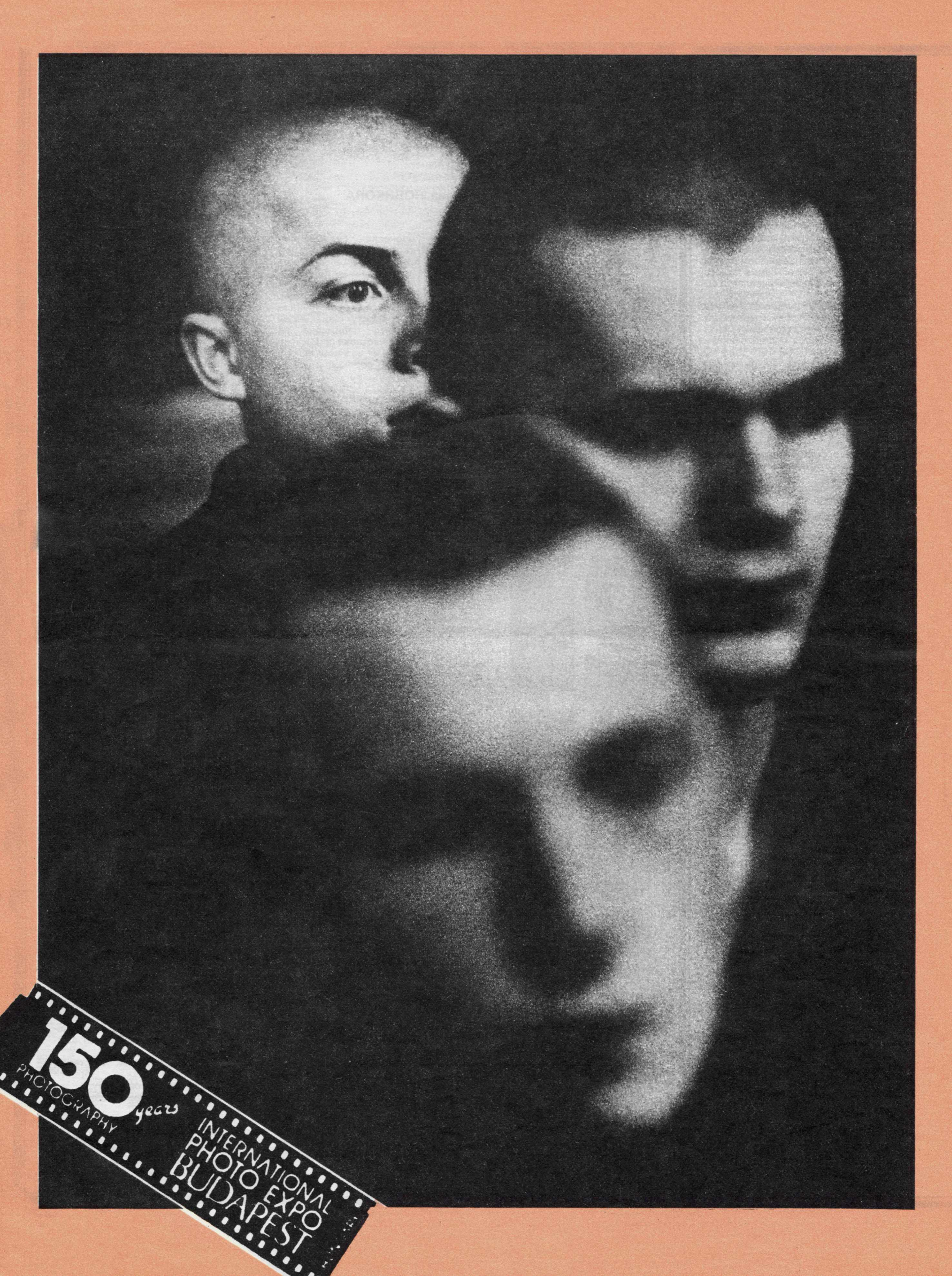
— Отец считал целью архитектуры,— вспоминает Виктор Константинович,— вызвать у человека ощущение свободы, раскрепостить. Заметьте, его здания никогда не решаются в «клетчатой», «решетчатой» формах. Отцовская архитектура несет живую связь с природой. Он говорил: не конструктивизм, а обнаженные формы искусства! А вот кто понимает, что такое «обнаженные формы искусства»?!

Константин Степанович Мельников искал ответ на этот вопрос всегда. Вместе с каждым новым проектом он как бы вживается в окружающий мир. Каждое новое здание для него — исследовательский зонд в природу.

Важнейшее в оставленном зодчим архиве — проекты, развивающие эти идеи жилья нового типа, для массового строительства. Здания из двух совмещенных цилиндров с «веерами» винтовых лестниц и широчайшим набором небольших квартир. Дом из четырех цилиндров с оригинальными холлами-столовыми, комнатами отдыха на каждом этаже. Та же «ковровая» кладка внешних стен, как бы приближающая внешний мир к человеку, раскрывающая красоту и привлекательность жизни. Мечтаю о том времени, когда наследие зодчего станет на деле нашим общим достоянием, смелость и красота его идей будут участвовать в формировании характера, мировоззрения человека. А в наших городских ландшафтах останется меньше «решетчатых» форм за счет пластичных мельниковских.

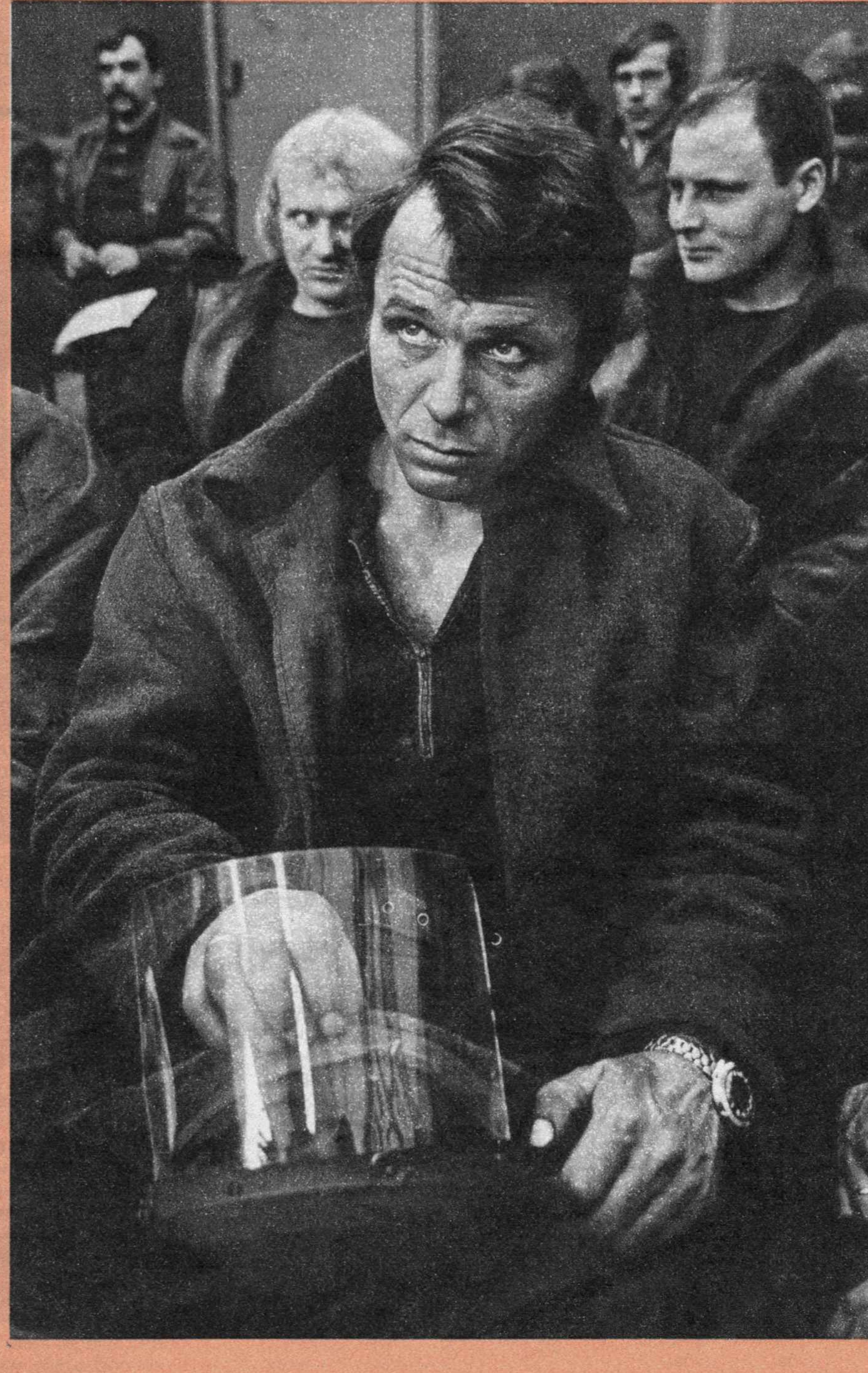
...Следовало бы вернуть это здание в Кривоарбатском и городу в целом, то есть сделать доступным для обозрения, освободить от множества теснящих со всех сторон полуразвалившихся нежилых помещений, бесчисленных складов со штабелями деревянных ящиков.

Посетителям недавней выставки художника из ФРГ «Юккер в Москве» наверняка небезынтересно будет узнать, что средства, вырученные от продажи ее каталогов — 90 тысяч рублей,— переданы организаторами экспозиции Советскому фонду культуры для реставрации Дома Мельникова.

150
PHOTOGRAPHY
years
INTERNATIONAL
PHOTO EXPO
BUDAPEST

● **_И. ГАВРИЛОВ._**
В колонии (из серии).

● **_Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ._**
Атака. 1941 год (из серии о Великой Отечественной войне).

● **_П. КРИВЦОВ._**
Госпиталь для афганцев (из серии).

Рабочий.

В конце 1988-го «Огонек» опубликовал имена лауреатов премии за лучшие работы года, опубликованные на страницах журнала. Недавно в Будапеште авторитетное жюри международной выставки-конкурса пресс-фото, посвященной 150-летию изобретения фотографии, подвело итоги. Из тридцати наград почти треть присуждена советским фотожурналистам. Огоньковские фотомастера Дмитрий Бальтерманц, Павел Кривцов, Игорь Гаврилов удостоены пяти призов и медалей.

Стремительно меняются наши представления об истории отечественной культуры. Вынесены из запасников и впервые открылись зрителю работы художников, имена которых еще недавно были знакомы ему лишь понаслышке: Шагала, Филонова, Малевича, Кандинского, Татлина, Лисицкого...

Тот же процесс,— пожалуй, даже еще более бурный,— идет и в литературе. Простой перечень имен и книг, вынутых из «запасников» нашей литературы на свет, занял бы довольно много места. Но многие шедевры еще томятся в этих самых «запасниках», дожидаясь своего часа.

Открывая нашу антологию прозы XX века (впрочем, слово «антология» вряд ли здесь уместно, поскольку мы не собираемся придерживаться хронологического принципа), сообщаем, что в ней будут представлены и произведения ранее публиковавшиеся, и те, что были напечатаны, но не попали в поле зрения официальной истории литературы, не дошли до широкого круга читателей. В этой рубрике мы предполагаем помещать рассказы, фельетоны, отрывки из повестей, мемуаров, дневников и записных книжек Бунина и Юрия Казакова, Василия Розанова и Зощенко, Замятина и Гроссмана, Бабеля и Набокова, Аверченко и Пастернака, Шукшина и Булгакова...

Крайняя узость, ограниченность наших представлений о богатстве русской литературы XX века обусловлена не только тем, что имена многих прекрасных писателей и поэтов были принудительно обречены на забвение. Не меньший урон литература наша понесла от фальсифицированного, искаженного взгляда на творчество художников, увенчанных всеми официальными лаврами, торжественно признанных классиками и основоположниками новой русской литературы.

Художника можно убить двумя способами. Наиболее простой и надежный состоит в том, чтобы перестать публиковать его книги и самое имя его сделать неупоминаемым. Но есть и другой способ, быть может, даже еще более действенный: канонизация, пресловутый «хрестоматийный глянец», сознательное (или бессознательное) превращение живого лица в икону.

К этому второму способу у нас прибегали ничуть не реже, чем к первому. И мало кто из крупных наших художников пострадал от него так, как Алексей Максимович Горький.

Горький — законнейший наследник великой русской литературы XIX века. В этом легко убедиться, прочитав предлагаемый нами рассказ «Испытатели».

Одну из характерных черт этой традиции выразил Ф. М. Достоевский, говоря об «Анне Карениной». Он резко противопоставил взгляд русского писателя на «загадочность» человеческой души взглядам писателей и мыслителей Запада, согласно которым, «чтобы покончить с преступлениями и людской виновностью, надо покончить с ненормальностью общества и склада его...» «Во взгляде же русского автора на виновность и преступность людей,— продолжает Достоевский,— ясно усматривается, что никакой муравейник, никакое торжество «четвертого сословия», никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следственно и от виновности и преступности. Выражено это в огромной психологической разработке души человеческой, с страшной глубиною и силою, с небывалым у нас доселе реализмом художественного изображения. Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой...»

Достоевский, как известно, не верил в социализм. Горький держался противоположных взглядов. Но из рассказов, которые вы сейчас прочтете, вы увидите, что его мучили те же вечные проклятые вопросы, которыми терзались Достоевский и Толстой. И эту боль своей души он тоже умел выражать «с страшной глубиною и силою, с небывалым у нас доселе реализмом художественного изображения».

Рассказы «Испытатели» и «Законник» вошли в полное (академическое) собрание сочинений А. М. Горького. Но, прочитав их, вы узнаете еще одного Горького — не того, какого вы «проходили» в школе, и не того, иконописный портрет которого долгие годы создавался официальной нашей литературоведческой наукой.

М. ГОРЬКИЙ

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ИСПЫТАТЕЛИ

В курорте Сестрорецк был банщик Степан Прохоров, благообразный крепкий старик, лет шестидесяти. Странно смотрели на людей его выпуклые фарфоровые глаза,— блестело в них что-то слишком светлое и жесткое, но улыбались они ласково и даже, можно сказать, милостиво. Казалось, что во всех людях он видит нечто, достойное сожаления. Его отношение к людям внушало мысль, что он считает себя мудрейшим среди них. Двигался он осторожно, говорил тихо, как будто все вокруг него спали, а он не хотел будить людей. Работал солидно, неутомимо и охотно брал на себя работу других. Когда тот или иной служащий курзала просил его сделать что-нибудь, Прохоров, вообще немногословный, говорил торопливо и утешительно.

— Ну, ну,— сделаю я, брат, сделаю, не беспокойсь!

И делал чужое дело благожелательно, без хвастовства, точно милостину подавая лентяям.

А держался он в стороне от людей, одиноко; я почти не видал, чтобы в свободный час старик дружески беседовал с кем-либо из сослуживцев. Люди же относились к нему неопределенно, но, видимо, считали его глуповатым. Когда я спрашивал о Прохорове: «Что это за человек?» — мне отвечали:

— Так себе человек, обыкновенный.

И только лакей, подумав, сказал:

— Старик — гордый. Чистюля.

Я пригласил Прохорова вечером пить чай, в мою комнату, огромную, как сарай, с двумя венецианскими окнами в парк, с паровым отоплением; каждый вечер в девять часов трубы отопления шипели, бормотали, и, казалось, кто-то глухим шепотом спрашивает меня:

— Хотите рыбы?

Старик пришел одетый щеголем: в новой, розового ситца, рубахе, в сером пиджаке, в новых валенках; он аккуратно расчесал широкую сивую бороду и смазал серые волосы на голове каким-то жирным клеем едко-горького запаха. Степенно попивая чай с красным вином и малиновым вареньем, он вполголоса, очень связно и легко рассказал мне:

— Правильно изволили приметить,— я человек добрый. Однако ж — родился я и половину жизни прожил, как все, без внимания к людям, добрым же стал после того, когда потерял веру в господина бога. А это произошло со мною от непрерывных удач в жизни. Удача преследовала меня со дня рождения; отец мой, слесарь во Мценске, так и говорил: «Степанка родился на счастье»,— потому что в год рождения моего ему удалось разжиться, открыл свою мастерскую. И в играх я был удачлив и учился играючи; не испытал никаких болезней и неприятностей. Кончил училище — сразу попал в богатое поместье, в контору, к хорошим людям; хозяевами был любим, барыня говорила мне: «Ты, Степан, имеешь способности, береги себя». И это верно: способностей у меня было настолько много, что я сам себе удивлялся: откуда они? Даже лошадей лечил, не имея никакого понятия, чем они хворают. Любую собаку выучивал ходить на задних лапах, и не боем, а только лаской учил. На женщин тоже имел удачу: какая нравится, та и явится, без запинки. В двадцать шесть лет был я старшим конторщиком, и без ошибки говорю, мог бы стать управляющим. Господин Маркевич, писатель книг, вроде вас, восхищался: «Прохоров настоящий русский человек, как Пурсам». Кто таков Пурсам — не знаю, но господин Маркевич был к людям строг, и его похвала — не шутка! Очень я гордился собою, и все шло хорошо. Были у меня деньжонки прикоплены, собирался жениться и уже присмотрел приятно подходящую мне барышню, но вдруг, незаметно для себя, почувствовал опасность жизни. Загорелся у меня любопытнейший вопрос: «Почему мне во всем удача? Именно — мне?» Вспыхнул вопрос этот, и даже спать не могу. Бывало, устанешь за день, как лошадь на пашне, а — ляжешь спать и думаешь, открыв глаза: «Почему мне удача?» Конечно — способности у меня, богомолен я, неглуп, скромен, трезв. Однако же: вижу людей многим лучше меня, но им не везет фортуна. Это — вполне ясно. Думал, знаете, думал: «Как же ты, господи, допускаешь такое? Живу, точно ягода в сахарном варенье, а, однако, кто же меня съест?» И все у меня на уме одно это. Чувствую, что в удачной жизни моей скрыта какая-то хитрость, как будто заманивают меня приятностями, к чему манят? Мысленно спрашиваю: «Куда, господи, ведешь?» Молчит господин бог... Молчит.

— Тогда решил я: дай-ка попробую бесчестно жить, что будет? И взял из кассы денег четыреста двадцать рублей, в том расчете, что за кражу свыше трех сот в окружном суде судят. Хорошо. Взял. Конечно — хватились, управляющий Филипп Карлович, добрейший человек, спрашивает: «Где?» — «Не знаю». А сделано было так, что, кроме меня, подумать не на кого. Вижу: Филипп Карлович весьма смущен и тоскует. Ну, думаю, зачем же мучить хорошего человека? Говорю ему: «Деньги украл я». Не верит, шутишь, кричит. Однако — поверил, доложил барыне, та даже испугалась: «Что с тобой, Степан?» — «Судите», говорю. Рассердилась она, покраснела, рвет пальцами оборку кофты: «Судить, говорит, я не стану, но ты так нахально держишься, что, сам согласись...» Я согласился и ушел от них, уехал в Москву, а деньги возвратил почтой, от чужого имени, не от своего...

Я спросил старика:

— Зачем же вы это сделали? Пострадать захотелось?

Удивленно подняв густые колючие брови, он усмехнулся в бороду и вытряс из нее усмешку ударами чисто вымытой ладони по курчавым волосам бороды.

— Ну, нет,— зачем же мне страдать? — Я — любитель спокойной жизни. Нет,— просто любопытство

одолело меня: почему мне удача? А может, осторожность заставила: испытать хотел -- насколько прочны удачи мои? Вообще же — молодость, хе-х! Играет человек сам собой. Хотя, однако, тут не чистая игра, то есть не одна чистая игра. Необыкновенно жил: в холе и ласке, подобно комнатной собачке. Люди вокруг морщатся, охают, а я — осужден господином богом на спокойную жизнь до конца дней, как видно. Всем людям — разные испытания, а мне — ничего, как будто я не достоин обыкновенного, человеческого. Вот и все, полагаю...

— Н-ну-с, лежу в Москве, в гостинице, в номере, думаю: «Другого бы за рубль под суд отдали, а мне и за четыреста рублей — ничего!» Даже смешно стало: вот она, неудача! «Нет, думаю, погоди, Степан!» Присматриваюсь к людям; гостиница грязненькая, народ в ней темный, картежники, актеры, мятые бабенки. А один выдавал себя за повара, однако оказался, по ремеслу, вором. Завел я с ним знакомство: «Как живете?» — спрашиваю. «Да так, говорит, когда — густо, когда — пусто, когда — нет ничего». Разговорились. «Есть, говорит, у меня в виду одно дельце, но — требуется хороший инструмент, а инструмент дорогой, денег же у меня нету». «Ага, думаю, вот оно!» Спрашиваю его: «Разрушения чужой жизни не будет?» Он даже обиделся: «Что вы,— шипит,— мне своя башка очень дорогая!» Н-ну-с, дал ему денег на инструменты и чтобы, в награду мне, взял он меня с собой на грабеж. Поломался он, поартачился, однако — взял. Занятие его не понравилось мне, как будто ходили мы в гости, а хозяев не застали дома. Отперла нам дверь черномазенькая девица, как видно — знакомая его, он ее сейчас же ловко связал по рукам, по ногам и начал ковырять какой-то шкаф, ковыряет, а сам тихонько посвистывает. Простота. Как пришли, так и ушли, не испытав ни малого беспокойства. Человек этот сейчас же скрылся из Москвы, а я живу один, дурак дураком. «Так? — думаю.— Опять удача?» И смешно мне, и злюсь на всё. В озлоблении на себя и на господина бога, который ведь должен был видеть всё, что я делаю, пошел я в театр, сижу на балконе, а через человека от меня сидит эта черномазенькая девица, смотрит на сцену и слезы платочком отирает. В перерыве комедии подошел я к ней: «Кажется, знакомы?» — говорю. Ну, она, однако, не отвечает. Напомнил я ей кое-что. «Ах, говорит, тише, пожалуйста». Спрашиваю: «От какой печали слезы льете?» — «Принца, говорит, жалко!» — это на сцене принц какой-то извивался. После театра пошла она со мной в трактир, а из трактира увел я ее к себе в номер, и стали мы жить вместе, вроде любовников. Она, принимая меня за настоящего вора, спрашивает: «Дел нету?» — «Дел у меня нет, говорю». «Хорошо, я тебя познакомлю с компанией». Познакомила. Оказалось, что хотя и воры, однако ребята хорошие. Особенно — один, Костя Башмаков, удивительное создание обстоятельств природы, словно ребенок, такая ясная, веселая душа! Очень я подружился с ним. И сознаюсь ему: «Мне, собственно, ничего не надо, я только из любопытства вором стал». А он говорит: «Я тоже от живости души, очень, говорит, много хорошего на земле, и приятно жить. Мне, говорит, иной раз хочется на улице крикнуть: братцы, ловите меня, я есть вор!» Забавная личность, но вскорости, спрыгнув на ходу поезда, сломал он себе руку, а потом приключилась ему чахотка, уехал в степь, кумыс пить. Валандался я с этой компанией,— трое было их,— четырнадцать месяцев, воровали мы по квартирам и в поездах, и ожидал я, что вот завтра случится необыкновенное, страшное, однако все сходило с рук вполне благополучно. Голова компании Михайло Петрович Борохов, очень почтенный человек и приметный умница, однажды говорит: «Это нам с той поры фортуна повезла, как пристал к нам Степан». Опамятовали меня его слова, воротился я от рассеянной жизни к себе самому, задумался: «Что же теперь? Человека убить мне, что ли?» И мыслишка эта воткнулась в сердце занозой, воткнулась, сидит, нарывает. Ночью сяду на койке, суну руки в колени и думаю: «Как же это так, господин бог? Стало быть, вам все равно, как я живу? Ведь вот собираюсь я человека убить, подобного мне, и очень просто могу убить. Как же это?» Молчит господин бог...

Старик глубоко вздохнул и стал намазывать ложкой варенье на хлеб.

— Гордый вы человек,— сказал я.

Снова приподняв тяжелые мохнатые брови, он пристально посмотрел на меня фарфоровыми глазами, теперь они показались мне особенно пусты и жестко светлы.

— Нет, зачем же! — ответил он, заботливо расправляя бороду, чтоб не испачкать ее вареньем.— Человеку гордиться нечем, как я полагаю.

И, аккуратно отправляя в свой волосатый рот маленькие кусочки хлеба, он продолжал все так же, вполголоса, говоря как бы о человеке чужом, мало приятном ему:

— Так-то-с, молчит господин бог. А тут сразу и подсунулся мне соблазнительный случай: залезли мы ночью на дачу, действуем,— вдруг откуда-то,

в темноте сонный голосок: «Дядя, это ты?» Товарищ мой вышмыгнул на балкон, а я присмотрел — вижу: дверь, а за нею кто-то возится. Приоткрыл дверь, а там, в уголку, на кровати лежит мальчонко лет двенадцати и головку руками скребет, длинноволосый такой. И снова спрашивает: «Дядя?» Смотрю я на него, а у меня руки, ноги дрожат, сердце замирает: «Вот, думаю, случай, ну-ко, Степан, ну-ко!» Да вовремя спохватился: «Нет, думаю, на это я не пойду, нет! Может, ты меня, господин бог, всеми удачами к этому греху — к убийству невинного — и заманивал? К этой яме и вел, спокойной-то тропой? Нет, нет...» И так эта догадка осердила меня, что даже не помню, каким ходом я ушел и очутился в лесу.

— Сижу под деревом, рядом со мною товарищ папироску курит, ругается тихонько. Дождик кропит нас, по лесу — звонкий шепот, а перед глазами у меня, в темноте, мальчонко этот полусонный, беззащитный, вполне в моих руках. Минутка и — нет мальчика! Хе-х, думаю...

— Это совсем ошарашило меня, с этим я уж никак не мог согласиться и даже сам себя беззащитным мальчиком чувствую. Вы подумайте-ко пристально: вот вы сидите и не можете знать, что я через минуту начну делать и не знаю этого про вас. Вдруг,— ведь разное приходит в голову,— вдруг — вы меня, а то — я вас... а? Очень соблазняет эта взаимная беззащитность. И — вообще — кто руководит нами? То-то-с...

— Утром пришел я в город и прямо к судебному следователю: «Извольте меня арестовать, ваше благородие, как я есть вор». Оказался он очень хорошим барином, ласковый, худощавый такой, только — глуповат, конечно. «Почему же, спрашивает, сознаетесь вы, с товарищами поссорились, добычу не поделили?» — «У меня, говорю, товарищей не было, работал один». И, сглупив, рассказал ему подробно, вот как вам говорю, всю историю моего недоразумения и как господин бог злобно играл со мной.

Перебив его речь, я спросил:

— Но почему же, Степан Ильич, бог, а не дьявол?

Старик уверенно и спокойно объяснил:

— Дьявола — нету, дьявол — это выдумка хитрого разума, это люди для оправдания гнусности своей выдумали, а также и в пользу бога, чтобы ему ущерба не нанести. Есть только бог и человек — больше ничего. И всё, подобное дьяволу, примерно: Иуда, Каин, царь Иван Грозный — это тоже людские выдумки, это придумано для того ради, чтобы грехи и пакости множеств нагрузить на одно лицо. Уж — поверьте... Хе-х, запутались мы, жулики, и всё выдумываем что-нибудь хуже нас — дьявола и прочее. Плохи, дескать, да — не очень, есть и похуже...

— Так, значит, следователь. Картинки у него на стенах повешены и кругом домашний уют образованного человека. Лицо — доброе. Однако — доброе лицо ничего не значит, под этой вывеской частенько очень дрянным товаром торгуют. Говорю я ему, а над головой у меня кто-то на рояле барабанит, и так неприятно было слышать это легкомыслие. «Хе-х, думаю, господин бог, как это у вас все нехорошо запутано!» Говорил я долго, следователь слушал меня, как старушка попа в церкви, однако — ничего не понял. «Вас, говорит, конечно, надобно судить, но я ручаюсь, что оправдают вас, если вы все мне сказанное и судьям скажете. И впереди, говорит, у вас не тюрьма, а, по-моему, монастырь!» Обидно стало мне. «Ничего, говорю, вы не поняли, и больше разговаривать не желаю». Н-ну, отправил он меня в полицию, а там пристали ко мне сыщики: «Мы, говорят, знаем, что кражи, в которых ты сознался, не одним тобою сделаны, скажи нам — где товарищи? Затем — иди к нам на службу». Я, конечно, отказал им в этом, а они меня бить. Голодом морили. Тут я действительно претерпел несколько. Потом — суд. Суд очень не понравился мне, говорить я с ним не пожелал. Рассердились судьи, закатали меня в тюрьму. Сижу в тюрьме, вокруг меня люди, подобные червям и зверям; выбрали они меня старостой. «Хе-х, думаю, плохо все это, господин бог, очень плохо!» Думаю и вижу: как ты ни живи, человечек, никто, кроме тебя, жизнью не руководит! Ну, о тюрьме, как о бородавке, ничего хорошего не скажешь. Вышел из тюрьмы, поглядел туда, сюда, пошатался по земле, стал работать на чугунном заводе,— бросил. Жарко. К тому же чугун, железо и всякий металл не люблю я — от него исходит вся тяжесть жизни, тяжесть, грязь и всякая ржавчина. Без металлов человек был бы проще, жил легче. Совался я в разные дела, даже сортиры чистил,— признаться, тянуло меня на самую грязную работу. Потом — надумал: «Дай-ко пойду в банщики!» И вот уж семнадцать лет мою людей да стараюсь ничем не тревожить их. В тревогах наших толку мало, нет в них толку, если серьезно поглядеть! Живу без бога. Людей жалко, по причине оброшенности их, и жить мне — скушновато...

Месяца за два до смерти своей Л. Н. Святухин рассказал мне:

— Из всех убийц, которые прошли предо мною за тринадцать лет, только ломовой извозчик Меркулов вызвал у меня чувство страха пред человеком и за человека. Обыкновенно убийца — безнадежно тупое существо, получеловек, не способный отдать себе отчет в преступлении, или — хитренький пакостник, визгливая лисица, попавшая в капкан, или же — задерганный неудачами, отчаявшийся, озлобленный человечишко. Но, когда предо мною встал Меркулов, я тотчас почувствовал что-то особенно жуткое и необычное.

Святухин закрыл глаза, вспоминая:

— Большой, широкоплечий мужик лет сорока пяти, худощавое благообразное лицо,— такие лица называют иконописными. Длинная седая борода, курчавые волосы тоже седые, с висков — лысые взлизы, а посредине лба торчит рогом эдакий задорный вихор, и, несоответственно, противоречиво вихру, из глубоких глазниц мягко и жалостливо смотрят на меня умные серые глаза.

Тяжело выдохнув трупный запах — следователь умирал от рака желудка,— Святухин нервно сморщил измученное, землистое лицо.

— Меня особенно смутило именно это выражение жалости в его взгляде,— откуда оно? И мое равнодушие чиновника исчезло, уступив место очень беспокойному любопытству, новому и неприятному для меня.

— На вопросы мои он отвечал глуховатым голосом человека, который не привык или не любит говорить много; ответы его были кратки, точны, было ясно, что Меркулов готов дать откровенное показание. Я сказал ему слова, которых не сказал бы другому подследственному: «Хорошее лицо у вас, Меркулов, не похожи вы на человекоубийцу».

— Тогда он, точно гость, взял стул, особенно крепко сел на него, уперся ладонями в колени и сразу заговорил, точно — глупое сравнение — на волынке заиграл, у волынки есть такая большая глуховатая дудка, как фагот: «Ты думаешь, барин, если я убил, так я — зверь? Нет, я не зверь, и если ты почуял это, так я тебе расскажу судьбу мою».

— И — рассказал спокойно, обреченно, так, как убийцы не говорят о себе,— не оправдываясь, не пытаясь разжалобить.

Следователь говорил очень медленно и невнятно, его шершавые губы, покрытые серой какой-то чешуей, шевелились с трудом, он часто облизывал их темным языком, закрывая глаза.

— Мне хочется вспомнить его подлинные слова. В них была особенная значительность. Слова поражающие... Этот его жалостливый взгляд на меня тоже подавлял. Поймите: не жалобный, а — жалостливый. Он — меня жалел. Хотя я тогда был еще здоров...

— Первый раз он убил при таких условиях: осенью, вечером вез с пристани сахарный песок в мешках и заметил, что сзади воза идет человек, распорол мешок, черпает сахар горстью и ссыпает его в карманы себе, за пазуху, Меркулов бросился на него, ударил по виску — человек упал. «Ну, я его еще ногой пнул и поправляю распоротый мешок, а человек этот под ногами у меня, лежит вверх лицом, глаза вытаращены, рот раскрыт. Стало мне страшно, присел на корточки, взял его за голову, а она, тяжеленная, как гиря, перекатывается у меня с ладони на ладонь, и глаза его будто подмигивают, а из носу кровь течет, руки мои мажет. Вскочил я, кричу: «Батюшки, убил!»

— Отправили Меркулова в полицию, потом — в тюрьму. «Сижу я в тюрьме, вокруг — люди преступные, а я будто сквозь туман все вижу и ничего не понимаю, страшно мне, не спится, и хлеб есть не могу, все думаю: «Как же это? Шел человек по улице, стукнул я его, и — нет человека! Что ж это такое? Душа-то где? Ведь — не баран, не теленок; он в бога верует, поди-ка, и хоть, может, характер у него другой, а ведь он таков же, как я. А я вот переломил его жизнь, убил, как скота, все равно. Ведь эдак-то и меня могут,— стукнут и — пропал я!» От этих мыслей так страшно было мне, барин, что ночами слышал я, как волосы на голове растут».

— Рассказывая, Меркулов очень пристально смотрел на меня, но, хотя его светлые глаза были неподвижны, мне казалось, что я вижу в сероватых зрачках его мерцание ночного страха. Руки он сложил ладонями вместе, сунул их между колен и крепко сжал. Наказали его за нечаянное убийство легко, зачли предварительное заключение и отправили на покаяние в монастырь.— «Там,— рассказывал Меркулов,— приставили ко мне старичка монаха, для научения моего, как надо жить; ласковый такой старичок, и о боге говорил он как нельзя лучше. Хороший. Вроде отца мне был, все — сын мой, сын мой. Слушаю я его, да нет-нет и спрошу: «Ладно, бог! А почему же человек настолько непрочен? Вот, говорю, ты, отец Павел, бога любишь, и он тебя, наверно, любит, а я вот ударю тебя и убью, как муху. Куда же ласковая твоя душа тогда денется? Да и не в твоей душе задача, а в моей злой мысли: могу я тебя убить каждую минуту. Да и мысль моя, говорю, вовсе не злая, я даже очень ласково могу тебя убить, даже помолюсь сначала, а после — убью! Вот ты мне что объясни». Ну, он не мог объяснить этого; он все свое говорил: «Это в тебе дьявол зверя будит! Он тебя тревожит». Я говорю: «Мне все едино, кто тревожит, а ты научи, как мне быть, чтобы не тревожило? Я, говорю, не зверь, ничего звериного нет во мне, а только душа моя за себя испугалась».— «Молись, говорит, до изнурения!» Я — молюсь, иссох даже, виски седеть начали, а мне в ту пору было двадцать восемь лет сроку жизни. Молитва страха моего не может избыть, я, и молясь, думаю: «Как же это, господи? Вот — я могу в минуту любого человека смерти предать и меня любой человек может убить, когда захочется. Усну, а меня кто-нибудь шаркнет ножиком по горлу, а то кирпичом, обухом по голове. Гирей. Да — мало ли как!». От мыслей этих спать не могу, боюсь. Спал я вначале с послушниками, ночью пошевелится который из них,— я вскочу и — орать: «Кто возится? Лежите смирно, так вашу мать!» Все меня боятся, и я всех боюсь. Пожаловались на меня, тогда отправили меня в конюшню, там, с лошадями, стало мне спокойнее, лошадь — скот бездушный. Ну, все-таки спал я вполглаза. Боязно».

— Отбыв эпитимью, Меркулов снова взялся за работу извозчика, жил он на огородах, за городом, жил трезво, сосредоточенно. «Как во сне живу,— говорил он.— Все молчу, людей сторонюсь. Извозчики спрашивают: «Ты что, Василий, угрюмо живешь, али в монастырь собираешься?» Что мне монастырь? И в монастыре — люди, а где люди, там и страх. Гляжу я на всех, думаю: «Сохрани вас господь! Непрочна ваша жизнь, нет вам от меня защиты, и мне от вас защиты тоже нет». Сообрази, барин, каково было мне жить с этакой тягой на душе?»

Вздохнув, Святухин поправил черную шелковую шапочку на голом черепе, матовом, точно старая, трухлявая кость.

— Вот тут, при этих словах, Меркулов усмехнулся, неожиданная неуместная усмешка так перекривила, исказила его благообразное лицо, что я тотчас поверил: конечно, он — зверь. И, наверное, убивал людей вот именно с этой улыбкой. Мне стало нехорошо. А он продолжает и уже как будто с досадой: «Хожу я между людей, вроде курицы с яйцом, а яйцо-то гнилое, и я про это знаю. Вот-вот лопнет оно в нутре моем — что тогда будет со мной? Не знаю что, не могу придумать, а понятно мне: очень страшно должно быть».

— Я спросил его: думал ли он о самоубийстве? Помолчав, шевеля бровями, он сказал: «Не помню, будто — ни разу не думал». И тоже спросил, очень удивленно, кажется — искренно: «Как я не вспомнил про это? Дивное дело...» Хлопнул ладонью по колену, взглянул куда-то в угол, бормочет, как бы обиженно: «Ишь ты... Значит — не хотел я душе волю дать. Уж очень мучило меня любопытство ее к людям, трусость ее обидная. Забыл себя-то. А она — примеривается: ежели вот этого убить,— что будет? Да, примеривается все...»

— Через два года Меркулов убил полуумную девицу Матрешу, дочь огородника. Он рассказал мне об этом убийстве неясно, видимо, сам не мог понять мотивов убийства. По его словам выходило, что Матреша была блаженная: «Находило на нее затмение разума: вдруг бросит копать гряды или полоть и куда-то идет, разинув глаза, усмехаясь, будто кто невидимо поманил ее за собою. Натыкается на деревья, заборы, на стены, словно сквозь хочет пройти. Однажды наступила на железные грабли, пронзила ногу, кровь из ноги течет, а она шагает, ничего не чувствуя, не сморщилась даже. Была она девица некрасивая, толстая, а — распутна по глупости своей, сама к мужикам приставала, а они, конечно, пользовались глупостью ее. Ко мне тоже приставала, ну, мне было не до того. Соблазняло меня в ней то, что ничего с ней не делается: в яму ли свалится, с крыши ли упадет — ей все нипочем. Другой бы руку вывихнул, сломал себе какую-нибудь кость, а она — ничего. Как будто не по земле ходит. Конечно, в синяках, в ссадинах вся, а — прочности необыкновенной. Было похоже, что живет полудурья эта в твердой охране. Убил я ее при людях, в воскресенье, сидел я на лавочке у ворот, а она начала заигрывать со мной нехорошо, тут я ее — поленом. Свалилась. Гляжу — мертвая. Сел на землю около нее и даже заплакал: «Что это, господи? Какая слабость, какая беззащитность!»

— Он долго, тяжелыми словами и как в бреду, говорил о беззащитности человека, и в глазах его разгорелся угрюмый страх. Сухое лицо аскета потемнело, когда он сказал мне сквозь зубы: «Ты подумай, барин, ведь вот я в эту минуту самую вдруг могу тебя убить, а? Подумай-ко? Кто мне запретит? Где запрет нам? Ведь нет запрета нигде, ни в чем нет...»

— Наказали его за убийство девицы тремя годами тюрьмы, он объяснил легкость наказания хорошей защитой, но защитника своего угрюмо осудил: «Молодой такой лохматый крикун. Кричал все: «Кто может сказать худое про этого человека? Никто из свидетелей ни слова не сказал. А убитая была безумна и распутна». Защитники эти — баловство. Ты меня до греха защити, а когда я грех сделал, убил,— защита мне ненадобна. Держи меня, покамест

я стою, а коли побежал — не догонишь! Побежал, так уж буду бежать, покуда не свалюсь, да... Тюрьма — тоже баловство, безделье. Распутство. Из тюрьмы вышел я, как сонный,— ничего не понимаю. Идут люди, едут, работают, строят дома, а я одно думаю: «Любого могу убить, и меня любой убить может». Боязно мне. И будто руки у меня все растут, растут, совсем чужие мне руки. Начал пить вино — не могу, тошнит. Выпимши — плачу, уйду куда потемнее и плачу: не человек я, а помешанный, и жизни мне — нет. Пью — не пьян, а трезвый — хуже пьяного. Рычать начал, рычу на всех, отпугиваю людей, боюсь их. Все кажется мне: я — его или он — меня? И хожу по земле, как муха по стеклу, лопнет стекло, и провалюсь я, полечу неизвестно куда.

— Хозяина, Ивана Кирилыча, убил я тоже по этой причине, из любопытства. Был он человек веселый, добрый человек. И необыкновенной смелости. Когда у соседей его пожар был, так он, как бессмертный, действовал, полез прямо в огонь, няньку вывел, потом опять полез, за сундучком ее,— плакала нянька о сундучке своем. Счастливый человек был Иван Кирилыч, упокой его господи! Мучить я его, действительно, мучил. Тех двух — сразу, а этого маленько помучил: хотелось понять, как он: испугается али нет? Ну, он был слабый телом и скоро задохся. Прибежали люди на крик его, бить меня, вязать. Я говорю им: «Вы мне не руки, вы душу мне связали бы, дураки...»

— Кончив рассказывать, Меркулов вытер ладонью вспотевшее лицо и посетовал спокойно: «Вы меня, ваше благородие, судите строго, на смерть судите, а то — что же? Я с людями и в каторге жить не могу, обиделся я на душу мою, постыла она мне, и — боязно мне, опять я начну пытать ее, а люди от того пострадают... Вы меня, барин, уничтожьте...»

Мигнув умирающими глазами, следователь сказал:

— Он сам уничтожил себя, удавился. Как-то необычно, на кандалах, черт его знает как! Я не видал, мне рассказывал товарищ прокурора: «Большая, сказал, сила воли нужна была, чтоб убить себя так мучительно и неудобно». Так и сказал — неудобно.

Потом, закрыв глаза, Святухин пробормотал:

— Вероятно, это я внушил Меркулову мысль о самоубийстве... Вот, батенька, простой русский мужик, а — изволите видеть? Да-с...

1923

ЗАКОННИК

Мокрым утром марта в 17 году ко мне пришел аккуратненький человечек лет сорока, туго застегнутый в поношенный, но чистый пиджачок. Сел на стул, вытер платком лицо и, отдуваясь, сказал не без упрека:

— Высоконько изволите жить, для свободного народа затруднительно лазить на пятый этаж!

Ручки у него маленькие и темные, как птичьи лапы, стеклянные глазки строги, в них светится что-то упрямое, недоверчивое. На желтом костистом лице острый и желтый, точно у грача, нос. Осторожно внюхиваясь, человечек осмотрел меня, полки книг и спросил:

— Действительно — господин Пешехонов будете?

— Нет, я Пешков.

— А это не одно то же самое?

— Не совсем.

Он вздохнул и, еще раз осмотрев меня, согласился:

— И непохоже: у того — бородка. Значит: я попал в недоразумение.

Сокрушенно покачал головою:

— Эдакие путаные дни!

Я сообщил ему, что, вероятно, он найдет А. В. Пешехонова по Каменноостровскому, в кинематографе «Элит», где организуется Комиссариат Петроградской стороны.

— У вас какое дело к нему, можно спросить?

Человек сначала независимо и громко высморкался, потом, взяв со стола книгу, посмотрел на корешок ее и наконец ответил:

— По обязанности свободного гражданина хочу предложить для расклейки на заборах небольшой закончик...

Чувствуя нечто курьезное, я осведомился: какой именно?

— А — вот-с!

Сунув руку за пазуху, он вынул и подал мне лист бумаги, сложенный вчетверо; крупными буквами, тщательно на бумаге было изображено:

«Обязательные постановления

Настоящие постановления имеют цель в виду всеобщего возмущения строжайше охранять свободу для чего

Немедленно:

Пункт 1. Арестовать всех лиц которые обсуждают события и свободу скопцычески. Продолжая жить по старому обычаю как господа.

Пункт 2. А именно: одну жену содержателя публичного дома: в Новой Деревне в доме Иакова Федорова Анну Погосову по прозвищу Варнашку.

Пункт 3 и примечание. Означенная Варнашка злобно фыркает на его Благородие господина гражданина Пешехонова за неимение у него знака власти и штатский вид а так же по причине законного отказа ей присвоить чужие бочки, хотя они даже бы и пустые.

Пункт 4 и продолжения примечания. А так же порицает бородку и вообще наружность. И говорила: что Свобода как Невинная Девушка стоит дорого. Ее нельзя хватать каждому.

Пункт 5. А посему: ее в первую очередь не взирая на отговорки.

Верно. Составитель закона

Иаков Федоров».

Прочитав закон, я попросил законодателя разрешить мне снять копию с его труда.

Прищурясь, он осведомился:

— Для какого намерения?

— На память!

Он бережно свернул лист, говоря:

— А вы, когда его расклеют, с заборчика сдерите.

Но я стал упрашивать его, и, подумав, он милостиво дал мне бумагу.

Пока я писал, он, принюхиваясь, рассматривал титулы книг на столе, вздыхал, покачивая головою, и ворчал:

— Многие теперь запрещены будут книги. Тоже закончик надо. Обязательно.

Кончив переписывать, я спросил его:

— Так, по-вашему, надо арестовать всех людей...

— Обязательно, которые скопцычески...

— Вы хотите сказать — скептически?

Но он строго поправил меня:

— Скопцы, значит — скопцычески. Исковеркавши слово, правду не скроешь. Скопцы — это которые не признают меня членом жизни.

Видя, что с ним трудно говорить, я спросил: чем он занимается?

— А — вот-с!

И человек угрожающе потряс в воздухе законом.

— А до законодательства — чем?

Он встал со стула, оправил пиджачок и сказал:

— Думал.

Потом, выпрямясь, недоверчиво проговорил:

— Значит — господин Пешехонов не одно то самое, что господин Горький? Писатель?

— Нет, не одно...

— Очень затруднительно понять это,— сказал он, вдумчиво прищурясь.— Как будто бы два лица, а выходит — три! Если же считать — трое, то будет два. Разве нарушение закона арифметики не запрещено властями?

— Властей еще нет...

— Н-да... Так! И — с точки зрения устава о паспортах — по двум паспортам жить не разрешается. Закон!

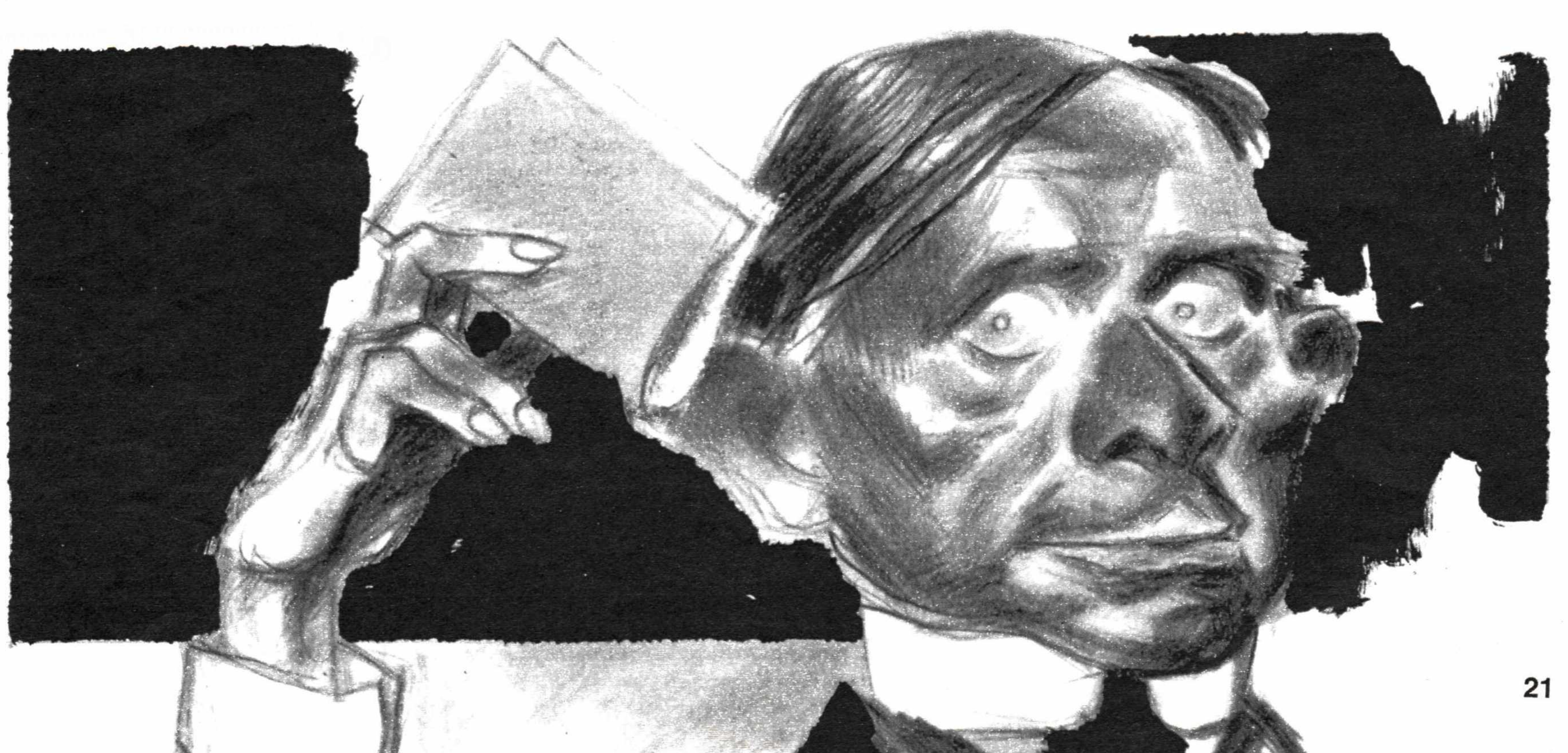
Неодобрительно кивнув головою, он пошел к двери, но по пути запнулся за что-то и, обернувшись, сказал:

— Извиняюсь, попал в недоразумение. Омрачен думами, хотя голова у меня светлая, как известно. Такое, знаете, время...

За дверью, набивая на ноги галоши, он ворчал:

— Тут сам Бисмарк... Не то — двое... не то — трое...

1923

БУХАРИН, СТАЛИН И «МАНАС»

Семен ЛИПКИН

В середине тридцатых годов Гослитиздат учинил закрытый конкурс на лучший перевод главы из киргизского эпоса «Манас».

Соискателей (у каждого свой девиз, у меня — «тулпар», крылатый конь) было много, человек двадцать, среди них — именитые: Сергей Клычков, Василий Казин, Георгий Шенгели. Победителей оказалось трое: Лев Пеньковский, Марк Тарловский и я, самый молодой (мне было двадцать три года). Нам и поручили перевести центральный эпизод «Манаса», названный кодификаторами «Великим походом» («Чон казат»), объемом в тридцать тысяч строк.

До узаконения сталинской конституции Киргизия была не союзной, а автономной республикой, входившей в состав Российской Федерации. Во главе ее стоял не ЦК, а обком. Первым секретарем обкома был Белоцкий, которого обожала зарождающаяся киргизская интеллигенция. Он хорошо ее понимал, сочувствовал ей, с преданными слугами был мягок, не хамил, много уделял внимания вопросам культуры, увлеченно занимался созданием национальной оперы, драматического театра, филармонии, филиалом Академии наук и «Манасом». Видно было, что такая деятельность отвечала его душевным потребностям. Беседуя с поэтами, художниками, музыкантами, актерами, учеными, этот свирепый прокуратор отдыхал от кровавых расправ с недавними простодушными кочевниками-скотоводами, упрямо и наивно не желавшими понять необходимость коллективизации сельского хозяйства, разграбление их табунов, отар и стад.

Наиболее приближенными к Белоцкому были председатель Совнаркома Исакеев, секретарь обкома Торекул Айтматов (по сельскому хозяйству), отец знаменитого ныне писателя. Оба они в числе других погибли в 1937 году.

Стараниями Белоцкого в Москве, в Союзе писателей, был устроен вечер, посвященный «Манасу», а заодно и современной поэзии и музыке киргизов. Тогда на такого рода вечера — они были в новинку — приходили и видные, влиятельные московские писатели. Художественная мощь восточного эпоса кочевников удивила литературную публику. Мы, три переводчика, имели большой успех. Нас поздравили Асеев, Фадеев, Твардовский, молодой, приехавший из Смоленска, заинтересовавшиеся народной поэмой. Думаю (по крайней мере надеюсь), что нам в переводе удалось воспроизвести главное — тон, музыку древней поэмы. Большая заслуга в этом принадлежит Льву Пеньковскому, он стал первопроходцем, а Марк Тарловский и я, каждый посвоему, каждый со своими решениями, пошли по проложенному им пути.

Русский «Манас» рос, хотя и не сказочно, не по дням и часам, а все же за месяцем месяц.

Мы не знали, что из Киргизии некоторые местные ортодоксы атаковали издательство письмами, в которых грозно предупреждали, что «Манас» — создание байско-феодальной верхушки, орудие буржуазных националистов, и разоблаченных, и притаившихся. Киргизское руководство, конечно, знало об этих письмах и, как часто бывает в таких случаях, хотело, чтобы всю ответственность взяла на себя Москва, московское издательство. А издательство ждало решающего указания от киргизского руководства. В конце концов издательские хитрецы решили, чтобы поэты отправились в Киргизию, постарались очаровать фрунзенское начальство своей почти готовой работой. Ведь инициатива издания эпоса принадлежит киргизам, московское издательство пошло навстречу их просьбе, что же они там затеяли волынку? Было задумано так, что представитель издательства — штатный редактор — во Фрунзе не поедет, поедут только беспартийные поэты, свободные художники: мол, дело не в политике, в республике должны решить, насколько красиво и близко к подлиннику сделан перевод.

Марк Тарловский и я отправились в семидневное путешествие поездом Москва — Алма-Ата. Прямого поезда до Фрунзе тогда не было, недалеко от киргизской столицы наши вагоны отцеплялись от состава и прицеплялись к рабочему поезду, шедшему до Фрунзе от небольшой узловой станции. Не помню, почему с нами не мог поехать Лев Пеньковский.

Нас отвезли на дачу киргизского Совнаркома — километрах в сорока от столицы.

Дача Совнаркома располагалась посреди густого обширного сада, богатого яблонями. Я никогда не видел так много больших яблок, они, как фонари, светились в полдневной зеленой тьме. Белое одноэтажное здание было предназначено для сравнительно важных командированных и для отдыхающих второстепенных аппаратчиков местной номенклатуры. В царстве зелени белело и другое здание — столовая и кухня. А за воротами взбирались к предгорьям одноэтажные домики, в которых летом и ранней осенью жили руководители республики со своими семьями. Один или два домика обычно пустовали — их построили для московского высшего начальства на случай его приезда. Я не заметил, чтобы домики правящих охранялись: только у въезда на дачу был милицейский пост.

Нас вдвоем поселили в большой светлой комнате, в окно которой заглядывал тополь. Не помню, сколько таких комнат выходило в коридор. Была еще и бильярдная, в которой вечером собирались обитатели дачи и домиков — играющие и болельщики. Других развлечений не было. Теперь все это перестроено, воздвигнуты роскошные корпуса, великолепные персональные дачи, здания для правительственных приемов.

Официантками в столовой служили семиреченские украинки и русские, все, как на подбор, молодые, крепкие, грудастые, круглобедрые.

На следующее утро, когда мы, возвратясь после завтрака из столовой, разложили свои манускрипты, в дверь постучались. Вошедший сказал:

— Прошу простить меня, кажется, я вам помешал. Узнал, что здесь москвичи-литераторы, пришел познакомиться с земляками. Позвольте представиться: Николай Иванович Бухарин.

Можно ли сейчас, в нынешние времена, вообразить, чтобы редактор «Известий», второй по важности газеты государства, кандидат в члены ЦК, пришел первым знакомиться с двумя рядовыми литераторами. Да и редактор-то какой — всему миру известный Бухарин!

Внешность Бухарина меня поразила: я не ожидал, что он такой русский. Да, это был с виду русский рабочий, таких я видел среди типографов, темный блондин с любопытствующим носом, широкоплечий, не очень высокий, рано полысевший. О таких говорят: «бог лба прибавил». И речь у него была вкусная, ярко-русская. До Бухарина я видел близко трех большевистских лидеров: Ларина, Стеклова и Каменева. Я имел возможность убедиться в том, что Бухарин резко отличался от своих соратников, мне знакомых. Он разговаривал живописно, свободно, весело и совсем некнижно. Как выяснилось, он приехал на недельку отдохнуть, поохотиться в киргизских горах. Его сопровождал секретарь-известинец Семен Ляндрес, отец популярного ныне литератора Юлиана Семенова. Мы поняли, что накануне вся республиканская верхушка встречала Бухарина, поэтому было некому принять нас в обкоме. Поселили Бухарина и Ляндреса в отдельном домике.

Визит Бухарина взволновал нас. Марк Тарловский и я вспоминали всевозможные события его политической жизни (частной его жизни мы не знали), высказывания о нем Ленина и Сталина, чьи-то стихи о комсомолке: «У нее заместо юбки пятый том Бухарина». Мы оба сочувствовали его экономическим взглядам, но опасались друг другу в этом признаться, говорили с осторожностью.

Вечером к нам снова постучался Бухарин:

— А не пройтись ли нам, милостивые государи, перед ужином по этому парадизу, подышать благорастворенной прохладой?

Предложение лестное. Мы вышли в сад, сели на скамью под чинарой, видевшей, может быть, вступление русских войск в эти края. Тишина раннего азиатского вечера, только светятся лампа на столбе, и мусульманский полумесяц в тяжелом, черном небе, и, кажется, еще выше — снежные вершины гор, старейшины каменных племен. Бухарин продекламировал что-то полатыни. Тарловский подхватил, продолжил. Потом он мне сказал, что то были строки из «Метаморфоз» Овидия.

— Похвально, что молодые наши поэты знают Овидия в подлиннике,— одобрил Бухарин.

Узнав о причине нашего приезда в Киргизию, Бухарин сказал:

— Давайте, отужинав, устроим поэтический вечер. Подумать только, «Илиада» кочевников! У Маркса есть примечательная мысль о том, что не всякая мифология может стать основой истинного, большого искусства. Например, мифология египетская ничего бы не дала грекам. Интересно было бы узнать, какова мифология киргизов?

Я что-то начал рассказывать о Кайипе — мифологическом покровителе парнокопытных, о камушке джай, извлекаемом из желудка овцы и обладающем волшебным свойством с помощью заговорных слов изменять погоду и времена года.

Мы дошли до столовой. У дверей уже собралось начальство, киргизы и русские, ожидая Бухарина. Все удивились, особенно Белоцкий, единственный, которого мы знали, когда нас представил Бухарин, и возникла неловкость, когда нас пригласили в отдельную комнату,— обычное наше место было в общем зале.

Не помню, о чем шла беседа за ужином. Разговаривали главным образом Бухарин и Белоцкий, остальные помалкивали. Киргизы заулыбались, узнав, что мы будем читать перевод «Манаса». Чтение решили устроить в бильярдной, видно, другого подходящего помещения не нашлось.

Уселись вокруг зеленого стола. Первым, по старшинству, как принято на Востоке, читал Тарловский, потом я. Слушали внимательно, а киргизы — прошу меня простить — даже восторженно. Когда я прочел:

Ночью — девушка, днем — кумыс,—
Так проводит время киргиз,
Скачет по луговой траве
С куньей шапкой на голове.—

предсовнаркома Исакеев, прервав

меня, радостно продекламировал эти строки по-киргизски, и все рассмеялись. Видимо, их забавляло и удивляло, что по-русски получается в стихах то же самое, что и на киргизском языке. Только рифма в подлиннике была другая: кыргыз — кыз (девушка).

Когда чтение кончилось, заговорил Бухарин: он понимал, что все ждут его слова. Он высоко оценил киргизский эпос, назвав его великим памятником изустной поэзии (киргизы были счастливы), одобрил и нашу переводческую работу, сказал, обращаясь к Ляндресу, что по возвращении в Москву надо будет в «Известиях» дать целую полосу, посвященную «Манасу» (что было исполнено).

— Одно место мне показалось странным,— сказал Бухарин.— Может быть, переводчик напутал? Киргизский воин удивляется тому, как пляшет китаец, его товарищ по разведке. Получается так, что разведчика поражает не красота китайского танца, а то, что человек вообще способен плясать. Неужели киргизы не знали искусства танца?

— Не знали,— ответил Белоцкий.— Так утверждают специалисты. Мы только сейчас начали в республике развивать это искусство.

— Трудно поверить,— возразил Бухарин.— У каждого народа есть танцы, связанные с религиозным культом, этнографические, наконец. Не думаю, что киргизы так обделены судьбой.

— Товарищ Белоцкий не совсем прав,— осмелел Исакеев, поправляя хозяина.— Когда табунщик с помощью укрука ловит неука из табуна, он поет и приплясывает.

— А сейчас так пляшут? Жаль, что не увидим,— огорчился широкоплечий русак, недавний любимец партии. Исакеев встал с места:

— Почему не увидите? Сейчас увидите и услышите.

Он направился к дверям бильярдной, вытянул руку, как будто держит жердь с петлею на конце, и запел протяжно, одноголосо. То был пастуший зов из далеких огузских времен. Потом, изображая, будто ловит неука, маленький, но складный Исакеев, не переставая петь, приплясывал, то приближаясь к бильярдному борту, то плавно, изящно от него отступая.

Бухарин зааплодировал. Самый молодой из начальников, вожак республиканского комсомола предложил продолжить чтение. Бухарин сказал:

— Уже поздно, а нам завтра рано выезжать. Да и устали мы. Стихи чудесные, но и лошадь околеет, если ее кормить одними сластями.

...Через год его арестовали.

То ли одобрение Бухарина, то ли и впрямь наш перевод, то ли, вернее всего, надежная информация сверху, из Москвы, а вышло так, что уехали мы с письмом издательству, подписанным Белоцким, о необходимости быстрейшего издания «Манаса» и о том, что перевод одобряется. Однако дело двигалось обидно медленно. Работники издательства объясняли это тем, что издание задумано богатое, подарочное (кстати, оформление получилось безвкусное), надо терпеливо ждать.

А до «Манаса» ли было в стране шумных театральных процессов, постановщиками которых были заплечных дел мастера, в стране массовых арестов и расстрелов? Оказалось, что и вожди Октябрьской революции, и ее полководцы — герои гражданской войны — агенты иностранных разведок, жалованья им не хватало, вот и стали они шпионами на службе у Германии, Японии, Англии, Франции, Турции.

За связь с Бухариным арестовали и Семена Ляндреса, он выжил, просидев в концлагере восемнадцать лет. Когда он освободился, мы встретились, вспомнили Киргизию. В лагере ему перебили позвоночник...

Дружба народов между тем развивалась. Киргизия стала союзной республикой. Была образована Коммунистическая партия Киргизии, возглавляемая собственным центральным комитетом. В издательстве решили, что «Манас» нуждается в одобрении республиканского ЦК, прежнее одобрение утратило силу, поскольку Белоцкий, разоблаченный как враг народа, был арестован. Та же участь постигла его ближайших сотрудников. Между прочим, крестьянский писатель Петр Замойский, автор «Лаптей», просидевший недолгое время в московской тюрьме, встретив меня на улице, сказал:

— Тебе привет от моего сокамерника.

— Кто это?

— Исакеев.

— Что с ним стало?

— Думаю, в раю гурия его утешает...

Издательство решило командировать в Киргизию редактора Евгения Мозолькова и меня. В одном из наших чемоданов были текст тридцати тысяч строк перевода, образцы иллюстраций, заставок, концовок и красный макет тяжелого, необъятных размеров переплета.

Поехали мы осенью, в середине октября. Не помню, кто нас встречал и отвез на дачу, но хорошо помню, что по дороге мы узнали об аресте Аалы Токомбаева, основоположника киргизской советской поэзии и одного из трех составителей сводного варианта эпоса. К счастью, он просидел по тем временам недолго, около двух лет.

Он мне рассказывал, когда вышел на волю, что тюрьма была битком набита колхозниками, неграмотными, не понимающими по-русски чабанами, не понимающими, чего от них хотят. Их взяли потому, что они состояли в родстве с арестованными руководителями республиканского и районного масштаба. А в Киргизии родовые связи сильны и поныне, каждый киргиз знает, к какому роду он принадлежит. Следователи принуждали чабанов, хлопкоробов, свекловодов признаться в том, что они троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, их били, и они признавались, не понимая, что означают эти слова. У Токомбаева были две рубахи, черная и белая, да еще иглу ему удалось припрятать, он разодрал черную рубаху на нитки, с помощью которых вышивал на белой рубахе стихи, в которых славил Сталина, внушал колхозникам надежду, что великий отец освободит их и сурово накажет тюремщиков. За эти стихи его били конвойные.

Мне кажется, что, останавливаясь на этом эпизоде, я продолжаю тему «Манаса».

На даче — или так мне чудилось — все было полно тревогой. Она мерещилась мне в глазах милиционеров, садовников, праздных шоферов, официанток, собак, и только яблони молча, но торжественно и победно справляли праздник своей осенней зрелости. Шоферы и поневоле бездействующие охранники с утра до обеда гоняли шары в бильярдной или забивали козла на садовой скамье. Их было меньше, чем официанток, не потому ли после ужина официантки подходили к нашим окнам, пели украинские песни, со значением хохотали.

К нам никто не приезжал, никто нас не вызывал, о нас, видимо, забыли. Книг не было. В сторожке милиционеров, как выяснилось, накопилось большое количество газет, русских и киргизских. В одной из них мы прочли примерно следующее:

«Презренный холуй Исакеев, унижая свое партийное и национальное достоинство, как угодливый раб перед пьяным и сытым бай-манапом, танцевал и пел перед Бухариным за куски жирного бешбармака с барского стола».

Вот как откликнулся этнографический экскурс председателя Совнаркома, удовлетворявшего любознательность Бухарина. Я привел пассаж из выступления комсомольского вожака, того самого, который за два года до этого присутствовал на чтении перевода «Манаса» в бильярдной. Но и ему ничего не помогло, и его арестовали, превратили в лагерную пыль.

Непонятную жизнь вели все эти дни на правительственной даче переводчик и редактор национального эпоса. В город мы не могли попасть из-за отсутствия транспорта. Под снежными вершинами Алатоо было тихо, пусто и грозно. В столовую, кроме нас, и то лишь к завтраку, иногда заходил один военный — и весьма важный, с ромбом. Он был немолод, у него было открытое, загорелое, солдатское лицо. Нам сказали, что он военный комиссар республики, зовут его Иван Васильевич Панфилов. Он, кажется, был единственным из крупного руководства, оставшимся на свободе. Только его домик светился по вечерам в густой среднеазиатской темноте. Это был тот самый генерал Панфилов, который через несколько лет во время войны прославился как отважный командир 316-й стрелковой дивизии. Он погиб в бою так же, как и те панфиловцы, о которых созданы легенды.

В столовой Иван Васильевич с нами здоровался, усмехаясь, а один раз заговорил: «Творите? Ну и творите». Мы понимали, каким бессмысленным казалось этому боевому солдату наше пребывание на правительственной даче в такое страшное время.

Официантки и шоферы, единственные наши собеседницы и собеседники, потрясенные участью своих недавних господ, но и ликовавшие ликованием вольноотпущенников, рассказывали нам подробности. Не знаю, насколько они достоверны. Запомнилось: жена Белоцкого, тоже, как и муж, заслуженная коммунистка, сама русская, устроила в бюро пропусков НКВД скандал из-за ареста мужа. Ее тут же взяли. Умно и ловко, по мнению слуг, поступила жена Айтматова. Взяв двух маленьких детей, мальчика и девочку, с хозяйственной сумкой в руках, она села в рабочий поезд и уехала неизвестно куда. Если даже все это было не совсем так, то бесспорно, что эта женщина (я ее раньше видел — красавица) спасла для советской литературы одного из самых одаренных ее мастеров.

Настал теплый, зелено-золотой ноябрь. Ко мне постучался милиционер и протянул мне плотный конверт. Признаться, у меня засосало под ложечкой. В конверте оказалось два пропуска: Мозолькова и меня приглашали 7 ноября на правительственную трибуну. Господи, сколь прекрасен твой мир!

Как, однако, мы доберемся до города? Машины нет, а наши новые друзья — шоферы без машин ничего не стоят. Один из них посоветовал нам обратиться к Панфилову. Иван Васильевич посмотрел на нас внимательно, мне даже почудилось, что он нам подмигнул, и обещал взять с собою.

Мы выехали праздничным ранним утром. По дороге Панфилов расспрашивал нас о нашей работе, вздыхал, качал головой в командирской фуражке. Спина шофера была угрюмой, казалось, что он не верит в благополучную судьбу своего хозяина.

Правительственная трибуна представляла собой балкон, протянувшийся почти во всю длину здания киргизского ЦК. Первым секретарем ЦК, недавно назначенным на эту должность, был Максим Кирович Аммосов, якут, член партии с 1917 года. Рядом с ним стояли новые руководители республики, как и он, нам незнакомые. Панфилов выбрал себе место на самом краю балкона. Мы примостились к своему покровителю.

Внизу проходили стройные радостные ряды, вздымая знамена, портреты Ленина и Сталина, портретики членов Политбюро. Трудящихся приветствовали с балкона то маханием рук, то лозунгами. И вдруг мы услышали, остолбенев:

— Да здравствует победа фашизма во всем мире!

Это выкрикнул Аммосов, и тут же его жесткие, прямые, слегка посеребренные волосы поднялись. Он опомнился, исправил ошибку, а слова его дрожали:

— Под гениальным руководством великого Сталина — вперед к победе коммунизма во всем мире!

— Что теперь с ним сделают? — тихо спросил Мозольков у Панфилова. Тот так же тихо ответил:

— Уже сделали. За ним еще рано утром пришли, поджидают в его кабинете. Дали на часок-другой отсрочку, надо же кому-то приветствовать участников демонстрации. А заберут всех. Он ошибся, потому что голову потерял. Страшно ему.

Через несколько дней мы прочли в газете, что Аммосов и все бюро киргизского ЦК — враги народа.

Нам пришлось вернуться в Москву без руководящего указания. Да и кто мог бы нам его дать? В издательстве решили рукопись русского «Манаса» законсервировать, пока окончательно не распогодится.

Но эпос держался еще крепко. По его мотивам композиторы Малдыбаев, Власов и Фере написали оперу. Она была показана в Большом театре во время декады киргизского искусства и литературы.

Среди участников декады был и знаменитый сказитель Саякбай Каралаев. Мы с ним дружили. Я любил его, восторгался им, и он это чувствовал, благосклонно мне говорил: «Ты тоже мастер». Он боролся с басмачами во время гражданской войны, поэтому ему особенно удавались батальные сцены, которыми изобиловал эпос, он, держа в руках комуз, вскакивал со стула, его лицо, два круглых и смуглых яблочка, заливалось пламенем, узкие глаза сверкали, как два лезвия, он заражал своим волнением слушателей, забывал себя и весь окружающий мир, вдохновляясь картинами богатырских схваток и битв, каждый раз находя неожиданные сравнения, краски, глубокие рифмы. Как-то он мне сказал:

— Помни, Семеке (уважительно-ласковое от Семен), что манасчи должен чистую душу иметь. Нельзя нам грязную душу иметь. Плохо для нас грязную душу иметь. Манас накажет, если будешь грязную душу иметь. Даже если ты русский манасчи, ты должен закон Бога и лицо пророка в душе иметь.

...Через год началась война, я на пятый ее день был направлен на Балтику, в Кронштадт. Не до «Манаса» было. Но когда война кончилась, русский «Манас» был издан в 1946 году — огромная книга в красном, прочном, как металл, переплете. Официально она была встречена хорошо, русскими читателями — без интереса. Меня наградили орденом «Знак Почета». Я написал повесть «Манас Великодушный» по мотивам эпоса. Освободясь от жестких уз перевода, я по-своему построил сюжет, выразил, как умел, свое понимание киргизской национальной поэмы. Работа доставляла мне удовольствие. Повесть вышла сначала в «Советском писателе», а потом в «Детгизе». В 1948 году она получила вторую премию на конкурсе за лучшую книгу для детей. Ее перевели на несколько языков народов СССР (прежде всего почему-то на литовский), вышла она и в Праге на чешском языке, и в Берлине — на немецком. Появились хвалебные рецензии в московских журналах и газетах, в киргизской прессе. Я не мог предвидеть, какие неприятности принесет мне вскоре эта повесть. Да и вообще рано было радоваться.

Многие считали, что начавшаяся на рубеже 1948—1949 годов антикосмополитическая кампания с ее кровавыми жертвами была направлена только против евреев. Это неверно в трагических частностях, которые для наших республик вовсе не были частностями. Начав еще во время войны с высылки целых народов, Сталин любовно и терпеливо выращивал ядовитое древо геноцида. У него были далеко идущие режиссерские планы. После того как Хрущев разоблачил культ личности, многие стали высказываться в том духе, что Сталин в конце жизни заболел паранойей. Раньше, мол, был великим и мудрым, а вот стал параноиком. Это чепуха, рожденная желанием покорных и подлых

слуг как-то оправдать себя в собственных глазах. Решившись на геноцид в многонациональной стране, Сталин был как никогда дерзок, как никогда смел был его бесовский ум.

У нас о многом забывают, хотят забыть. Забывают, например, о том, как жестоко напала партийная и литературная печать на безобидное стихотворение «Любите Украину». А ее автором был знаменитый украинский поэт Владимир Сосюра, член партии с 1920 года. Как он посмел любить Украину! Петлюровская отрыжка! Заодно ударили и переводчика этого стихотворения, робкого, мягкого Николая Ушакова.

Сталин щупал и нащупал: опасность исходит от недобитых восточных буржуазных националистов. Возвеличивая свои национальные эпосы, своих древних классиков, султанов и полководцев, они становятся рассадниками панисламизма, по сути — агентами зарубежных мусульманских стран. Их надо уничтожить.

Хуже всех татары. Он с ними боролся, когда был еще наркомнацем. Мнят о себе. Кичатся тем, что у них есть большевики с дореволюционным стажем. С них и надо начать.

Я опубликовал в «Литературной газете» большую двухподвальную статью «Народный эпос и современность» (кажется, так она называлась), в которой, между прочим, высказал следующее соображение об «Идегее», татарском эпосе: ничего общего нет у эпического героя, доброго и мудрого пастуха, с ордынским правителем, воевавшим с Тамерланом и устраивавшим набеги на Москву и Литву. Меня пригласили в ЦК.

Разговаривал со мной заведующий отделом агитации и пропаганды Александров, тот самый, который потом срамно погорел, слетел с высокого поста за то, что устроил для себя и своих друзей подмосковный бордель закрытого типа. Вместе с ним постоянным посетителем борделя был его заместитель Еголин, пожилой, полуграмотный профессор русской литературы (Жданов, покушавшийся на духовное убийство Ахматовой и Зощенко, назначил в свое время Еголина для оздоровления литературной общественности колыбели революции редактором журнала «Звезда»).

Я не запомнил внешности Александрова, мне врезалась в память только его вкрадчивость, цинизм и полная неосведомленность в том вопросе, по которому он меня пригласил к себе.

В нашем разговоре с Александровым принимал безмолвное участие Еголин. В приемной ожидал аудиенции секретарь Татарского обкома по пропаганде Шафиков, вызванный по тому же вопросу из Казани. Александров сказал, что прочел мою статью, что она содержательная, проливает свет на обстоятельства дела, что он и Еголин ознакомились с моим переводом эпоса, вещь яркая.

— Вот только хотелось бы знать,— спросил Александров,— что вы понимаете под патриотизмом, о котором вы пишете в своей статье? Как называлась та страна, патриотами которой, как вы утверждаете, были создатели эпоса?

— Она называлась Дешти-Кыпчак. А в русских летописях — Золотая Орда.

— Значит, речь идет о таких патриотах, которые были угнетателями русского народа. Вы подумали об этом?

— Французские коммунисты, участники Сопротивления, признаны самыми отважными патриотами Франции. А разве Франция не была и не остается угнетательницей своих колоний, например, стран Магриба?

— Вы находчивы,— сказал Александров и добавил на прощание: — Продолжайте спокойно работать, мы вас ценим.

Я простился с начальниками, секретарша впустила в кабинет Шафикова, а мне сказала, чтобы я Шафикова подождал в приемной. Минут через десять Шафиков вышел довольный, сияющий. Секретарша подписала мой пропуск, мы с Шафиковым спустились в буфет. Шафиков мне сообщил, что все в порядке, эпос будет издан, благодарил меня за перевод и за статью.

На другой день, взбудоражив нашу коммуналку, одетый по-военному курьер из ЦК привез мне пакет, запечатанный сургучом. Это был мой перевод «Идегея». Записка Еголина: «Возвращаю Вам Вашу рукопись. Благодарю за доставленное удовольствие».

А еще через два-три дня подписчики получили журнал «Большевик», в котором было опубликовано постановление ЦК об антинародном, феодально-националистическом характере эпоса «Идегей», о неблагополучии в Татарской партийной организации. Не могло же это постановление быть принято Центральным Комитетом и напечатано в журнале в промежутке тех нескольких дней, которые прошли после моего свидания с Александровым и Еголиным. Ясно, что оба давно уже знали об этом постановлении, может быть, сами его составляли. Для чего же играли они со мной? Ладно, я беспартийный, маленький человек, но для чего они играли с секретарем Татарского обкома, вызвали его из Казани, когда дело уже было решено? До сих пор не могу понять. Издевательство? Но к чему им оно? Или они подражали императору Павлу, который, за что-то разгневавшись на одного сановника, закончил свое письмо к нему так: «Впрочем, пребываем к вам благосклонны».

Постановление об «Идегее» испугало ученых и писателей и в национальных республиках, и в Москве, и в Ленинграде. Враждебные вихри начали веять над азербайджанским «Китаби деде Коркуд», узбекским «Алпамышем», киргизским «Манасом», да и над остальными восточными эпосами. То, что раньше сверху поощрялось, что всесоюзно праздновалось, теперь становилось подозрительным, антисоветским, а следовательно, антирусским. Порочной была признана книга академика В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекский народный героический эпос».

Любопытно то (хотя это было нетрудно предугадать), что закоперщиками, наиболее ярыми, злобными преследователями национальных словесных сокровищ стали всевозможные деятели в республиках. Подвергшийся ненависти Багирова, сталинского опричника, покончил самоубийством азербайджанский молодой ученый, написавший книгу о русско-кавказских обсественных связях и возвеличивший Шамиля, а Шамиль, по указке Сталина, из героя-освободителя был превращен в английского шпиона. Прокатившиеся по всей Средней Азии в 1916 году восстания были признаны антинародными. Арестовали в Узбекистане писателей Максуда Шейх-заде, Саида Ахмада, Шухрата. Волю им принесли через несколько лет смерть Сталина и доклад Хрущева. Еще недавно торжественно и пьяно отпраздновали 500-летие со дня рождения Навои, а теперь необходимо было вспомнить, что основоположник узбекской литературы был знатным тимуридом, хранителем печати, а потом везиром (первым министром) в период правления своего соученика, султана Хусейна Байкары в Герате, что его произведения проникнуты философией суфизма, воспринимавшей мир как эманацию Божества. Сгущались тучи над Айбеком, автором романа «Навои», но инсульт спас его от ареста.

Дошло дело и до «Манаса», и до меня.

Сначала меня вывели из состава правления СП Киргизии. Меня это ничуть не трогало. Меня освободили от обязанностей председателя киргизской комиссии — сущий пустяк по сравнению с теми напастями, которые обрушились на других. Но вот из Фрунзе пришло письмо о том, что я, написав повесть «Манас Великодушный», вознамерился присвоить себе авторство киргизского эпоса. Казалось бы, бред неуча, но в Москве к письму отнеслись серьезно. Вспомнили все мои тяжкие грехи: и то, что я перевел «Джангар» — эпос высланных калмыков, и то, что я перевел татарский «Идегей», подвергшийся суровой, но справедливой критике в известном постановлении, и то, что я не только перевел поэмы Навои, но и писал статьи, в которых восхвалял этого «проповедника мусульманского мракобесия».

Было назначено рассмотрение моего дела на секретариате Союза писателей. Признаюсь, что я изрядно струсил. Меня страшило исключение из Союза писателей. Василий Гроссман, разделявший мою тревогу (исключение из Союза писателей в те годы грозило арестом), попросил Константина Симонова за меня заступиться. О том же попросила Фадеева Мария Петровых,— она была с ним в дружеских отношениях. Маруся мне сказала, что Фадеев меня примет у себя дома в 10 часов утра — за день до заседания секретариата.

Я пришел в назначенное время к Фадееву на улицу Горького. Я бывал у него прежде на Большом Златоустинском, а здесь — впервые. Кабинет у Фадеева был таким, каким полагается быть кабинету писателя. Строгая мебель, нет нынешней роскоши нуворишей, много книг, рукописи на письменном столе и на тумбочках. Не помню живописи, помню фотоснимки — Ангелина Иосифовна Степанова в какой-то роли, сам Фадеев — то с Горьким, то с Маяковским, то с Шолоховым, портрет Льва Толстого.

Принял меня Фадеев сухо, как будто не было прежнего давнего знакомства, веселых бесед, совместных поездок, его добрых высказываний обо мне. Говорил я долго, излагал дело во всех подробностях. Фадеев слушал внимательно. Когда я кончил, он сказал:

— Вы оказались в самой середке того поля, которое теперь обстреливается. Да еще анкетные данные. Это судьба, ничего тут не изменишь. Вас не исключат из Союза, мы вам влепим выговор. Я вам помогу, обещаю, хотя мне будет нелегко, в руководство Союза проникли охотнорядцы, но я надеюсь, что с помощью Кости Симонова с ними справлюсь.

Вдруг он звонко рассмеялся:

— Пришел ко мне Хачим Теунов, председатель Союза писателей Кабарды. Я ведь у них в Нальчике «Разгром» писал. Просит содействия в издании перевода на русский язык кабардинских «Нартов», а перевод поручить вам. Я ему сказал: «К чему вам Липкин, у него тяжелая рука, как переведет эпос, так объявляется эпос феодальным».

И он снова рассмеялся, еще звонче. Он хорошо смеялся, от всей души. Я, ободренный, сказал:

— Когда вы были председателем джангаровского юбилейного комитета, а я его секретарем, документация скапливалась у меня. Я сохранил копию постановления Политбюро ЦК ВКП(б), подписанного Сталиным. Копия заверена Чадаевым. Там, среди прочих, указан такой пункт: «Поручить Гослитиздату издать калмыцкий эпос «Джангар» в переводе С. Липкина». Сам Сталин подписал! Я думаю, что будет неплохо, если на секретариате оглашу этот документ. Хотите посмотреть? Я взял его с собой. Он ударит по охотнорядцам.

Лицо Фадеева налилось кровью. Он крикнул:

— Дурак!

Я поднялся, оскорбленный. Фадеев пришел в себя, положил руку мне на плечо, сказал:

— Умоляю вас, ради ваших детей, не вспоминайте об этом постановлении. Имя Сталина не произносите, не произносите! На секретариате скажите в двух словах: благодарю, мол, за справедливую критику, учту в дальнейшей работе... Еще раз твердо вам обещаю: вас из Союза не исключат. Они и Павлика Антокольского хотят съесть. Его, конечно, занесло, его часто заносит, но в обиду я его не дам.

У себя дома я все же решил подготовиться к большой речи. Перечитывал статьи — свои и чужие, документы, делал выписки. Перед тем как отправиться в Союз писателей, пропустил стакан водки, закусил куском куриного студня. Почувствовал веселую готовность к битве,— никого не боюсь!

В кабинете Фадеева в Союзе я занял место в углу у окна, около входа. У другого окна, в глубине кабинета, уселись Панферов и Корнейчук. За столом, на председательском месте,— Фадеев, спиной ко мне — Симонов, Софронов, стенографистки, напротив — Сурков, Леонов, может быть, еще кто-то.

Излагать дело поручили N. Повернул он его неожиданно. Мои договоры на перевод «Манаса» — и это не случайно! — подписаны врагами народа: Лупполом и Лозовским. Последний арестован как сионист, и, опять же не случайно, в депутаты Верховного Совета СССР он пролез от Киргизии: покровительствовал местным националистам. Зловонный сионистско-пантюркистский букет.

Надо сказать, что академика Ивана Капитоновича Луппола я никогда в глаза не видел. Слишком я был в те ранние годы молод, чтобы иметь непосредственный контакт с главным редактором или директором издательства. Что же касается Соломона Абрамовича Лозовского, в прошлом — генерального секретаря Профинтерна, в годы войны — начальника Совинформбюро, то я действительно общался с ним в бытность его директором Гослитиздата.

Далее N. уже говорил то, что я ожидал, к чему был готов: тут и «Джангар», и «Идегей», и повесть «Манас Великодушный». Он потребовал моего исключения из Союза писателей.

— Мало! — крикнул Панферов.

Сидевший рядом с ним Корнейчук возразил:

— Строже наказать нам не дано, этим займутся другие.— Помолчав, добавил: — Все же человек талантливый.

Такие оговорки не бывают случайными. Я подумал, что Фадеев с ним предварительно побеседовал. Фадеев предоставил слово Симонову. Тот назвал меня мастером перевода, предложил объявить мне строгий выговор, из Союза не исключать. Леонов — вопросительно: «Может быть, на вид поставим?» Сурков поддержал вопросительное предложение Леонова. Дали слово мне. Как научил меня Фадеев, я поблагодарил за критику, обещал ее учесть в дальнейшей работе. Потом сказал:

— Разрешите зачитать один документ.

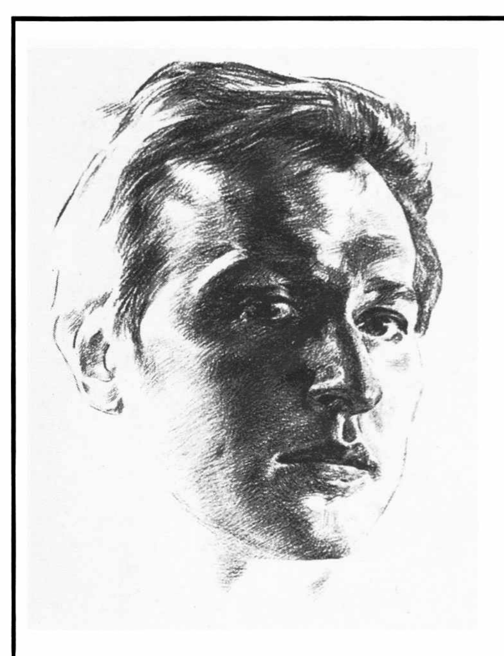
Фадеев, забыв, что все на него смотрят, схватился за голову. Он решил, что я и его подведу, и себя погублю, что я сейчас прочту постановление Политбюро, произнесу имя Сталина. Но я огласил другой документ. У меня сейчас нет его под рукой. Содержание его такое. В джангаровский юбилейный комитет обращается с письмом ростовская писательская организация. Она давно и тесно связана со своим соседом Калмыкией. Ростовский литературовед Закруткин опубликовал ценное исследование калмыкского эпоса. Между тем на юбилейные торжества в Элисте ростовской организации выделены только два места. Просят хотя бы четыре. Подпись — секретарь ростовского отделения N., 1940 год.

Боже, как обрадовался Фадеев, как он смеялся, как ему громко вторил торжествующий Сурков и тихо — явно довольный Леонов. Я не видел лица N., но услышал его смущенный голос, сменивший прежние уверенные интонации:

— Все мы сидим в этом дерьме...

Когда я в 1980 году оказался в опале, (после участия в альманахе «Метрополь»), «Манас» решили переводить заново. Пожелав переводчикам удачи, хочу, чтоб они запомнили те слова, которые мне сказал великий аэд Саякбай Каралаев:

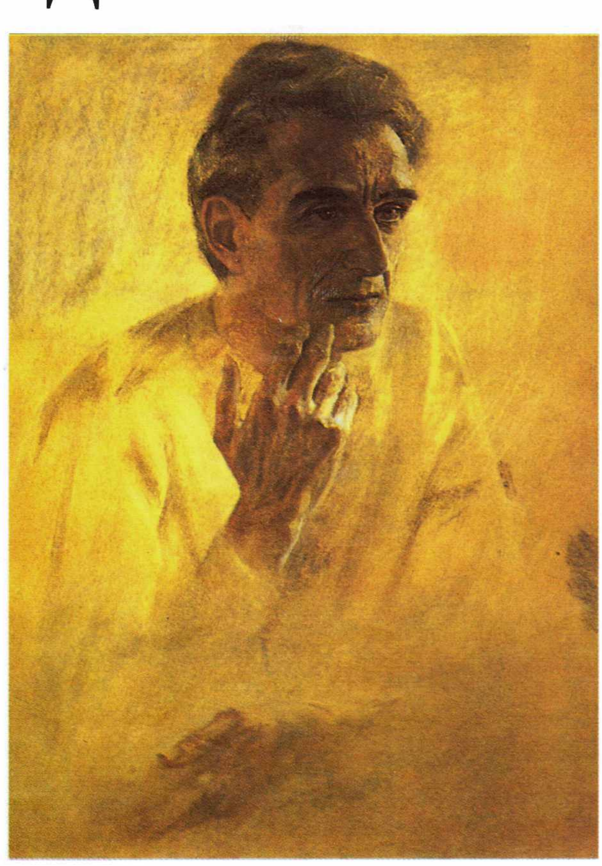
— Помни, что манасчи должен чистую душу иметь. Плохо для нас грязную душу иметь. Манас накажет, если будешь грязную душу иметь.

Г. Г. ШИШКИН. Род. 1948. АВТОПОРТРЕТ.

ПАЛИТРА

В МИРЕ ВДОХНОВЕНИЯ

СЕСТРЫ. ПОРТРЕТ ДОЧЕРЕЙ КОСМОНАВТА В. ЗУДОВА. 1987.

ПОРТРЕТ ТАДЖИКСКОГО ПОЭТА М. КАНОАТА. 1986.

«— Во мне всегда живет желание слиться с полотном в одно целое, войти в пространство, которое я создаю своими руками, физически ощутить единство этого мира, раствориться в нем,— говорит художник из Свердловска Георгий Шишкин.— Все мое настроение, мучительные поиски разгадки духовного мира человека я стараюсь передать с помощью пастели, живописные возможности которой, по-моему, безграничны».

Своеобразен творческий почерк Георгия Шишкина: сочетание необычной для пастели широты тональных характеристик с тщательной нюансировкой и одновременно мягкостью разработки форм.

Все это особенно заметно в портретах работы Шишкина, где ему удается проникнуть в мир человеческого вдохновения, в то состояние души, когда творческое начало выражено наиболее полно.

Это портреты-состояния: «Меня всегда привлекает в людях открытость и незащищенность, очень ценю способность к состраданию. Всматриваясь в лица, наблюдая, стараюсь уловить малейший признак душевной открытости. Возможно, эти моменты сродни вдохновению. Хочется противопоставить черствости, ограниченности, суетности творческое, благородное в человеке».

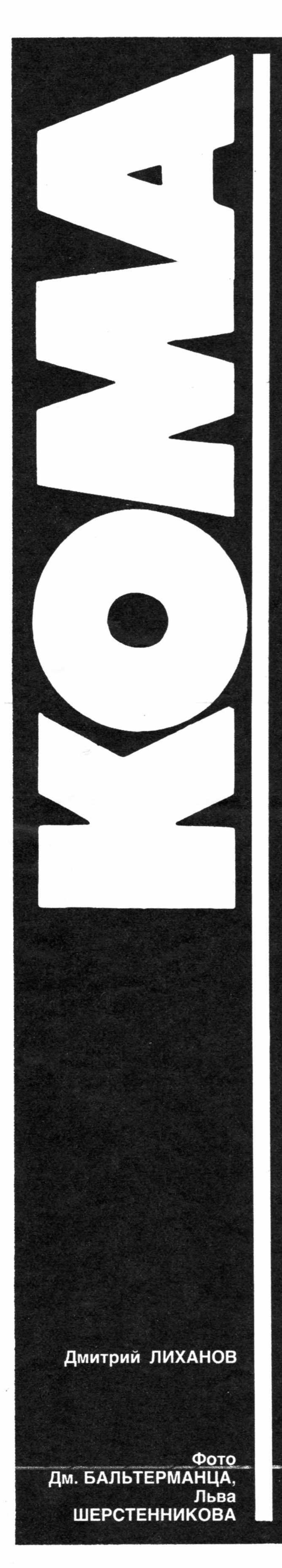
Художник давно замыслил написать большую картину. И каждую новую работу он представляет себе как часть огромного полотна, каждая кажется ему подготовкой к той большой работе. А между тем у Шишкина нет мастерской, хотя он член Союза художников. Приходится тесниться с картинами (не маленьких размеров) в единственной жилой комнате, которая давно превратилась в склад.

Конечно, художник творит вопреки всем сложностям, работает много и напряженно. И все-таки: доколе мы будем уповать на одержимость того или иного художника вместо того, чтобы попытаться облегчить нелегкий его труд?..

Татьяна БАЛЯТИНСКАЯ

БЕРЕЗЫ. 1987.

Ташкент. Июль 1974 года

Начальника Октябрьского райотдела милиции Хакимова провожали на пенсию всем личным составом. Было много цветов, поздравлений, ценный подарок от министерства. Передав накануне все дела своему заместителю Болтобаеву, Хакимов уходил на заслуженный отдых и тешил себя надеждой, что зама вскорости назначат на его место. Кандидатура — лучше не надо: давно работает в системе, опытный оперативник, дело свое знает.

Тем временем в кабинете начальника Управления внутренних дел Ташгорисполкома Саттарова раздался телефонный звонок. Звонили из управления кадров министерства. После недолгого вступления последовало предложение назначить на должность начальника Октябрьского РОВД Рахмата Юлдашева. Юлдашева?! Чего-чего, а такого вот поворота событий Саттаров понять не мог. Он прекрасно знал этого человека, знал, что у него были какие-то темные делишки с одним из директоров магазинов, арестованным в начале семидесятых, что его за эту связь даже хотели турнуть из органов, но почему-то всё же оставили и вскоре даже назначили начальником отделения уголовного розыска. А теперь новое назначение. Да какое!

Саттаров попытался было возразить, но ему деликатно намекнули, что данное предложение исходит от самого министра. На следующий день Саттаров пошел на прием к Яхъяеву с набором собственных кандидатур. Но, казалось, министр его даже не слушает. А в конце разговора посоветовал повнимательнее присмотреться к Юлдашеву.

Через некоторое время в Октябрьском РОВД представляли нового начальника. Нетрудно догадаться, что им был Рахмат Юлдашев. Райотдел еще долго пребывал в состоянии легкого шока: виданное ли дело, роптали милиционеры, чтобы из начальника отделения да сразу на такую должность. Такого вообще никогда не было! Не иначе, купил Рахмат свое кресло...

Все это на самом деле именно так и было.

Материалы дела.

Хасанбаев — бывший заместитель министра: «Я стал замечать, что в нашей системе творятся непонятные явления, странные перемещения по службе, поощрения, награды. Мое мнение было такое, что эти люди пользовались хорошими отношениями с Яхъяевым».

Норов: «Эти годы совпали с годами культа личности Рашидова. Так как Яхъяев был в очень хороших отношениях с Рашидовым, у него появились элементы самодовольства, самовосхваления. Зазнавшись, он потерял чувство ответственности. Как и в партийных органах, в системе МВД стали насаждаться лесть, подхалимство, землячество, родство. Стали появляться указания к пышным застольям с подарками и сувенирами. Кадровая политика также стала на рельсы угодничества. Я воочию убедился, что взяточничество и коррупция охватили всю систему МВД. Поскольку это всячески поощрялось руководством и имело место повсюду, у меня, как, впрочем, и у всех, сложилось мнение, что раз самые первые лица поступают так, значит, это требование сверху».

Абдуллаева — бывший секретарь ЦК Компартии Узбекистана: «Бесспорно, что сложившаяся негативная обстановка оказывала свое отрицательное воздействие на отраслевые органы власти и управления, в том числе на МВД Узбекской ССР. В руках мафии органы внутренних дел, сами пораженные взяточничеством, выступали и в качестве важнейшего орудия прикрытия коррупции в других отраслях народного хозяйства. Учитывая значимость этих органов, соответственно подбирался и его начальствующий состав из лиц, лично преданных мафии... Органы внутренних дел были поставлены в такие условия, при которых они не были заинтересованы в том, чтобы раскрывать и показывать истинное трагическое положение дел, вести подлинную борьбу с коррупцией. Более того, эта ситуация позволяла недобросовестным и нечестным работникам «ловить рыбку в мутной воде», злоупотреблять своим служебным положением. Этому способствовала вседозволенность и безнаказанность. Возникает закономерный вопрос: почему МВД СССР не выявляло такого разложения в подчиненном ему республиканском министерстве? Ведь эта система отличается централизацией и военной дисциплиной... МВД СССР находилось вне зоны критики и контроля... достаточно хорошо известно, что министр внутренних дел Щелоков Н. А. пользовался полной поддержкой и доверием Брежнева Л. И., а первый заместитель министра Чурбанов Ю. М. являлся, кроме того, и членом семьи Л. И. Брежнева. При такой обстановке ни Щелоков, ни Чурбанов не были заинтересованы в раскрытии и борьбе с коррупцией. Нет сомнения, что они «подпитывались» из «кормушки» взяточничества, получая свою долю доходов из республик, в том числе Узбекистана».

Ташкент.
26 декабря 1974 года

Утром на рабочий стол министра внутренних дел Узбекской ССР Яхъяева легло странное заявление. В нем бывший председатель колхоза имени Э. Тельмана Наманганской области Юнусали Юлдашев сообщал о том, что некоторое время тому назад передал взятку в размере тысячи рублей Председателю Совета Министров республики Рахманкулу Курбанову. «Свое заявление о случившемся,— писал Юнусали Юлдашев,— я сделал по той причине, что знал Курбанова как шантажиста, который в любое время может сделать так, что я окажусь клеветником и меня как клеветника могли бы привлечь к уголовной ответственности. Кроме того, в то время Курбанов занимал пост Предсовмина, я же был только председателем колхоза, и мне просто о рассказанном факте никто не поверил бы».

Прочти Хайдар Халикович подобное заявление лет пять назад, он просто разорвал бы его на клочки. Но сейчас... сейчас было совсем другое время.

О напряженных отношениях Курбанова и Рашидова знали или во всяком случае догадывались многие члены Центрального Комитета Компартии Узбекистана. И если в самом начале в них чувствовалась всего лишь взаимная прохладца, то к семьдесят первому году дело дошло до нескрываемой неприязни. Что стояло за этим? Скорее всего, в возрастающей активности Предсовмина Рашидову чудилась угроза собственной власти, покушение на ее святая святых — безраздельность. А позволить, чтобы кто-то иной, пусть даже более способный и талантливый, замахнулся на его место, Шараф Рашидович не мог. Он вообще относился к этому вопросу слишком болезненно. Кроме того, Курбанов, возглавляя кабинет министров республики, прекрасно разбирался в хлопковой ситуации и вполне отдавал себе отчет, к чему может привести вся эта афера с повышенными обязательствами. Случись что, в его руках появится отличный козырь, крыть который Рашидову будет фактически нечем. Дабы упредить удар, Шараф Рашидович предпринял все от него зависящее, чтобы Рахманкул Курбанов покинул пост Председателя Совета Министров Узбекской ССР и был назначен на несравненно меньшую должность заместителя министра. Оказавшись на новом месте, Курбанов, однако, не впал в уныние и былой активности не растерял. По рассказам одного из его близких знакомых, Рахманкул Курбанович буквально при каждой их встрече подчеркивал, что «смещение с поста Предсовмина — дело временное, и вскоре, как только он завоюет своим поведением авторитет, ему вновь предоставят хорошее место». Однако в планы Рашидова это, кажется, не входило.

Поздней июльской ночью 1974 года в дом Рахманкула Курбанова пришел человек, которого втайне побаивались даже члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана. Им был директор совхоза имени В. И. Ленина, ближайший человек Рашидова, Ахмаджан Адылов. В конфиденциальной беседе он сообщил Рахманкулу Курбановичу, что пришел с одной лишь целью: просить Рахманкула Курбановича возобновить с Шарафом Рашидовичем хорошие, товарищеские отношения. Он, Ахмаджан Адылов, через пару дней отправляется на сессию Верховного Совета СССР, а Рашидов как раз отдыхает в подмосковном санатории «Барвиха». Так что если Рахманкул Курбанович согласен, он может переговорить с Рашидовым по этому вопросу. Столь внезапный визит доверенного лица первого секретаря ЦК был явно неспроста. Скорее всего, знал о нем и сам Рашидов, а значит, и просьба о примирении — всего лишь искусно закамуфлированный приказ к сдаче оружия. Если бы Шараф Рашидович и в самом деле решил восстановить отношения, то сделал бы это сам, а не присылал среди ночи своих посредников. Ахмаджан Адылов понял все без лишних объяснений: Курбанов не сложит оружия. Только головой покачал: «Жаль, если бы вы с Рашидовым работали, все было бы на своем месте...». Но тогда Рахманкул Курбанов еще не понимал всего смысла этих пророческих слов.

14 мая 1975 года исполняющая обязанности старшего следователя следственного управления МВД Узбекской ССР подполковник Н. Торбина подпишет постановление о выделении в отдельное производство всех материалов, касающихся злоупотреблений служебным положением и взяточничества Рахманкула Курбанова. Естественно, об этом знал министр внутренних дел Яхъяев, на чей стол вот уже несколько месяцев ложились компрометирующие материалы в отношении бывшего премьера, знал об этом и Шараф Рашидов. И именно его молчаливое согласие решило исход дела. 29 июля 1975 года заместитель Генерального прокурора СССР Гусев поставил свою подпись под санкцией на арест Курбанова.

Материалы дела.

Яхъяев: «До этого времени между нами не было никаких конфликтных ситуаций: полное доверие, взаимопонимание, полную поддержку я имел тогда от Щелокова в решении всех служебных вопросов. Однако вскоре наши отношения со Щелоковым несколько осложнились. Это было связано с моей активной позицией по разоблачению... преступной группировки Насриддиновой, Курбанова и других. Затрагивались интересы высшего круга должностных лиц, все это шло вразрез с линией МВД СССР не вмешиваться в серьезные вопросы, не вскрывать и не показывать фактическое положение дел, не нарушать обстановки мнимого благополучия в стране. Конечно, Щелоков был недоволен тем, что я напрямую обратился, минуя его, с докладной запиской к Генеральному секретарю ЦК КПСС, что, несмотря на его недовольство, продолжал собирать материал об их преступлениях, что активно помогал с аппаратом министерства следствию Прокуратуры СССР. В ноябре 1975 года я приезжал в Москву на совещание в МВД СССР, где встретился с Щелоковым у него в кабинете. Щелоков держался со мной не как раньше, по-приятельски, а сухо, почти официально. Вновь упрекнул меня в том, что я лезу не в свои дела, замахиваюсь на таких руководителей, не думаю о возможных последствиях».

* Продолжение. Начало в № 1.

**Москва. Бутырская тюрьма.
Октябрь 1977 года**

Следствие по делу Курбанова длилось чуть больше года. Четвертого октября 1976 года Верховный суд СССР приговорил Рахманкула Курбановича к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима. Курбанов находился в шоке. Для больного шестидесятичетырехлетнего человека столь длительное заключение было равносильно смертному приговору. Понимали это и в Ташкенте. С тех пор, как делом занялась следственная бригада Прокуратуры СССР, ситуация сразу же вышла из-под контроля местных партийных органов и как-то смягчить участь Рахманкулу Курбановичу не было решительно никакой возможности. А сделать это было необходимо. Особенно сейчас. Ведь, если он все это время молчал, значит, на что-то рассчитывал. Суровый приговор лишил его последней надежды. И теперь Курбанов, понимая, что терять уже нечего, просто из чувства мести может выложить следователям всю интересующую их информацию. А остановить этот процесс будет уже невозможно. 3 мая Рахманкул Курбанович написал письмо на имя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. В нем, в частности, говорилось: «Обращаюсь с убедительной просьбой принять решение о моем помиловании и дать возможность дожить свои последние дни в семье. Я заверяю, что буду трудиться честно и добросовестно до последних дней моих».

Фактически это было покаянием, полной капитуляцией.

И Ташкент благосклонно ее принимает.

20 июля Президент Узбекистана Н. Матчанов направляет письмо в поддержку просьбы Курбанова в Президиум Верховного Совета СССР, а всего через два месяца Леонид Ильич Брежнев подписывает Указ об освобождении Рахманкула Курбановича от дальнейшего отбывания наказания. Война с Рашидовым стоила ему двух лет тюрьмы. Чрезмерная активность, которую проявил в этом деле Хайдар Яхъяев, будет стоить ему карьеры.

**Москва.
Октябрь — ноябрь 1977 года**

Все это произошло настолько стремительно и внезапно, что поначалу никто даже не мог понять, что же, в конце концов, случилось.

Ни с того ни с сего вдруг был отстранен от должности заместителя министра внутренних дел СССР по кадрам Константин Иванович Никитин. Его перевoдили на другой, менее значимый участок работы.

Константин Иванович узнал об этом за день до приказа, расстроился чрезвычайно и вскоре попал в больницу. А еще через некоторое время скончался. Это была уже третья смерть в министерстве. Первым умер курировавший систему исправительно-трудовых учреждений замминистра Усков, за ним ушел другой заместитель — Петушков. И вот теперь — Никитин. Загадочное совпадение: каждый из замминистров возглавлял комиссию по похоронам предыдущего. Вот и на сей раз председателем комиссии назначили первого заместителя министра Виктора Семеновича Папутина.

В ноябре министерство облетело потрясшее всех известие: начальника Политуправления внутренних войск МВД СССР генерал-лейтенанта Чурбанова прочат на никитинское кресло...

Высшие офицеры Министерства внутренних дел узнали о существовании Юрия Чурбанова в начале семидесятых годов, но уже тогда вполне отчетливо поняли: с этим парнем дела нечисты.

По воспоминаниям бывшего начальника Управления политико-воспитательной работы МВД СССР Алексея Митрофановича Зазулина, все началось в тот самый день, когда во время обеденного перерыва генералитет, как обычно, собрался в своей столовой. На сей раз за столиком Николая Анисимовича Щелокова сидел молодой, аккуратно причесанный парень в военном мундире и как ни в чем не бывало жевал котлету. Кто он такой и почему сидит рядом с министром, никто, конечно, не знал, а потому убеленные сединой генералы то и дело с недоумением поглядывали на странный тандем.

Понимая некоторую неловкость ситуации, Николай Анисимович не заставил ждать с разъяснениями. Не спеша вытер губы салфеткой и обратился к присутствующим: «Друзья! Прошу познакомиться. Заместитель начальника Политуправления внутренних войск Юрий Михайлович Чурбанов.— И после короткой, артистичной паузы добавил: — Зять Леонида Ильича Брежнева».

Чурбанов почему-то заулыбался. А генералы, здороваясь, кивнули головой.

Да, еще тогда, в конце семидесятых, они понимали, что этот парень, да при таком раскладе, далеко пойдет, но что он взойдет так далеко — этого представить не могли. И вот первое серьезное назначение. Сорокалетний генерал-лейтенант сел в кресло заместителя министра по кадрам.

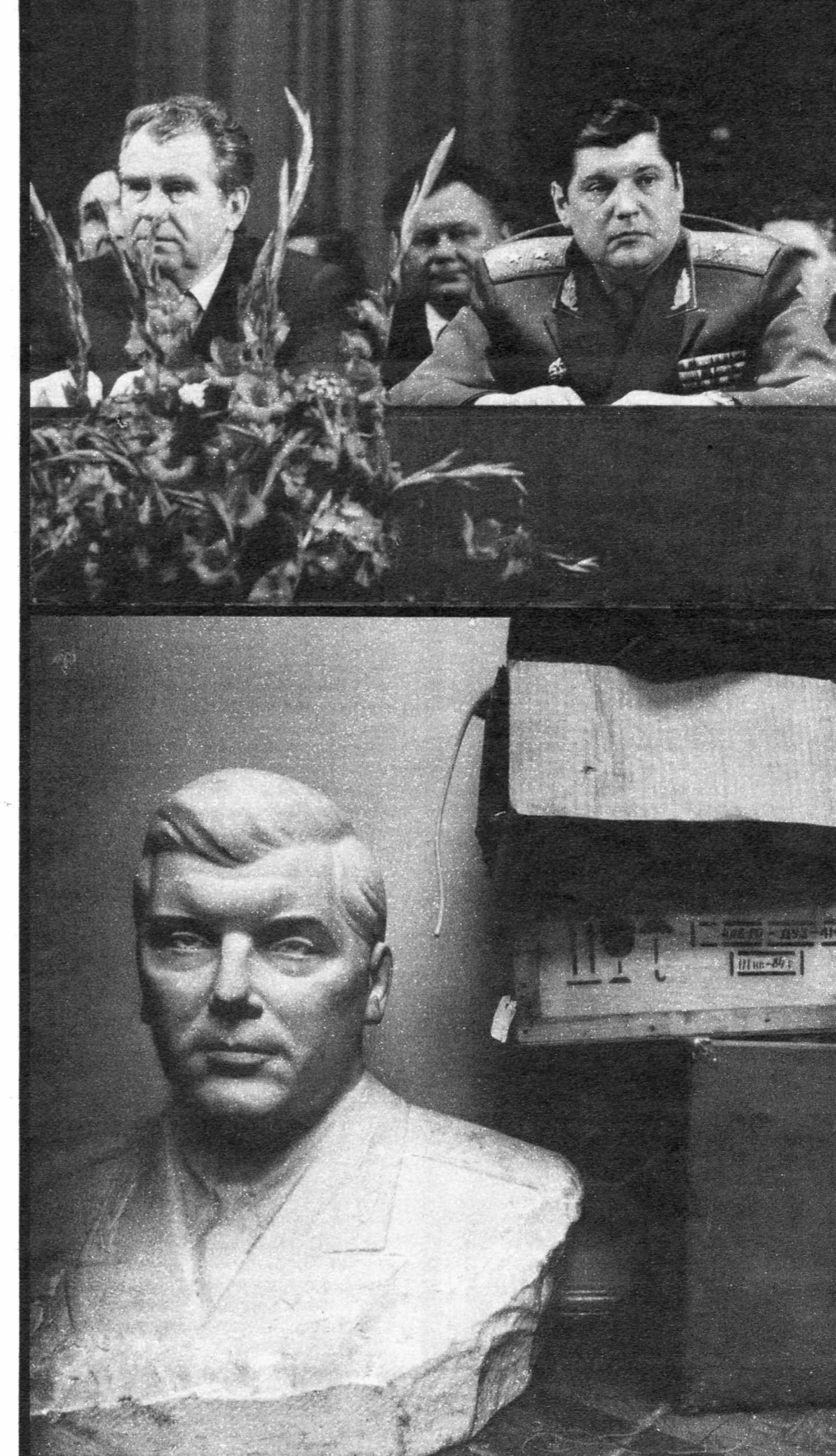
Досье.

Чурбанов Юрий Михайлович. Родился 11 ноября 1936 года в городе Москве. Отец — бывший секретарь райкома партии. Мать — домохозяйка. Кроме него, в семье воспитывалось еще двое детей, сестра Светлана и брат Игорь. После школы пошел работать механиком на авиационный завод. Здесь его выбрали секретарем первичной комсомольской организации, а потом секретарем комсомольской организации цеха. После окончания техникума он еще какое-то время проработал на заводе, а потом ушел инструктором Ленинградского райкома ВЛКСМ города Москвы. Вскоре стал инструктором МГК комсомола и в 1961 году был призван на службу в войска МВД, где ему было присвоено звание лейтенанта вну-

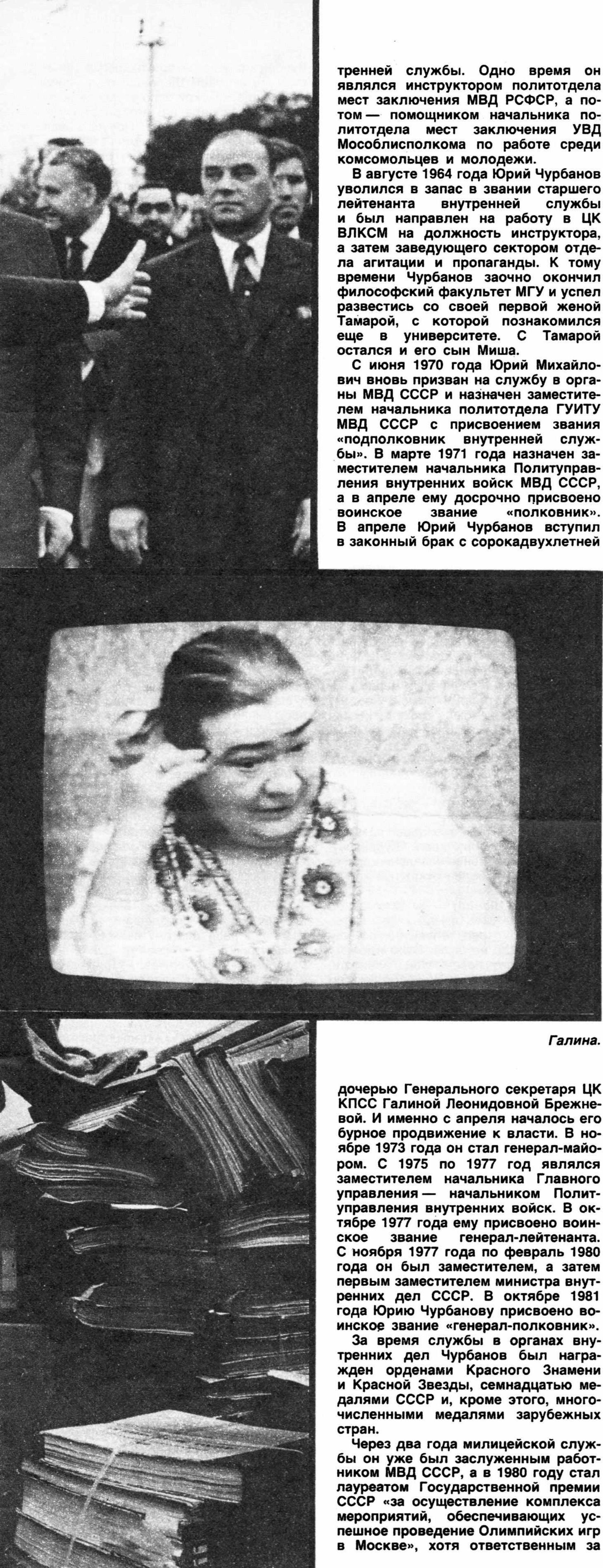

Широкая натура.

Юрий Чурбанов. В первых рядах.

Эпилог.

Галина.

тренней службы. Одно время он являлся инструктором политотдела мест заключения МВД РСФСР, а потом — помощником начальника политотдела мест заключения УВД Мособлисполкома по работе среди комсомольцев и молодежи.

В августе 1964 года Юрий Чурбанов уволился в запас в звании старшего лейтенанта внутренней службы и был направлен на работу в ЦК ВЛКСМ на должность инструктора, а затем заведующего сектором отдела агитации и пропаганды. К тому времени Чурбанов заочно окончил философский факультет МГУ и успел развестись со своей первой женой Тамарой, с которой познакомился еще в университете. С Тамарой остался и его сын Миша.

С июня 1970 года Юрий Михайлович вновь призван на службу в органы МВД СССР и назначен заместителем начальника политотдела ГУИТУ МВД СССР с присвоением звания «подполковник внутренней службы». В марте 1971 года назначен заместителем начальника Политуправления внутренних войск МВД СССР, а в апреле ему досрочно присвоено воинское звание «полковник». В апреле Юрий Чурбанов вступил в законный брак с сорокадвухлетней дочерью Генерального секретаря ЦК КПСС Галиной Леонидовной Брежневой. И именно с апреля началось его бурное продвижение к власти. В ноябре 1973 года он стал генерал-майором. С 1975 по 1977 год являлся заместителем начальника Главного управления — начальником Политуправления внутренних войск. В октябре 1977 года ему присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. С ноября 1977 года по февраль 1980 года он был заместителем, а затем первым заместителем министра внутренних дел СССР. В октябре 1981 года Юрию Чурбанову присвоено воинское звание «генерал-полковник».

За время службы в органах внутренних дел Чурбанов был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, семнадцатью медалями СССР и, кроме этого, многочисленными медалями зарубежных стран.

Через два года милицейской службы он уже был заслуженным работником МВД СССР, а в 1980 году стал лауреатом Государственной премии СССР «за осуществление комплекса мероприятий, обеспечивающих успешное проведение Олимпийских игр в Москве», хотя ответственным за Олимпиаду был заместитель министра Шумилин.

Карши. Февраль 1978 года

В один из февральских дней начальник Управления внутренних дел Кашкадарьинской области Музаффар Садыкович Алимов не вышел на работу. Не вышел — и все тут. Прогулял. Через несколько часов об этом стало известно первому секретарю обкома партии Рузмету Гаиповичу Гаипову.

Отношения Гаипова с Алимовым не сложились с первого дня их совместной работы. Да и не могли сложиться подобающим образом. Рузмет Гаипович превосходно понимал, что Музаффар — ставленник министра Яхъяева, а значит, тот самый человек, который будет следить за каждым его шагом и в случае чего моментально докладывать шефу.

Грехов же за Рузметом Гаиповичем было более чем достаточно: обдирал свой народ, что липку, а потому и не хотелось ему повторять судьбу бывшего Предсовмина Курбанова или Председателя Верховного суда республики Пулатходжаева. Кроме того, Гаипов не мог простить Яхъяеву перемещения в Наманган бывшего начальника УВД Кудрата Эргашева — человека, преданного Рузмету Гаиповичу душой и телом, верного служаку, завсегда оберегавшего первого секретаря обкома партии от всевозможных неприятностей. Так что ненависть к министру и его ставленнику зрела в душе Рузмета Гаиповича давно. Он только и ждал повода свести счеты. И вот этот повод представился.

Узнав о прогуле, Гаипов тут же связался по телефону с МВД Узбекской ССР и в довольно резкой форме поставил вопрос об увольнении Алимова из органов внутренних дел. Хотя сам факт прогула никак не мог явиться поводом для увольнения приближенного к министру человека. Этого Гаипов не учел. Как только Музаффар Алимов понял, что над ним сгущаются тучи, он тут же вычислил, откуда дует ветер, кто мог его так крупно подставить. Им был не кто иной, как его собственный заместитель, осведомитель Гаипова и Эргашева Хушвакт Норбутаев. Музаффар Садыкович уже не раз говорил Яхъяеву, что работа с таким человеком до добра не доведет: работник он никудышный, да к тому же махровый взяточник, мол, давно пора от него избавляться. А вот и новое подтверждение справедливости его слов — подставил собственного начальника. Выговорив Норбутаеву все, что он о нем думает, обвинив в полном завале работы и росте преступности, Алимов, недолго думая, сел к столу и написал на имя министра представление о несоответствии Норбутаева Хушвакта занимаемой должности. И для Гаипова и для Норбутаева дело принимало очень нехороший оборот. Противники шли ва-банк.

Материалы дела.

Илиади — бывший первый секретарь Каршинского горкома партии: «В своей практической деятельности Гаипов не признавал закон и мораль нашего советского общества. Вся его кипучая энергия и способности в сочетании с коварством были направлены на личную наживу. Можно без преувеличения сказать, что все организации, учреждения, колхозы и совхозы, партийные и административные органы были поражены взяточничеством. Под непосредственным руководством Гаипова продавались должности районного, городского и областного масштабов. Давались ему и периодические взятки, так называемые «налоги»... За счет народа Гаипов нажил себе громадные богатства. Я не ошибусь, назвав его руководство областью диктаторским, ибо данная ему власть использовалась им абсолютно бесконтрольно. Говоря простыми словами, этот деспот делал все, что он хочет».

Яхъяев: «В марте Норбутаев появился у меня в кабинете. Мне было известно, что Норбутаев является близким человеком Эргашева и Гаипова — моих недругов. Норбутаев привез для меня какие-то документы. Я сделал ему внушение, что он плохо относится к исполнению своих обязанностей и мы его работой недовольны».

Ташкент. Март 1978 года

Решение созрело мгновенно. Подготовив необходимые документы, Хайдар Халикович пишет письмо с ходатайством об освобождении Норбутаева от занимаемой должности в Управление кадров Министерства внутренних дел СССР.

Но это письмо Яхъяева так и не попадет к адресату. Его тайный противник Рузмет Гаипов сделает все возможное, чтобы Хушвакт Норбутаев остался на прежней должности заместителя начальника Кашкадарьинского УВД. А через два месяца нанесет удар, от которого Яхъяев еще не скоро оправится. Помимо воли министра на должность начальника Кашкадарьинского УВД вновь назначат Эргашева. Спасая свое положение, Хайдар Халикович только и успевает, что перевести Музаффара Алимова в центральный аппарат на должность начальника УИТУ. Но все попытки стабилизировать ситуацию были уже бесполезны. Политические акции Яхъяева падали с головокружительной быстротой. Каршинская оппозиция переходила в яростное наступление.

Москва. Лето — осень 1978 года

Юрий Михайлович Чурбанов ни за что бы не стал генералом и не занял командных высот в Министерстве внутренних дел СССР, если бы его не связывало родство с генсеком. Титул зятя стабильно двигал этого в общем-то средних способностей парня вперед. Только титул. Ничто иное.

Как рассказывала мне Галина Леонидовна Брежнева, они познакомились с Чурбановым где-то в середине сентября семидесятого года. Дело было под вечер, и она с подружками отправилась поужинать в ресторан Московского дома архитектора на улице Щусева. За одним из столиков сидел муж ее старой приятельницы Нонны, сын министра внутренних дел Игорь Щелоков. Рядом с ним красивый и статный мужчина с напомаженными волосами. Это и был Юрий Чурбанов. Слово за слово, заговорили о личной жизни. Вдруг кто-то спохватился: «Ребята, у нас же Юра не женат, да и Галя не замужем. Давайте их познакомим». Вот так и познакомили. Через какое-то время в одну из встреч Галина Леонидовна спросила:

— Юра, а чего же ты мне предложение не делаешь?

Тот смущенно улыбнулся:

— Да как-то неудобно. Ты такое положение занимаешь...— Секунду помедлил и добавил.— А впрочем, считай, что я тебе его делаю.

На следующий день она рассказала обо всем отцу. Леонид Ильич от всей души желал счастья своей уже немолодой дочери, а потому и спорить-то не стал, поинтересовался только, хороший ли человек ее избранник, чем занимается, пообещал навести о нем справки по своим каналам, записал фамилию. Вскоре сообщил Галине, что, по его сведениям, Юрий Михайлович — человек стоящий, ничем себя ранее не скомпрометировал. Получив родительское благословение, они расписались в загсе Гагаринского района 17 апреля 1971 года. Свадьбу справили по-семейному скромно, на даче. Леонид Ильич подарил зятю автомобиль «Шкода-1000», который в тот же год оказался в комиссионке. Но тесть сделал новый подарок — новенький «Рено-16», выделил молодоженам квартиру на Бронной, а затем и четырехкомнатные апартаменты в доме № 10 по улице Щусева,— как раз напротив того места, где они когда-то познакомились. После развода

с директором цирка на Ленинских горах Героем Социалистического Труда Евгением Милаевым и неудачных романов с многочисленными представителями советского искусства Галина наконецто попала в руки военного. И Брежнев был этому рад.

То, что Чурбанов в милицейском деле полнейший профан, работники аппарата поняли почти сразу же, лишь только Юрий Михайлович перебрался в кабинет заместителя министра по кадрам. Вместо того чтобы заниматься усилением личного состава, чему-то учиться, вникать в нюансы, он издал приказ о... запрещении курения в служебных помещениях органов МВД. Ну не смешно ли — генералу заниматься такими делами! Но это был его стиль, его манера. Чурбанов не понимал и, что самое печальное, не любил своей работы, не разбираясь в главном, придирался по пустякам. По рассказам некоторых работников МВД, Юрий Михайлович никогда не сосредоточивался на подготовленных для него бумагах, но гораздо чаще подлавливал в коридоре младших офицеров и громогласно отчитывал их за непочищенную обувь и криво висящую планку. Что-что, а отчитывать Юрий Михайлович любил. Кое-кто пытался оправдать поведение генерала: мол, молод еще, пообтешется, поймет, научится. Но Чурбанов не хотел понимать и учиться. Мало того, что не понимал своих прямых обязанностей, иногда казалось, что Юрий Михайлович и вовсе старается от них избавиться. Помимо торжественных кремлевских обедов и приемов, большую часть времени он проводил в многочисленных командировках по стране. Благо, дядя Коля, как называли в министерстве Щелокова, не был любителем разъездов, а потому все официальные визиты переложил на своего зама. Где только не побывал Юрий Михайлович, объездил почти всю страну, и везде его встречали на самом высоком уровне: не какие-нибудь там начальники УВД, а непременно первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК. Словом, встречали хорошо: возили на экскурсии по местам «боевой и трудовой», устраивали грандиозные сафари, по сравнению с которыми королевская охота в Индии просто жалкая карикатура; кормили до отвала да и водкой поили вкласть. В одной из союзных республик он, например, набрался до такого состояния, что рухнул в предбаннике сауны плашмя: сердце не вынесло столь серьезной порции хмельного, скрутило, пришлось вызывать «скорую» из четвертого Управления и отхаживать Юрия Михайловича почти что целые сутки. Так он и улетел в столицу, позабыв и про свой доклад, и про личный состав, и про все остальное. Только дышал тяжело.

В другой области, рассказывают, он пьяным-пьянешенек пришел с местными руководителями на спецпредставление в театр. Ну и развезло мужика как следует. Тут как тут — дело привычное — какой-то холуй подскочил к нему быстрехонько, вынул из сумочки маленький вентилятор на батарейках, который, видать, завсегда носил с собой навроде боеприпаса, и принялся родимого обдувать. Так и обдувал до конца веселого представления.

Короче говоря, ублажали местные чины Юрия Михайловича как только могли, от души, чуть руки ему не лобызали, чтобы только замолвил за них, грешных, нужное словечко великому и мудрому вождю. А уж милиционеры старались перед ним — дальше некуда. Даже соревнования устраивали: кто во что горазд — в одном месте военный парад устроят, в другом — маневры, в третьем — еще какое-нибудь помпезное зрелище с флагами и фанфарами.

Что же касается Юрия Михайловича, то он все это воспринимал как должное, шутейски, а под конец официального визита непременно повышал когонибудь в звании и давал первому попавшемуся сержанту «руль» на стрижку. Такая была привычка.

Вскоре в кабинет Чурбанова стали захаживать два человека. Это были Александр Вошков и Виктор Калинин — давние приятели Юрия Чурбанова по работе в ЦК ВЛКСМ. Они как-то всегда держались вместе, и когда у Юрия Чурбанова появилась возможность большого полета, он — надо отдать должное — не забыл своих старых товарищей.

А они, в свою очередь, не остались в долгу перед своим высокопоставленным другом, выполняли любое его пожелание. Благо оба они имели непосредственное отношение к материальным ценностям: Калинин был начальником хозяйственного, а Вошков — торгового управления МВД СССР, имели связи по всей стране. Шустрые хозяйственники будут опорой Юрия Михайловича во всех его делах и помыслах, им он будет поверять свои самые сокровенные планы. А планы Чурбанова уже в ту пору носили характер стратегических.

Бухара. 29 ноября 1978 года

Товар был самый что ни на есть неходовой: пуговицы и какие-то замызганные платки. Все это давным-давно уценили и теперь привезли в ее магазин для продажи. Мало того, привезли без документов. И вот теперь завскладом Худойназаров заставлял ее взять товар под свою ответственность.

— Ты понимаешь, не могу я принять без накладных,— рассерженно говорила заведующая магазином Кариева кладовщику,— не могу, и все тут.

— Зачем тебе накладные,— настаивал тот,— если на этот счет есть указание товарища Кудратова.

Директора Бухарского горпромторга Шоди Кудратова знал весь город, а может быть, и вся область. Это был лживый, хитрый и вместе с тем очень могущественный человек, перед которым трепетали буквально все: от молоденьких продавщиц до директоров крупных магазинов. Шоди Кудратову ничего не стоило оскорбить своего подчиненного самыми последними словами или избить его на глазах всего магазина. Тех, кто осмеливался выступать против директора горпромторга, он при помощи своих людей отправлял в тюрьму. Такие случаи были, и бухарские продавцы помнили о них постоянно. Несколько лет тому назад о злоупотреблениях Шоди Кудратова в партийные органы поступило анонимное письмо, а вскоре об этом же в своем фельетоне рассказал местный журнал «Муштум». Однако Кудратов спокойно пережил эти «мелкие» неприятности, а с его головы не упал ни один волосок. Все объяснялось очень просто: глава торговой касты Шоди Кудратов обладал чьей-то мощной поддержкой. Обо всем этом заведующая магазином знала прекрасно, понимала, что если Кудратов прислал товар без накладных, то, значит, это приказ и его нужно выполнять. Однако сделать так, как велит начальник, вдвойне опасно — как-никак подсудное дело. В общем, она отказалась.

В это время — легок на помине — сам Шоди Кудратов. Худойназаров волчком вертится, на ушко начальнику шепчет, что вот, мол, отказывается гражданочка. Побагровел Кудратов, заиграл желваками: «Ты что, в тюрьму захотела, уничтожу, выкину тебя с работы, как собаку, быстро принимай товар и гони деньги». Она пробормотала что-то невнятное, дескать, денег нет. Тогда выхватил ключ, открыл сейф и вытащил оттуда всю дневную выручку — около тридцати тысяч. Пересчитал, потребовал еще. Деньги были только в кассе — рублей пятьдесят. Кудратов забрал и их. Что делать? Как погасить тридцатитысячную недостачу? Пришлось завысить цену и распихать все эти пуговицы и платки в наборы из ходового фарфора.

Вскоре в магазин неожиданно нагрянули работники районного ОБХСС. Началась проверка. Все перевернули вверх дном, все перепотрошили. И нашли японские платки, которые она по невнимательности забыла сдать на склад. Составили акт. Приехал Кудратов с каким-то милиционером. Долго орали на нее, обзывали как только могли. Потом опечатали магазин. Вечером Кудратов вызвал ее к себе. Прошипел злобно: «Слушай ты, стерва, утром принесешь пять тысяч и можешь открывать магазин». Только теперь догадалась она, что вся эта проверка подстроена директором горпромторга только для того, чтобы выудить у нее новую взятку. А денег не было. Не выдержали нервы, расплакалась. Но Кудратова разве слезами проймешь? Рассвирепел пуще прежнего. «Какая ты тварь неблагодарная,— говорит,— ведь я с таким трудом уговорил их. Иди куда хочешь и принеси деньги!» Прямо от Кудратова пошла к сестре. Объяснять ничего не стала, умоляла только спасти, выручить чем может. Собрали три тысячи. Утром отнесла их Кудратову. Пересчитал, ругал, что мало. Сунул деньги в ящик стола, буркнул примирительно: «Иди работай».

Материалы дела.

Кариева: «По четвергам и воскресеньям почти все магазины торга принимали участие в рыночной торговле. В эти дни обман покупателей принимал массовый характер, так как все мы торговали по ценам, установленным Кудратовым».

Умаров — заведующий магазином: «С приходом на должность директора горпромторга Кудратов обложил всех завскладов и завмагов «налогом» за отпуск в магазины ходовых товаров, которые мы были обязаны продавать по установленным им завышенным ценам. Отказывавшихся Кудратов подвергал гонениям, нередко шантажировал, прибегая при этом к различным мерам воздействия, запугивал тюрьмой. Поэтому мы и вынуждены были систематически обсчитывать покупателей и давать Кудратову взятки».

Кадыров — адвокат: «К тому времени уже ни у кого не было сомнения, что в Бухаре действует мощная, организованная группа расхитителей и взяточников. Отсутствие контроля и подавление всякой критики в их адрес развязало руки директору торга Кудратову, а поэтому ограбление населения приняло массовый и более открытый характер».

Кудратов Шавкат: «...я никогда не видел, чтобы отец дома читал газеты, книги или смотрел телевизионные передачи, такого не было. Этим я и могу объяснить его невежество, алчность, ханжество по отношению к людям и к нам — его детям».

Власть Шоди Кудратова была невелика, но вполне достаточна, чтобы грабить и эксплуатировать народ. Стоя у истоков распределения материальных благ, он мог себе позволить назначить на них свою собственную цену, собирать дань с государственных предприятий, решать, как и в каком виде эти блага будут переданы народу. Он. Сам. Единолично. Разветвленная сеть коррупции, продажность контролирующих органов снизу доверху породили ту самую ситуацию, когда экономическая и даже политическая власть районов, областей, республик встала на службу интересов преступных синдикатов. Элита власть имущих день ото дня богатела. Ограбленный ею народ влачил жалкое существование, безмолвствовал и терпел. Роптать было бессмысленно. Шоди Кудратов не раз любил повторять: «Закон — это я». Говорить так он, к сожалению, имел полное основание. Ведь в Бухаре каждому было известно: Кудратов пользуется поддержкой первого секретаря Бухарского обкома партии Каримова, а его финансовые аферы охраняет начальник областного ОБХСС Музаффаров. Ни для кого не составляло секрета, что директор горпромторга им исправно платил.

Ташкент. Весна 1979 года

К началу 1979 года положение Хайдара Халиковича Яхъяева стало крайне неопределенным. Расследование дела Курбанова осложнило отношения министра с Николаем Щелоковым, а война с Кашкадарьинской оппозицией окончательно подорвала его авторитет в ЦК Компартии Узбекистана. Почувствовав нешуточные колебания министерского кресла, Хайдар Халикович попытался заручиться поддержкой заместителя министра по кадрам Юрия Чурбанова. Однако это был заведомо неверный расчет. Зная о давнишней дружбе Яхъяева с Николаем Анисимовичем Щелоковым, Чурбанов вовсе не горел желанием стимулировать эти отношения и впредь. Пусть сами разбираются. Кроме того, после всех проколов, он не мог поддерживать Яхъяева. Ссориться с Рашидовым — зачем это надо? Такой обходительный человек. Да к тому же товарищ тестя. Словом, Юрий Михайлович даже пальцем о палец не ударил, чтобы вытащить Хайдара Халиковича из пренеприятнейшей ситуации. Он был ему не нужен. В Узбекистане Чурбанову требовался свой министр — преданный до самозабвения. Но вначале надо убрать Хайдара.

Подловить Яхъяева на пустяке ничего не стоило. Все знали о его многочисленных связях с женщинами, да он и не скрывал этого в последние годы: знакомые «дамы» Хайдара Халиковича работали даже в аппарате МВД, получая за свою дружбу звания и хорошую зарплату. Кроме этого, в деятельности Министерства внутренних дел Узбекской ССР было немало как мелких, так и серьезных недостатков, выявить которые даже при самой поверхностной проверке не составляло большого труда.

И эта проверка не заставила себя долго ждать. Потом еще одна, и еще, и еще. Об их результатах докладывалось лично Юрию Михайловичу Чурбанову. И в каждой справке подчеркивалось: «аморальные поступки и грубые нарушения соцзаконности».

Материалы дела.

«Дело Яхъяева держалось в большом секрете. Я проверял на него несколько анонимок. Речь шла о конспиративной квартире, которую тот отдал своей любовнице. После проверок мы возвращались и сообщали, что кандидат в члены Политбюро товарищ Рашидов не советовал проверять эти письма.

На каком-то этапе начальник управления кадров Дроздецкий, который пришел в нашу систему из КГБ, решил концентрировать у себя в руках все материалы на Яхъяева. Для этого у него была даже заведена специальная папка. Оперативно-технический отдел МВД Узбекистана, в чьем распоряжении находилась подслушивающая аппаратура, предоставил в наше распоряжение компрометирующие Яхъяева фотографии и магнитофонные записи. Вскоре в Москву начали вызывать всех сотрудников, которые что-либо могли сказать о Яхъяеве. Стали брать с них показания. Не официально, естественно, а тайно, под разными предлогами. Руководил всем этим Чурбанов».

Яхъяев: «Уже через несколько лет его работы на посту управляющего делами стало заметно, каким уважением и авторитетом он пользуется в ЦК. Особенно близкие, доверительные отношения сложились у Умарова с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Рашидовым... Близкие отношения Умарова и Рашидова, постоянное выполнение им множества поручений Рашидова, его реальное влияние в ЦК постепенно привели к тому, что Умарова стали называть «шестым секретарем ЦК». «Весной... я приходил по делам в ЦК Компартии Узбекистана и встретился с Умаровым. Я стал жаловаться Умарову на свои беды, что меня замучили проверками. Умаров всегда хорошо ориентировался в кадровых вопросах, всегда знал, что и как происходит. Из разговора с ним я понял, что ему известна моя ситуация. Причем он посочувствовал мне и сказал, что постарается выяснить по своим каналам, как обстоят мои дела, и поговорит обо мне с нужными людьми».

Умаров: «В 1978 году на Яхъяева в Москву стало поступать множество жалоб о его злоупотреблениях, о моральном разложении и других негативных фактах. Как мне помнится, в начале 1979 года в ЦК уже пошли разговоры о том, что Яхъяеву осталось недолго работать, много недовольных его поведением. Рашидов внешне соблюдал нейтралитет, даже заступался за Яхъяева. Одним словом, положение Яхъяева резко пошатнулось, в его поведении также чувствовалась неуверенность».

Карши. Весна 1979 года.

Конечно же, первый секретарь Кашкадарьинского обкома партии Рузмет Гаипов был осведомлен о неминуемом падении своего недруга Хайдара Яхъяева. Казалось бы, можно торжествовать. Однако Рузмета Гаиповича занимали совсем другие мысли. Министерский портфель освободится в ближайшие месяцы. Кто возьмет его в свои руки? Чей ставленник? Естественно, пока жив Рашидов, он не позволит занять вакантное место постороннему человеку, а значит, будет искать кого-то из своих, преданных и послушных. Впрочем, в этих поисках ему можно помочь, подсказать необходимую кандидатуру. Такую, чтобы Шараф Рашидович был вполне доволен. Например, Кудрата Эргашева. Он хотя человек и недалекий, но «свой в доску», что ему скажешь, то и сделает, ненавидит Яхъяева. К тому же из каршинских, и уж если он, Рузмет Гаипов, как-то ему в этом деле поможет, век того не забудет, отработает нажитое, как положено. Внушить Рашидову все это не составит большого труда, ведь их связывает многолетняя дружба и взаимное доверие. Что касается МВД СССР, то и тут можно найти соответствующую поддержку: много раз по-приятельски общались с министром Щелоковым, знакомы их сыновья. Да и Юрию Чурбанову требовались на местах свои люди. Словом, настало время решительных действий. Медлить в этом вопросе больше нельзя.

Расчет Рузмета Гаипова был гениально прост и верен. Кандидатура начальника УВД Кашкадарьинской области Кудрата Эргашева прошла на «ура». Никого не смутило, что еще в 1963 году он был предупрежден о неполном служебном соответствии «за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям и укрытии от учета уголовных проявлений», что по единодушному мнению милицейских профессионалов человек это был никудышный, а его деловой интеллект остался на уровне рядового милиционера, никого не остановили многочисленные жалобы об эргашевских злоупотреблениях, его хамство и неприкрытые холуйские замашки. Вскоре Кудрат Эргашев отбудет в Москву для кратковременной учебы в Академии МВД СССР. Вернется он оттуда уже министром.

Досье.

Эргашев Кудрат родился 14 мая 1932 года в колхозе имени Социализма Среднечирчикского района Ташкентской области. С 12 лет работал колхозным учетчиком, а затем бухгалтером заготхлоппункта № 2. Вскоре после окончания средней школы поступил на учебу в спецшколу КГБ СССР, где ему было присвоено звание лейтенанта госбезопасности. Однако с работой в КГБ у него что-то не вышло, и Эргашев становится оперуполномоченным Чирчикского БХСС. В 1962 году оканчивает Ташкентский институт народного хозяйства по специальности финансы и кредит. И вскоре назначается начальником райотдела милиции. Некоторое время Эргашев проработал в центральном аппарате МВД Узбекской ССР, после чего направляется начальником УВД в Кашкадарьинскую область. Оттуда переводится в Наманган и вновь возвращается в Карши. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, многочисленными грамотами и нагрудными знаками МВД СССР.

Материалы дела.

Бегельман — бывший заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР: «Если прежний министр Яхъяев хоть и был взяточником, зато знал дело и умел организовать работу, то Эргашев имел весьма посредственные организаторские способности, был человек недалекий, недальновидный, некомпетентный и больше заботился о своем кармане, чем о деле, ему порученном. Постепенно Эргашев постарался заменить многих должностных лиц в аппарате министерства и на местах угодными себе людьми, а другие, приверженцы Яхъяева, быстро нашли путь к сердцу нового хозяина путем дачи ему взяток».

Кахраманов: «Эргашев серьезно разложил за годы работы на посту министра кадры в системе органов внутренних дел республики. Взяточничество в этой системе среди руководящих работников стало повсеместным, обычным. Руководители с мест подстраивались под Эргашева, в областях шло свое разложение. Конечно, все это наблюдалось еще при Яхъяеве, но в период Эргашева достигло больших размеров».

Nota bene! А что же Хайдар Яхъяев? Неужели примирился со своим столь стремительным падением?

Вполне естественно, что его настроение оставляло желать лучшего. Однако дела складывались не так уж плохо. Шараф Рашидович, будучи лично заинтересован в столь ценном человеке, подыскал Хайдару Халиковичу вполне престижную должность первого заместителя председателя республиканского Комитета народного контроля. Правда, в КНК уже был один первый заместитель — один из многочисленных родственников Рашидова. Однако Совет Министров республики не принял во внимание это обстоятельство, видимо, ввиду его незначительности. Где один первый зам, там и два.

В общем-то Шарафу Рашидовичу было выгодно держать Яхъяева где-то под боком. Хайдар Халикович слишком много знал, располагал гигантской информацией о взяточничестве и коррупции не только на низовых уровнях, но и в высших эшелонах республики. Порвать с ним всяческие отношения означало нажить смертельного, а главное, очень сильного врага. Этого Шарафу Рашидовичу не хотелось. По некоторым имеющимся у меня сведениям, Рашидов думал даже в перспективе назначить Яхъяева на должность председателя КНК, всеми силами удерживал его в составе членов ЦК Компартии Узбекистана. Однако этому активно воспротивился Отдел административных органов ЦК КПСС, срочным порядком подключили к делу члена Политбюро Константина Черненко, и Рашидов в конце концов сдался. Из-за такого пустяка идти на конфликт с одним из ближайших соратников генсека было нецелесообразно.

В июне Хайдар Халикович в последний раз ездил в Москву на прием к Николаю Анисимовичу Щелокову. И хотя к тому времени вопрос об отстранении Яхъяева с должности уже был решен, от Щелокова зависело еще очень многое: как пройдет коллегия, каковы будут основания увольнения, какую назначат пенсию. Все это волновало Хайдара Халиковича чрезвычайно.

Встретил Николай Анисимович ласково, по-доброму, словно и не было того недавнего охлаждения. Сидели часа два. Пили чай. Разговаривали. Много вспоминали. Как начинали работать, как жили, как трудности преодолевали. Николай Анисимович настоятельно советовал, чтобы отставку воспринял как должное и никогда больше не вступал в схватку с большими людьми, все равно бесполезно.

Так кончилась в системе МВД эпоха профессионалов. Им на смену шли дилетанты. Во главе — Юрий Чурбанов.

(Продолжение следует.)

ЧЕГО НАМ ЭТО СТОИЛО!

ДВА ОТКЛИКА НА СТАТЬЮ «ПОЛУРЕАБИЛИТАЦИЯ»

В вашем журнале № 48 от ноября 1988 г. помещена статья Тома Емельянова «Полуреабилитация» о великом русском артисте Ф. И. Шаляпине. В этой статье искажена история с опубликованным 14 апреля 1938 года в газете «Известия» некрологом о смерти Ф. И. Шаляпина, ложно приписанным мне.

Некролог был подписан моим именем жульническим приемом: сотрудник газеты чудовищно исказил беседу по телефону, текст которой мне перед публикацией не показывался, не подписывался, содержал высказывания, которые я никогда не разделял, прямо противоположные моим чувствам и мыслям.

По моему письму редакция «Известий» провела расследование, которое подтвердило изложенные мною факты. Об этом 22 апреля 1938 года было опубликовано сообщение «От редакции» следующего содержания: «В «Известиях» от 14 апреля был помещен отклик на телеграмму о смерти Шаляпина за подписью народного артиста СССР М. О. Рейзена. Тов. Рейзен М. О. обратился в редакцию с заявлением, что он такой заметки не писал, что с ним была лишь беседа по телефону сотрудника газеты, причем в заметке грубо искажены высказанные им в беседе мысли о Шаляпине как художнике.

Редакция провела расследование и установила, что заявление тов. Рейзена М. О. полностью соответствует действительности. Заметка была составлена сотрудником редакции на основании беседы с тов. Рейзеном М. О. по телефону и впоследствии тов. Рейзену М. О. не показывалась. Заметка резко расходится с тем, что было сказано в беседе сотруднику редакции о Шаляпине как художнике.

Редакция считает необходимым извиниться перед тов. Рейзеном М. О. Сотрудник редакции А. Эфроимсон, применивший метод, не допустимый в советской печати, исключен из состава работников «Известий»».

Можно себе представить, чего мне стоило добиться публикации опровержения в том самом 1938 году, когда официальная точка зрения на творчество и личность Ф. И. Шаляпина была общеизвестна...

Не дав себе труда проверить факты, Том Емельянов нанес мне оскорбление, заявив в статье, что якобы я «подмахнул» некролог. Этого не могло быть.

Мне нанесен страшный удар в мои 93 года, из которых более половины века отдано бескорыстному служению искусству. Брошена тень на мое отношение к великому художнику, перед которым я всегда преклонялся, и счастлив был от недавно состоявшейся встречи с сыном Шаляпина — Федором Федоровичем.

Марк РЕЙЗЕН, народный артист СССР

Я категорически опровергаю ложь о том, что «...Рейзен «подмахнул» «слепленный» по заданию руководства редакции неким Эфроимсоном текст» в статье «Полуреабилитация».

Никакого текста я не «слеплял», никакого текста Рейзен не «подмахивал», так как никакого текста не существовало и речь идет о ночном телефонном интервью.

Именно я сопротивлялся организации навязанного Рейзену «отклика». Получив приказ взять беседу с Рейзеном (в угодном для редакции духе), я, сдавая ее, дважды заявил: «Я выполнил то, что вы мне приказали, но убедительно прошу не давать этого».

Несмотря на последовавшую вскоре расправу со мной, все минувшие десятилетия сочувствовал Рейзену...

Но почему, когда я передал Рейзену задание редакции,— высказаться резко отрицательно о Шаляпине, он не отказался это сделать, а, наоборот, спросил: «Что я должен сказать?»

Почему в течение двух дней после опубликования интервью, о котором мы договорились, он не подавал голоса, и, лишь когда появились гневные звонки и письма в его адрес, он начал звонить в редакцию, заявляя, что его интервью извращено и т. д.?

Кто же виноват в извлеченной автором «Огонька» из пятидесятилетнего прошлого печальной истории — Рейзен или интервьюер?

Ни тот, ни другой.

В трижды проклятые 1937—1938 годы уцелевший заместитель Бухарина каждый день мог ожидать ареста и гибели. Отсюда его грубейший промах. Проявив себя профаном в искусстве и приспособленцем в политике, он приказал снять в ночной спешке отличную статью Гольденвейзера и заменить ее «откликом», который он по невежеству счел нужным...

Многое мог бы я пояснить, о многом рассказать дополнительно, что свидетельствовало бы о моей правоте. Поэтому выражаю просьбу снять с меня ложные обвинения.

А. ЭФРОИМСОН, участник ВОВ, персональный пенсионер, ветеран радио, телевидения и печати

ОТ РЕДАКЦИИ:

ИСТОРИИ, ПОДОБНЫЕ ТОЙ, ЧТО СЛУЧИЛАСЬ С АВТОРАМИ ДВУХ ПРИВЕДЕННЫХ ВЫШЕ ПИСЕМ, ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ВСПЛЫВАЮТ СЕЙЧАС ИЗ ТОЛЩИ ВРОДЕ БЫ ПОДЗАБЫТЫХ, ДАВНО УШЕДШИХ ЛЕТ. КАК ЭХО, ОТЗЫВАЮТСЯ В ПАМЯТИ, БЕРЕДЯТ ДУШИ. ВСЕ ПОТОМУ, ЧТО В ТЕ СВИНЦОВЫЕ ВРЕМЕНА ИЗЛОМАННОЕ, НЕЕСТЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧАСТО КАЗАЛОСЬ ЛЮДЯМ ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫМ.

УРОК ЖЕ В ТОМ, ЧТО НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО. ПУСТЬ ОБ ЭТОМ ЗНАЮТ И ПОМНЯТ ТЕ НЫНЕ ЖИВУЩИЕ, КТО СЕГОДНЯ, ПОДДАВШИСЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ ЛИ, ЧИНОВНИЧЬЕМУ ЛИ ПОВЕЛЕНИЮ, СОВЕРШАЮТ МАЛЕНЬКИЕ УСТУПКИ, СДЕЛКИ С СОВЕСТЬЮ. ВСЕ БУДУЩИЕ СТРАХИ РОДОМ ИЗ ПРОШЛОГО.

КАК РАБОТАЕТ ТАМОЖНЯ СЕГОДНЯ, ЧТО ОЗНАЧАЕТ ФОРМУЛИРОВКА: «В ПРЕДЕЛАХ ЛИЧНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ», ДЛЯ ВСЕХ ЛИ ЗАКОН ОДИНАКОВ, КУДА ДЕВАЮТСЯ КОНФИСКОВАННЫЕ ВЕЩИ, БУДЕТ ЛИ ОТМЕНЕН НА ТАМОЖНЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ — ОТВЕТЫ НА ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ МЫ ПОПРОБОВАЛИ ПОЛУЧИТЬ В ТАМОЖНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АЭРОПОРТА «ШЕРЕМЕТЬЕВО-2».

Марина КАТЫС

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ПРАВОЕ КРЫЛО

В «Шереметьево-2» мы с фотокорреспондентом приехали в середине дня, не успев пообедать и надеясь перекусить в буфете аэропорта. Но то, что мы увидели в правом крыле, честно говоря, отшибло у нас аппетит: сохнущие на ограждении ползунки, горы багажа, спящие на полу люди... На черном гранитном полу — ярким пятном — красный пластмассовый детский горшок. Тут же мать кормит грудью младенца; около узлов прикорнули старик со старухой; кричат дети — кто-то подрался, кто-то не хочет есть, этот просто капризничает от усталости... Рядом бабушка пеленает семимесячного внука, а где сушить пеленки? Тоже на ограждении! И все это происходит в пяти метрах от стоек таможенного контроля...

«Иначе как безобразием это не назовешь,— говорит заместитель начальника Шереметьевской таможни Слепченко А. В.,— полное неуважение к людям. А связано это в первую очередь с тем, что в настоящее время Аэрофлот не имеет возможности разместить этих людей в гостинице. Для таких категорий пассажиров у нас здесь гостиниц нет».«А для каких категорий есть гостиница?» — спрашиваю я. «Для транзитных пассажиров, то есть для иностранцев»...

А что же делать людям, которые пока еще являются гражданами СССР и вынуждены по трое суток жить с детьми на полу в помещении аэропорта? Ведь в сутки в «Шереметьево-2» оформляется до ста с лишним семей (а одна семья — это в среднем 6—8 человек) и соответствующее количество багажа. Не связана ли создавшаяся ситуация с тем, что «отъезжающие» у нас всегда считались чуть ли не предателями?

Профсоюзный комитет и администрация Шереметьевской таможни неоднократно обращались к руководству Аэрофлота с просьбой както разрешить эту проблему, но не смогли ничего добиться. В Главном управлении государственного таможенного контроля (ГУГТК) лишь подтвердили: таможня сама решить эту проблему не может, а те попытки, которые были предприняты с участием различных подразделений главка (например, организовать прием багажа в других местах — в «Шереметьево-1», в Москве), ни к чему не привели.

Пока же идет спор между Аэрофлотом, Мосгорисполкомом и ГУГТК, как лучше устроить судьбу этой категории пассажиров, мы решили побеседовать с самими пассажирами: семья из 8 человек, немцы из Караганды, отбывающие на постоянное жительство в ФРГ.

— Сколько дней вы живете в здании аэропорта в таких условиях?

— Третий день, завтра улетаем.

— Какого возраста у вас дети?

— 6 месяцев, 4 года, 7 лет и 11 лет. Конечно, в таких условиях жить очень тяжело, о чем говорить...

Они обязаны предъявить багаж на таможню за сутки до вылета, а таможня должна за эти сутки его досмотреть. И, надо сказать, не было случая, чтобы таможня не выполнила своих обязательств, хотя в связи с возросшим потоком пассажиров работы у нее сильно прибавилось. Все эти люди стекаются в аэропорт — больше им в столице деться некуда. Они укладывают детей спать на ящиках, занимают кресла и стоясики, предназначенные для заполнения таможенных деклараций, они перегораживают своим багажом проходы к таможенным стойкам и мешают работе таможенников...

Больно смотреть на измученных всей этой сутолокой детишек и дико видеть спящих на полу среди суеты международного аэропорта. Ведь эта проблема не обрушилась на голову соответствующих ведомств внезапно, эмиграционный поток стабилизировался на достаточно высоком уровне еще в начале того года и пока спадать не собирается.

«В ПРЕДЕЛАХ ЛИЧНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ»

Однако таможенный контроль пассажиры проходят не только на выезде из страны, но и на въезде. И для советских граждан, возвращающихся из деловой или туристической поездки, контроль на въезде гораздо существеннее, чем на выезде. Потому что «предметы, запрещенные или ограниченные к вывозу» большинству известны — это золото, икра, валюта, произведения искусства и тому подобное.

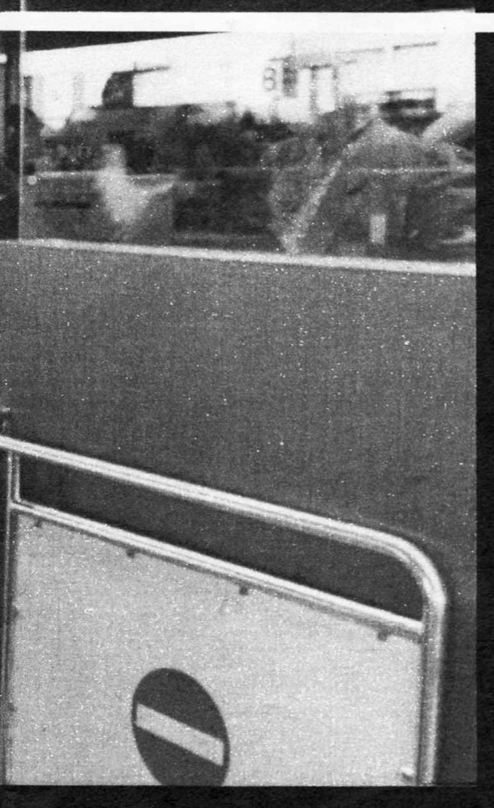
А вот что касается ввозимых товаров — здесь все гораздо сложнее и неопределеннее. К ныне действующим таможенным правилам существует приложение в виде огромной кипы различных дополнений и инструкций, которые издаются тысячными тиражами с исходящими номерами и которые даже инспектор просто не в состоянии запомнить. Новый таможенный кодекс разрабатывается уже второй год, отменено более 400 постановлений и инструкций, которые, по свидетельству самих таможенников, часто противоречили друг другу.

Остается только непонятным, почему до сих пор не преданы гласности те инструкции, которые существуют. Ведь большинство попыток провезти вещи, скрыв их от таможенного контроля, связано с тем, что люди просто не знают правил. Почему пассажиры узнают о них, только приехав в «Шереметьево-2»? ГУГТК вышло с предложением издавать собственный журнал, но у таможенной службы нет полиграфической базы. И хотя этот вопрос обсуждается с 1986 года, ничего определенного о сроках его решения сказать нельзя.

Пока же таможенники в своей работе руководствуются существующими правилами, в которых основным критерием количества провозимых вещей является такая формулировка: «приобретенные на легально полученную валюту». Но в связи с дефицитом в нашей стране почти всех предметов, ввозимых из-за рубежа, было введено дополнительное ограничение: «в пределах личных потребностей», которое расшифровывается так — количество предметов, необходимое для нормального удовлетворения материальных и моральных потребностей человека. На деле же «личные потребности» пассажира определяет инспектор таможенной службы, от его настроения и от расположения звезд в этот день над вашей головой зависит, пропустит он 5 мужских сорочек или 10. Например, гражданин, проживший за границей менее одного года, может ввезти в нашу страну 5 чистых видеокассет, проживший более года — 20. Количество же видеокассет с записями — опять же «в пределах личных потребностей». А если тов. Петров — слесарь, а тов. Иванов — кинодраматург, как определить их «личные потребности» и могут ли они быть уравнены? Допустим, тов. Иванов сможет объяснить инспектору свою профессиональную заинтересованность. А что делать тов. Петрову, если он увлекается кино не меньше, чем кинодраматург тов. Иванов? Сможет ли он доказать инспектору, что его «личные потребности» не уступают потребностям тов. Иванова? Думается, вряд ли.

С чем же связаны столь жесткие ограничения на ввоз товаров в СССР? Причин к тому, насколько я поняла, две. Первая из них — страх перед мутной волной спекуляции, но так ли она неизбежна? Тем более, что само государство совершенно спокойно закупает за рубежом оборудование и товары широкого потребления по достаточно низким ценам и продает их населению внутри страны по совершенно другим и очень высоким ценам. Почему же таможня арестовывает товар, вместо того чтобы взять с него пошлину и разрешить к ввозу? При наличии прогрессивной пошлины везти большие партии товаров станет просто невыгодно. Казалось бы, таможня должна работать на пользу государству и населению, а совсе не быть каким-то забором, не пропускающим ни туда, ни обратно.

ОЖНЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА

ЗАКОН ОДИНАКОВ ДЛЯ ВСЕХ?

Кроме обычных стоек таможенного контроля, в таможенном зале существует проход для лиц с дипломатическими паспортами и официальных делегаций. По свидетельству начальника отдела по борьбе с контрабандой Шереметьевской таможни М. В. Ванина, именно через дипломатическую стойку идет самый большой поток неорганизованной контрабанды. И связано это с тем, что таможенный контроль здесь носит чисто формальный характер.

«У нас через дипстойку идут толпы людей, которые никакого отношения к дипломатам не имеют,— говорит председатель профкома Шереметьевской таможни Л. Н. Жура.— Есть правила, но в порядке исключения мы выпускаем».

Действительно, почему Герой Социалистического Труда пользуется правом прохода через дипстойку и освобождается от таможенного контроля в отличие от такого же гражданина, но не Героя Социалистического Труда? Ведь оба они — граждане одного государства и равны перед законами этого государства. Почему в таможенных правилах предусматривается наличие категории людей, к которым закон снисходителен? Почему эти правила предполагают дифференциацию людей не по служебной принадлежности (дипкорпус есть дипкорпус), а по каким-то знакам отличия? Разве у нас существует несколько видов законодательств, одно — для героев, другое — для уборщиц, третье — для отличников учебы и политической подготовки?

«Это безусловный недостаток наших таможенных правил,— продолжает Л. Н. Жура.— В Англии, например, от таможенного контроля освобождено только одно лицо — английская королева. Но ее муж проходит таможенный контроль, как и все граждане страны. Через дипломатическую стойку должны идти только люди с дипломатическими паспортами, но кроме советских граждан, имеющих дипломатические паспорта. Потому что советские дипломаты на территории СССР являются обыкновенными советскими людьми, которые должны выполнять все положения нашего законодательства: уголовного, жилищного, таможенного».

Интересно, как отнесутся к такому предложению советские дипломаты?..

СКЛАД

Конфискация и принятие вещей на хранение — понятия различные. На хранение принимаются вещи, запрещенные или ограниченные к ввозу на территорию СССР, но не сокрытые от таможенного контроля, их владелец имеет право востребовать в течение двух месяцев при выезде за рубеж. Конфискации подлежат в первую очередь товары, не предъявленные таможенному контролю. Попробуем разобраться в этом вопросе на примере столь популярных в нашей стране джинсов, которые не ограничены и не запрещены к ввозу. Но некоторые везут их в «товарном количестве», то есть с целью последующей продажи. Обычно в таких случаях партию стараются скрыть от таможенного контроля. Когда это обнаруживается (а техника нашим таможенникам позволяет видеть очень многое), происходит конфискация.

Что такое склад конфискованных вещей? Это ряд комнат, достаточно больших, со сплошными стеллажами от пола до потолка, буквально забитыми теми товарами, которые вы никогда не встретите на прилавках наших магазинов. Это трикотажные и джинсовые изделия, обувь, радиотехника (ее больше всего), видеотехника, электронные часы, рулоны тканей, платки... Стоимость этих товаров — миллионы рублей.

Но куда поступают эти конфискованные товары, спросите вы. Они же не могут храниться на складе вечно?! Безусловно, не могут. И они — в установленном порядке — поступают на базу. Но где и как происходит их реализация?

Инспектор таможенной службы 2-го ранга Жура Л. Н.: «По инструкции Минфина мы должны сдавать эти товары на базу Госфонда вместе с инспектором районного финотдела. После соответствующей процедуры товары поступают на базу Госфонда, товаровед оценивает их по каталогу, но цены устанавливает просто смехотворные. На прилавки комиссионных магазинов эти товары не попадают, потому что реализуются на месте».

Инспектор таможенной службы 1-го ранга Алесковский В. Ю.: «Оцениваются эти товары по откровенно заниженным ценам, что и настораживает. Более того, и это я говорю с полной ответственностью за свои слова, если провести рейд ОБХСС и проследить путь товаров, которые задерживаются таможней, затем оцениваются районным финотделом и уходят на базу на Соколиной горе, то большую часть этих товаров вы в комиссионных магазинах не найдете».

НИЧТО НЕ ЦЕНИТСЯ ТАК ДОРОГО...

Идет регистрация на рейс № 1391 Москва — Франкфурт. Пассажиры проходят таможенный контроль, у стойки — инспектор (девушка лет 28).

— Скажите, пожалуйста, как часто вам приходится сталкиваться с неуважительным отношением со стороны пассажиров?

— Ежедневно. Каждый десятый пассажир в той или иной форме проявляет неуважение к инспектору. Пассажиры считают, что труд у нас «грязный», что мы копаемся в их багаже, надеясь что-то там для себя найти...

Но тут в разговор вступает пассажирка, у которой инспектор досматривает багаж:

— Отношение советских таможенников очень недоброжелательное. Без улыбки, без уважения... Словно я украла что-нибудь. Но должна заметить, что сегодняшний контроль был самый «приятный» из всех, что я проходила в течение последних 10 лет.

Наш разговор о таможенном контроле привлекает внимание других пассажиров, ко мне подходит молодая женщина:

— Я тоже десять лет путешествую. Раньше даже моего маленького ребенка раздевали при таможенном контроле, что-то искали... А вот за последние три-четыре года таможенники стали гораздо вежливее, но раньше было что-то ужасное... Так что перемены есть, и очень заметные.

Да, перемены, конечно, есть. Но количество жалоб со стороны советских граждан, которые сталкиваются с таможней, по-прежнему достаточно велико. Жалуются и на некорректное поведение инспекторов, и на случаи вольного обращения с личными вещами граждан (иными словами — незаконное изъятие вещей), и на грубость. Профсоюзный комитет таможни единственный путь борьбы с такими нарушениями видит в кропотливой, ежедневной воспитательной работе. Безусловно, недостаток культуры — одна из причин всех этих безобразий, но — единственная ли? Конечно, культурный человек никогда не возьмет чужой вещи, он никогда не швырнет паспорт пассажиру. И если советский гражданин, у которого за плечами не один год общения с паспортистками, продавцами, приемщицами различных организаций, инспекторами исполкомов и другими «представителями власти», мужественно промолчит в ответ на такую акцию таможенника, то подданный другой страны не замедлит удивиться. А удивляется он в таких случаях в полный голос.

Но, конечно, встречаются и иные ситуации: пассажиры плохо информированы о правилах таможенного контроля, поэтому когда они сталкиваются с определенными запретами, то довольно резко выражают свое недовольство... Резко — это когда пьяный иностранец бьет по лицу женщину-инспектора, резко — это когда пассажир плюет в лицо таможенника, резко — это когда в адрес таможенного инспектора выкрикиваются нецензурные слова... И милиция предпочитает в такие инциденты не ввязываться.

С 1 января того года в Шереметьевской таможне приступил к работе новый отдел — отдел контроля за печатными и аутовизуальными материалами. До последнего времени политический контроль этих материалов осуществлялся специальным отделом пограничных войск КГБ и находился вне компетенции таможенной службы.

Но поскольку первоначальный контроль этих материалов при таможенном досмотре производили всетаки инспектора (руководствуясь утвержденными списками запрещенной к ввозу литературы), то все претензии граждан обрушивались на голову таможенных служащих. При этом руководство таможни не могло даже дать достаточно компетентного ответа на вопрос, насколько обоснованно задержаны материалы у тех или иных граждан, поскольку инструкции, которыми пользовались пограничники, носили закрытый характер.

Однако, хотя инициатива создания такого отдела исходила от Главного управления, уже сегодня сотрудники ГУГТК признают, что таможня оказалась не совсем готова к выполнению новых для нее функций. Сейчас составлена смета на крупную сумму для закупки необходимой аппаратуры. Проблема технического оснащения в основном решена. А вот с кадрами гораздо сложнее. Здесь нужны не только высокий профессионализм и культура, но и умение согласовать этот контроль с условиями демократизации нашего общества, что не так просто, как может показаться на первый взгляд.

До недавнего времени в нашей стране довольно широко применялись статьи 70 и 190[1] Уголовного кодекса РСФСР, и значительное количество литературы подпадало (вернее, подводилось) под действие этих статей. В настоящее время эта литература публикуется на страницах нашей периодической печати и издается отдельными книгами.

Так все же какая литература является антисоветской? Что такое антисоветская пропаганда на современном этапе развития нашего общества? На эти вопросы я попросила ответить сотрудников Шереметьевской таможни и Главного управления государственного таможенного контроля.

— Если честно — я не могу ответить. Я еще не до конца понял политику правительства по этому вопросу.

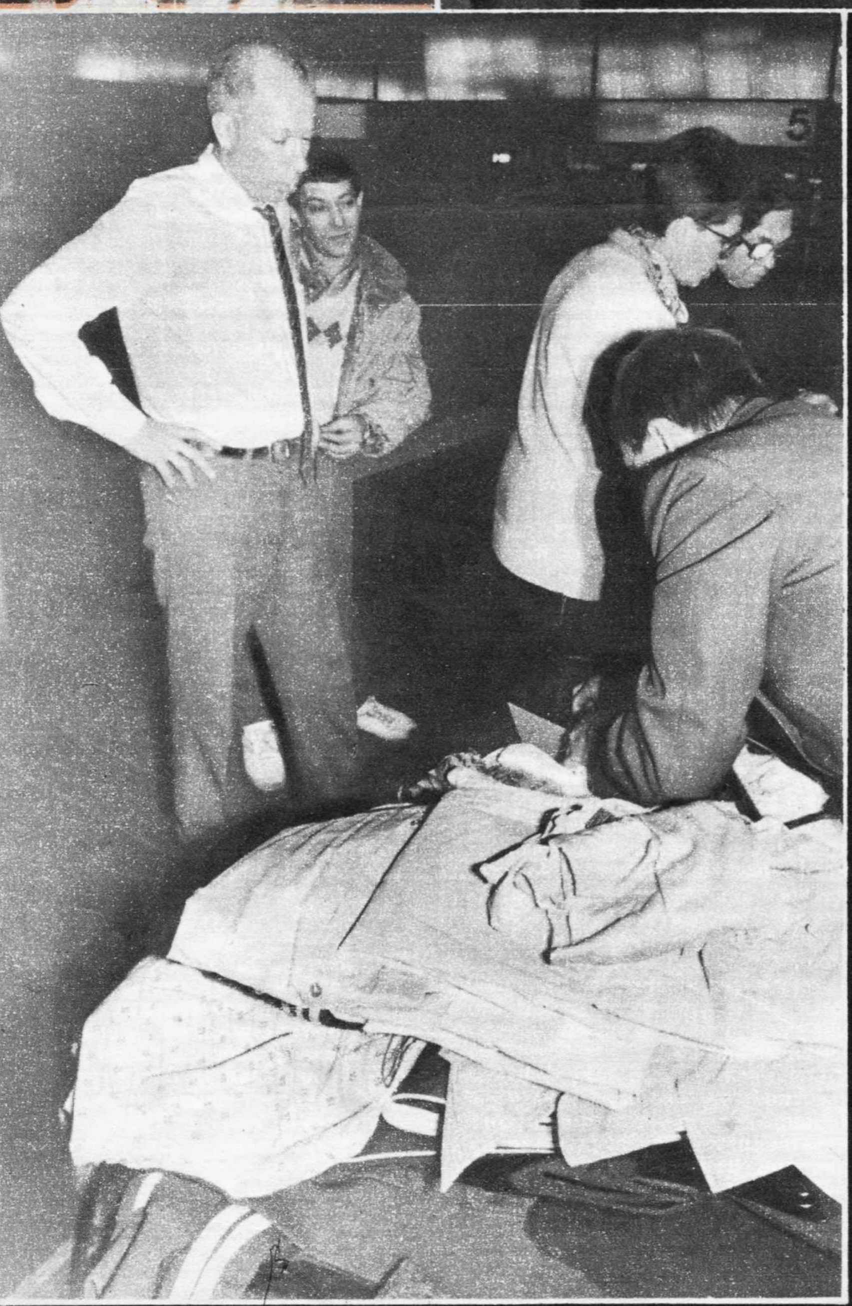
— Я думаю, что это понятие не изменилось, ведь политическая система осталась прежней.

— Это призывы к свержению социализма в нашей стране вооруженным путем.

А пока инструкции разрабатываются, оборудование закупается, отдел приступил к работе. Что же касается определения понятия "антисоветский", то... «курс обучения по этой специфике намечен для всех таможенников страны, будут проведены беседы, совещания и учебы на эту тему» — так пояснили мне в ГУГТК.

ПРОБЛЕМЫ...

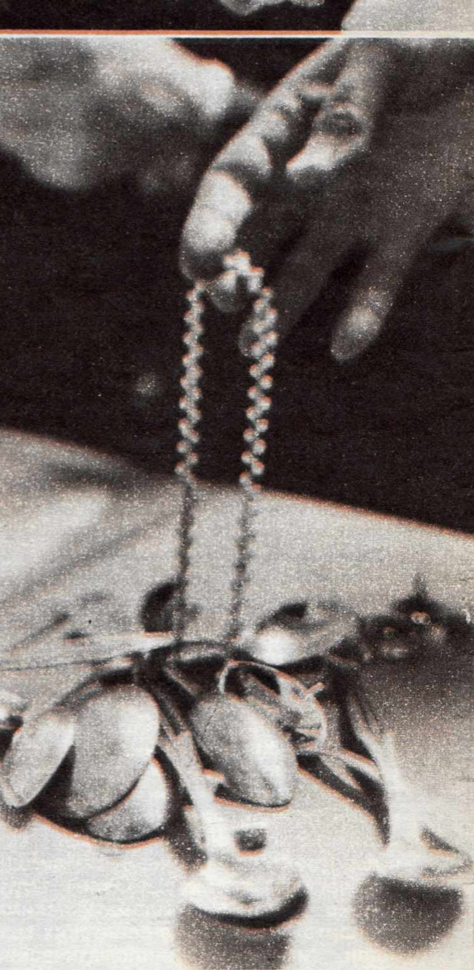
Думается, читателю будет небезынтересно узнать, что до 1917 года в царской России было 40 тысяч таможенных служащих. Департамент таможенных сборов Министерства финансов давал 15 процентов доходов государственной казны (а это была очень большая сумма!). Сколько же таможенных служащих было в Советском Союзе в середине 80-х годов? Около 2 тысяч! (Сейчас эта цифра приближается к 5 тысячам.) А доход, приносимый государству таможенной службой, составляет в настоящее время мизерную сумму. Причин столь жестокого разгрома не-

сколько: во-первых, были свернуты все контакты с заграницей, таможня стала не нужна; во-вторых, не было понимания того, что таможня может приносить хороший доход государству (например, Королевское общество акцизов и таможен Великобритании дает до 20 процентов доходов казны, китайская таможенная служба — 20 процентов, американская таможня дает казне около 18 миллиардов долларов ежегодно); в-третьих, со стороны государственных органов не уделялось достаточного внимания таможенной службе; наконец, таможни входили в состав Министерства внешней торговли, что было так же логично, как если бы ревизионная служба торговли подчинялась Министерству торговли (таможня просто не могла контролировать поток грузов, который перемещался через границу по каналам МВТ). Сейчас названные причины развала как будто устранены, но сколько еще существует причин неназванных...

Например, вопросы, связанные с кадрами и заработной платой. Работа таможенников действительно не из легких: через «Шереметьево-2» в сутки проходит до 22 тысяч пассажиров, а обслуживают этот поток на линиях таможенного контроля всего 130 человек. Зарплата же — 130—160 рублей плюс премии, но премии уже достигли своего потолка (20 процентов от фонда заработной платы), поэтому на них почти не скажутся те миллионы рублей дохода, которые таможня дала государству в 1988 году. И руководству таможни ничего не остается, кроме как стимулировать своих сотрудников к новым трудовым подвигам с помощью старого (и не оправдавшего себя) метода, а именно — все тех же моральных стимулов. Год назад Шереметьевская таможня поставила перед своим Главком вопрос: почему бы ей не перейти на хозрасчет? И что же? Оказалось, что само понятие хозрасчета несовместимо с понятием таможни — как контролирующей организации. А ведь таможенники все просчитали: их внеплановые доходы можно

планировать. (Единственно, что действительно нельзя планировать,— это контрабанду).

Что же касается самой процедуры досмотра багажа, то здесь намечаются большие перемены: изменится сама система таможенного контроля — он будет осуществляться по принципу «красного» и «зеленого» коридоров. В «зеленый» коридор будут идти те, кому нечего объявлять таможенному контролю, а в «красный» — те, кто считает, что ему есть что заявить: вещи, провозимые в товарном количестве,— чтобы решить вопросы пошлины, или вещи, запрещенные к ввозу,— чтобы сдать их на хранение в таможню.

Таможенная служба сейчас перестраивается, предстоит решить много вопросов: это и борьба с организованной контрабандой, и вступление в Совет таможенного сотрудничества европейских стран, и создание более гибких таможенных тарифов, и переориентация всей таможенной службы с контроля человека на контроль грузов... Будет ли намеченная программа успешно выполнена, во многом зависит от авторитета руководителя. Пока что...

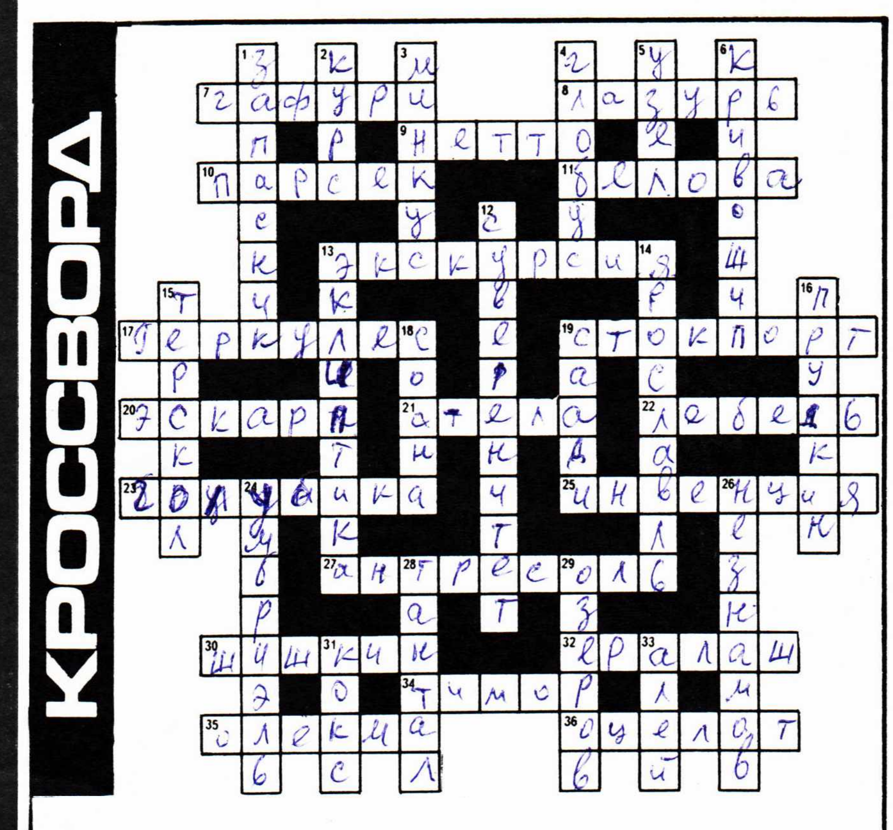
«Существующее положение в нашей таможенной службе в значительной степени определяется тем,— говорит инспектор таможенной службы 1-го ранга В. Ю. Алесковский,— что среди руководителей подчас встречаются некомпетентные в вопросах таможенной политики люди. Когда изменялись структура и подчиненность Главного таможенного управления, некоторые его подразделения возглавили люди, которые прямого отношения к таможенной системе не имели, а пришли с руководящих должностей других министерств и ведомств. Судя по издаваемым ими инструкциям, их компетенция, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Сейчас нашу систему лихорадит, и упорядочить ситуацию можно только одним способом — доверить руководство опытным работникам, болеющим за дело. Такие люди, безусловно, есть, и их знают в ГУГТК. Эти люди отличаются прогрессивными взглядами, смотрят «в корень» проблемы, но, похоже, именно эти качества и мешают им занять высокие руководящие посты».

Может быть, стоит прислушаться к мнению сотрудников одной из самых крупных таможен страны?

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Народный поэт Башкирии. 8. Светло-синяя краска. 9. Вес товара без упаковки. 10. Единица длины в астрономии. 11. Неоднократная чемпионка СССР, мира и Олимпийских игр по фехтованию. 13. Коллективное посещение музея, выставки. 17. Северное созвездие. 19. Город в Великобритании. 20. Противотанковое земляное заграждение. 21. Стоящая вертикально мемориальная каменная плита. 22. Декоративная водоплавающая птица. 23. Северный ягодный кустарник. 25. Небольшая музыкальная пьеса. 27. Настил под потолком для вещей. 30. Русский живописец и график, передвижник XIX века. 32. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 34. Один из Малых Зондских островов. 35. Приток реки Лены. 36. Большая дикая кошка, обитающая в южных лесах Америки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хранилище музейных экспонатов. 2. Направление движения корабля, самолета. 3. Композитор, автор балета «Дон Кихот». 4. Модель земного шара. 5. Единица скорости судна. 6. Звено механизма, преобразующее вращательные движения. 12. Полная независимость государства. 13. Большой круг небесной сферы видимого годичного движения Солнца. 14. Областной центр в РСФСР. 15. Ледник на склоне Эльбруса. 16. Народный артист СССР, актер МХАТа. 18. Вечнозеленое хвойное дерево. 19. Персидский писатель и мыслитель XIII века. 24. Спутник Урана. 26. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые». 28. Химический элемент, металл. 29. Кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 31. Вид твердого топлива. 33. Приток Оби.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

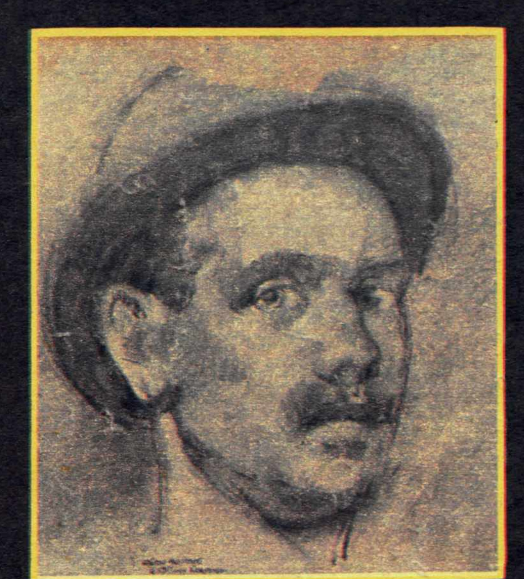
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Фельетон. 9. Каламбур. 10. Атлет. 11. Тремоло. 12. Ирбис. 13. Квадрат. 17. Гагарка. 20. «Елка». 21. Земляника. 22. Буер. 23. Юнга. 25. Цирюльник. 26. Коса. 28. Пришвин. 31. Обнинск. 34. «Думка». 35. «Одиссея». 36. Гусли. 37. Цикламен. 38. Окуджава.

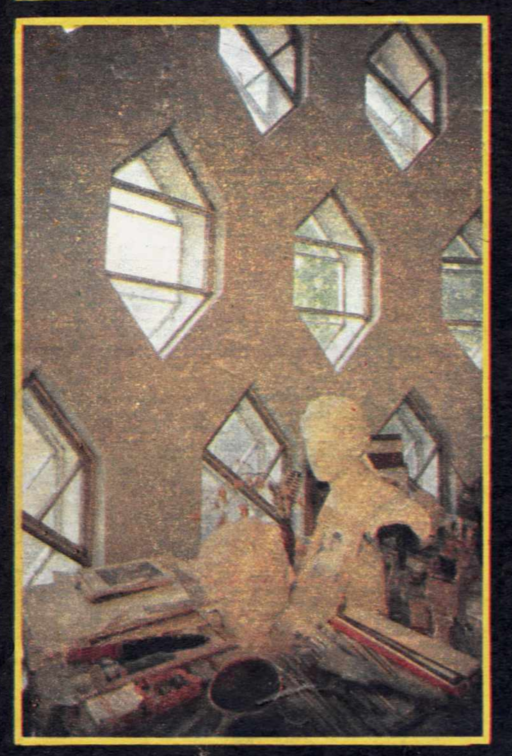
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вертикал. 2. Пентод. 3. Ростра. 4. Забота. 5. Рапира. 6. «Пуритане». 8. Самодеятельность. 14. Асатиани. 15. Резанцев. 16. Тамбурин. 17. Гриценко. 18. Графекон. 19. Рябушкин. 24. Нептуний. 27. Соколова. 29. Шпагат. 30. Ипомея. 32. Боярка. 33. Ингода.

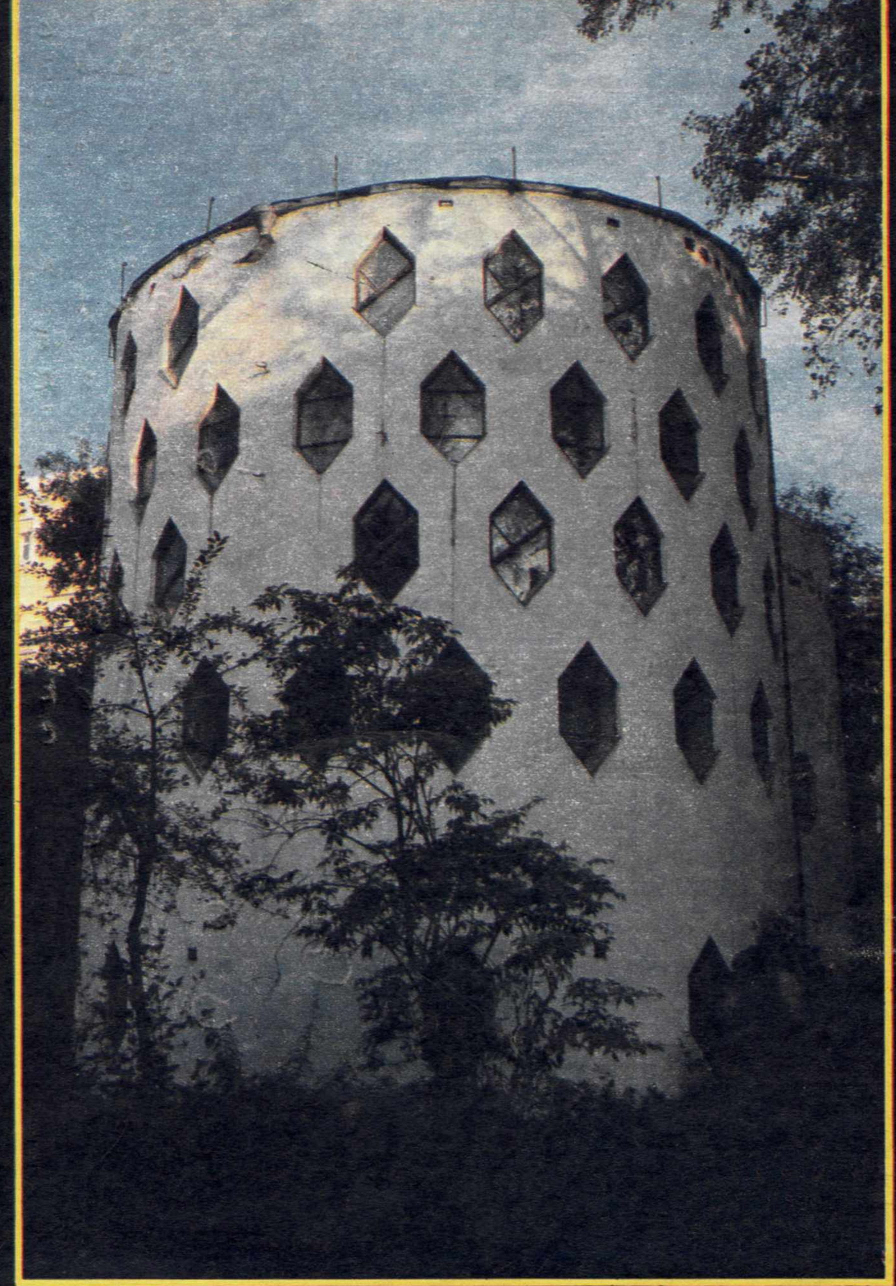
НЕТ ПРОБЛЕМ? Рисунок Александра ПРОНИЧКИНА

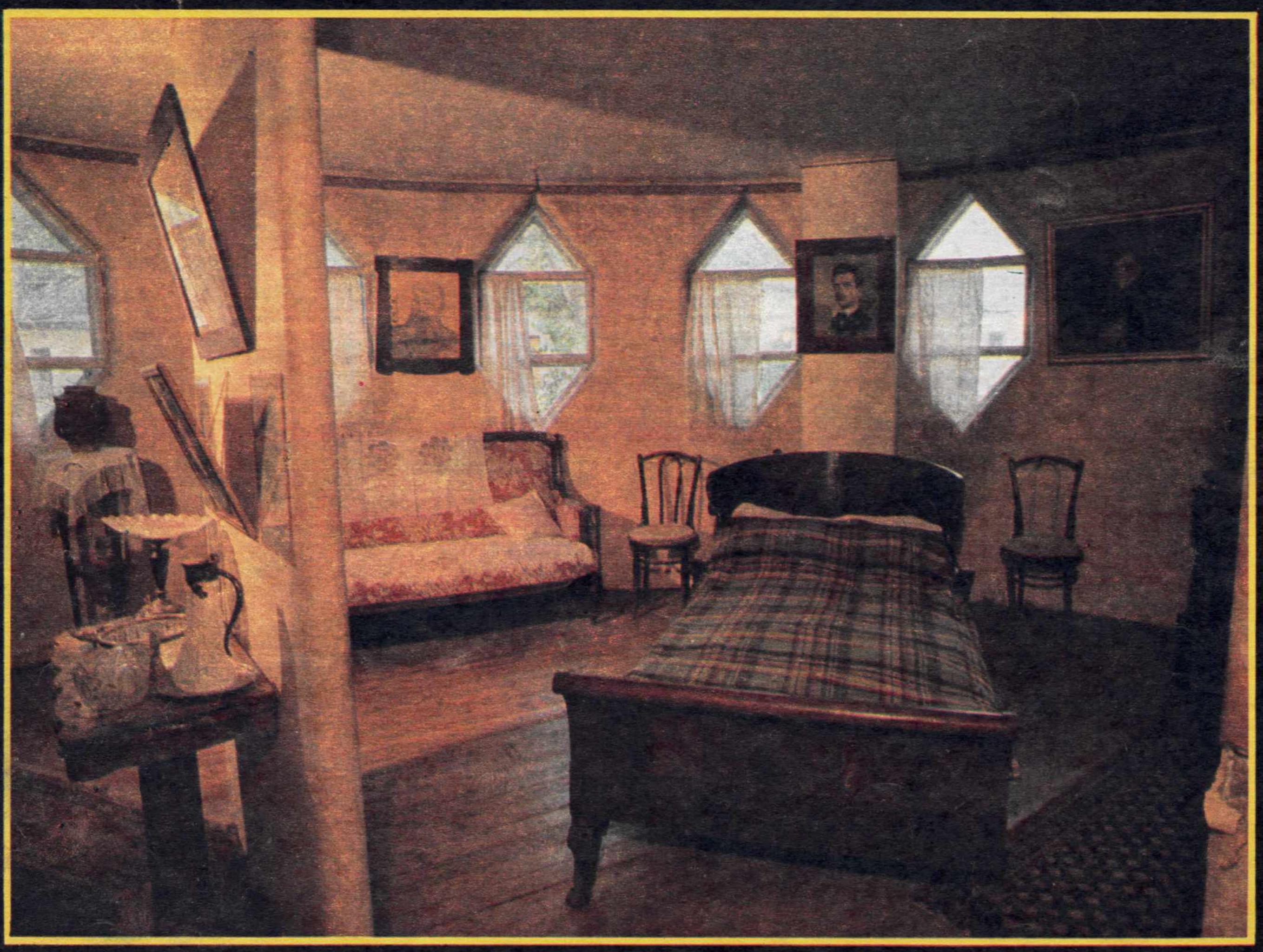

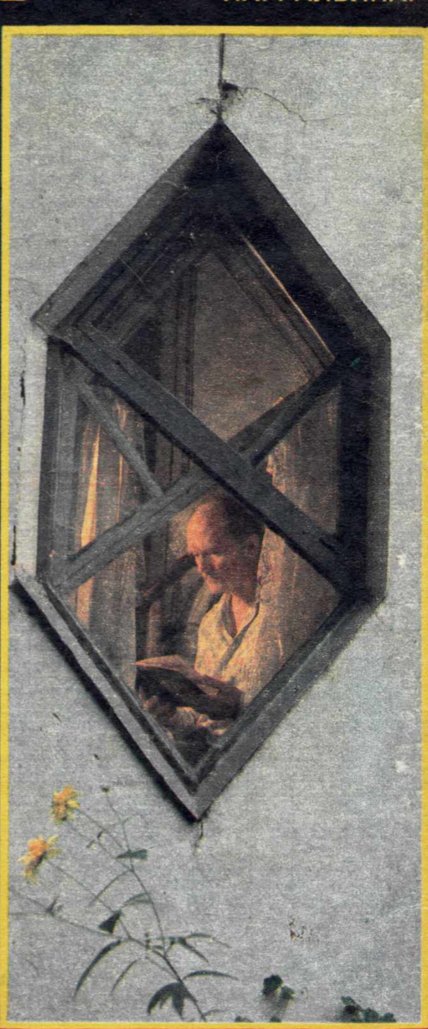

Дом Мельникова в Кривоарбатском переулке возникает загадочно, точно мираж. Есть что-то нереальное в двух его совмещенных цилиндрах с множеством окон-«иллюминаторов». Вспомнишь и древние русские храмы, их соразмерность человеку. И того мужика, что первым додумался водрузить на кровле избы конька, превратив ее в колесницу. Так и Мельниковский дом, точно белый корабль, устремлен в неведомое.

См. в номере материал «Кредо гения».

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

ISSN 0131—0097

Индекс 70663 Цена номера 40 коп.